

2010 INTERNATIONAL CONFERENCE PAPERS VOLUME

ODESSA NATIONAL I. I. MECHNIKOV UNIVERSITY (UKRAINE)
INSTITUTE OF INNOVATIVE AND POSTGRADUATE EDUCATION (UKRAINE)
SOUTH-RUSSIAN STATE TECHNICAL UNIVERSITY (RUSSIA
PASSAU UNIVERSITY (GERMANY)

**CULTURAL INTEGRATION AND
IMMIGRATION IN MODERN SOCIETY:
INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVE**

09 -10 August 2010, Odessa, Ukraine

**ODESSA
2010**

**ОДЕССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. МЕЧНИКОВА
ИНСТИТУТ ИННОВАЦИОННОГО И ПОСЛЕДИПЛОМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НЕМЕЦКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПАССАУ**

**КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ИММИГРАЦИЯ В
СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
9- 10 АВГУСТА 2010 ГОДА**

**ОДЕССА
2010**

УДК 159.9

ББК

Культурная интеграция и иммиграция в современном обществе: междисциплинарная перспектива – 2010: Сборник докладов международной научной заочной конференции (Одесса, 9- 10 августа 2010 г.) / Отв. за вып. Л.С. Смокова. – Издательский центр „ВМВ”, ОНУ И.Мечникова, 2010. - 146 с.

В сборнике научных работ представлены материалы международной научной конференции «Культурная интеграция и иммиграция в современном обществе: междисциплинарная перспектива», отражающие научно-исследовательские и практико–ориентированные инициативы аспирантов и молодых ученых в междисциплинарных областях иммиграционной проблематики. Представлены результаты теоретических и экспериментальных исследований участников из Германии, Болгарии, Греции, России, Украины.

Предназначен для студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей.

Редакционная коллегия сборника: д–р пол. наук, проф., Л.Н. Дунаева, канд. псих. наук, Л.С. Смокова, д-р филос. наук, проф. П.П.Генкова, д-р пед. наук, Р. Энгелс- Критидис, канд. мед. наук, О.Ю. Донец.

ISBN

© Коллектив авторов, 2010

CONTENTS

REPORTS

of the International Conference on Cultural Integration and Immigration in
Modern Society: Interdisciplinary Perspective

1. **Vanova Savelina.** Intercultural success non-original speech production: a project for description of its morphological features..... 3
2. **Барышная Наталия.** Миграция и этносоциальная структура региона: внутренний колониализм..... 6
3. **Velizarova Maria.** Mobility circle and return migration a case study of bulgarian student mobility..... 15
4. **Vishogradska-Meyer Ina.** Language beyond nation-state: Bulgarian language contact outside Bulgaria..... 26
5. **Gajda Anna, Genkova Petia.** Cultural integration as a mayor success factor during the PMI of international M&A?..... 30
6. **Genkova Petia.** Intercultural competence and cultural adaption – an empirical analysis of factors influencing..... 38
7. **Горчакова Ольга.** Поликультурная образовательная среда: сущностные характеристики..... 42
8. **Dunaeva Larisa, Smokova Liudmyla.** Tolerance and intercultural competence: cross-cultural perspective..... 47
9. **Engels-Kritidis Rozalina.** Intercultural education in Greece: some policies and good practices aimed at the integration of immigrants' children..... 53
10. **Engels-Kritidis Rozalina, Stellakis Nektarios.** Cultural integration of bulgarian immigrants' children in Greece based on bulgarian and greek literally corresponding proverbs and sayings..... 64
11. **Закревский Владимир.** Гуманистическая трансформация мировой социальной динамики..... 71
12. **Kaune Katharina.** Cultural distance and cultural fit as a predictors of cultural adaptation..... 75
13. **Кременчуцкая Маргарита, Акоюн Артур.** Динамика ценностей представителей субкультуры (на примере клубных развлекательных заведений)..... 81
14. **Кременчуцкая Маргарита, Шеренговой Игнат.** Психологические аспекты формирования информационного общества..... 87
15. **Лаврова М.** Психологические особенности переживания студентами

стресса.....	93
16. Mitterer Bernhard. “Feminization of schooling”: a German and an international perspective.....	97
17. Мокин Константин. Миграционная история - основной фактор выбора стратегии адаптации.....	103
18. Pavlova Mariya. On the concept of civil society and the different “modes of incorporation”.....	117
19. Smokova Liudmyla. Acculturation goals and intercultural competence as predictors of successful socio-cultural adaptation.....	121
20. Йовева-Димитрова Снежана. Опыт Австрии и Словакии в области интеграционной политики.....	127
21. Chavdarova Velislava. Value attitudes in social change (comparative study of bulgarian and ukrainian students)	133

УДК 159.9.316.455

NON-ORIGINAL SPEECH PRODUCTION: A PROJECT FOR DESCRIPTION OF ITS MORPHOLOGICAL FEATURES

Savelina Banova
Sofia University, Bulgaria
banovasavelina@yahoo.com

Abstract: *The current paper presents a research project of Sofia University concerning the description of non-original speech. The aim is to set up an accessible and comprehensive database of the morphological characteristics of the Bulgarian interlanguage. The setting up of the corpus targets at provoking the interest of linguists, both from theoretical and methodological perspective. Thus, by providing valuable language material, it could assist the unveiling of new data concerning the acquisition of universal and language-specific categories, the untangling of typological issues, as well as the development of more precise methodological systems. The research team also hopes that the project in question will prove to be interesting for the foreign scholars of Bulgarian.*

1. Current issues in the field

In contemporary society, unquestionably, we witness migration of people across language borders. This leads to situations where one resides actively, i.e. studies, works, in a country with a different language than his/her own. Namely because of this the phenomenon language contact and the issues concerning it are enjoying a growing popularity among the linguists during recent years (Vishogradska 2007: 35-40). The investigations on language contact in foreign language teaching provide interesting data on acquisition and simplification of languages in bilingual and polylingual environments. These data brought about the creation of the thesis for existing of interlanguages. According to it, in the mind of the foreign language learner a particular language system is created and it is characterized with a set of rules – one part of them belongs to the target language, another part – to the interlanguage.

The concept of identifying, collecting and systemizing the peculiarities (errors) in the production of foreign language speech is not a new one, rather, it has its traditions in linguistics (Danchev 2001: 91 and following).¹ Further analyses of material on Bulgarian interlanguage have been seen in various investigations, but only of given grammatical categories or a certain language phenomena. Still, there is no comprehensive, overall investigation devoted to Bulgarian interlanguage.

2. Goals

The main purpose of the project in question is to create a corpus of the morphological features characteristic of the Bulgarian interlanguage by developing a

¹ Among the base works concerning this linguistic field and involving Bulgarian language is the *Contrastive linguistics* monography by Andrej Danchev, which is clearly the main work on the interlanguage studies in Bulgaria.

concept for identifying, gathering and structuring of the systematically appearing variations which learners of Bulgarian as a foreign language generate in their attempts to produce Bulgarian. The issues and problems accompanying the description of interlanguages can be compared to the ones emerging in the description of natural language. Moreover, they can be even more complicated given the increased degree of variability, which is typical of interlanguages.

As it is known, each such description of an interlanguage begins with description of the speech production and continues with setting up hypotheses relevant for the given language system. As mentioned above, the theoretical studies on Bulgarian interlanguage are far from numerous, unfortunately. The setting up of the corpus aims at provoking the interest of linguists, both from theoretical and methodological perspective. Thus, by providing valuable language material, it could unveil new data concerning the acquisition of universal and language-specific categories, the untangling of typological issues, as well as the development of more precise methodological systems.

3. Tasks, methodology

As it is known, the theory for existing of a third (inter-) language in foreign language acquisition is based on the thesis that in the mind of the learner a separate language system is generated. The proposition is grounded on the fact that the speech of foreign language learners differs from the original speech produced by the so-called “natural”, native speakers. This new, generated system is regular, i.e. it is systematic and meaningful – it has its own grammatical system and can be described by a set of rules (see Selinker 1972/92).

In order to conceptualize the interlanguage, it is important to account for the fact that it is an abstraction of the learner, realized as particular manifestations which have a certain chronological order and which demonstrate the various levels of foreign language acquisition. Therefore, the interlanguage is a dynamic system which is being developed in the course of language acquisition. The indisputable pursuit of better quality and effectiveness in the foreign language teaching requires the development of precise procedures for establishing of the results achieved by one or another procedure. In practice, this means nothing but authentic, “attested” description of the given interlanguage.

The first task which should be tackled is to make a strict distinction between the sporadic errors and the systematic errors, the latter being characteristic of the interlanguage in a given stage of its investigation. It is a mutual understanding that sporadic errors occur as a result of circumstances outside the language and thus they do not reflect the degree of language acquisition. The systematic errors, however, reveal a certain linguistic competence which is in the disposition of the learner at that given stage of acquiring knowledge. Namely the systematic errors provide information concerning the intersystem in the process of language acquisition and reveal its differences from the system of the target language (see James 1998). In

classifying the mistakes, both linguistic and psycholinguistic mechanisms are to be taken into consideration.

Another important task which the project in question deals with is the tracing of the dynamics of the development of the interlanguage forms. Departing from that goal, the project turns to examining the language characteristics during the various periods of the language acquisition, which, subsequently, will allow for revealing information regarding the morphological features typical of each stage within an interlanguage.

Undoubtedly, description of interlanguages is inevitably comparative. In the process of describing the morphological characteristics, the research will depart from the formulation of the three codes, or three languages of description. The first one is the target language, the second one is the interlanguage, and the third one is the source language. By comparing the interlanguage and the source language the systematic mistakes are identified, and by comparing the interlanguage with the target language, the native language transfer is detected. An important point is that the specific feature of each stage of language acquisition will be identified and described.

4. The expected outcome

A comprehensive database will be set up, thus allowing for giving account for each stage of acquisition of Bulgarian as a foreign language. Such database presents the morphological characteristics of the Bulgarian interlanguage of learners with various mother tongues, which can be a source for both methodological and theoretical investigations, as also expected by the scientific team behind the project². The data provides also a possibility for tracing and defining the mechanisms accompanying language acquisition. In a broader perspective the data The project in question has the purpose of setting up a whole series of similar database, which do exist for quite some languages already, but for Bulgarian it is now to be elaborated.

References:

1. Danchev 2001. Данчев А. Съпоставително езикознание. Теория и методология. София: Унив. изд. „Св. Кл. Охридски”
2. James C. 1998. Error in Language Learning and Use (Exploring Error Analysis). New York
3. Selinker L. 1972. Interlanguage. – In: International Review of Applied Linguistics, Vol. 10, № 3.
4. Selinker L. 1992. Rediscovering Interlanguage. London: Longman
5. Vishogradska, I. 2007. Вишеградска, И. „Кукувичите” думи при езиков контакт. – Dissertstiones Slavicae: Linguistica XXVII. Szeged, 35-40.

² In the research team behind the project work highly qualified academicians specialists in the field of foreign language acquisition and teaching (who work at Sofia University – the Department of Language Learning) and who are authors of textbooks, references, monographies and other theoretical works directly connected with the specific field of the project.

УДК: 325.45

МИГРАЦИЯ И ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РЕГИОНА: ВНУТРЕННИЙ КОЛОНИАЛИЗМ¹

Барышная Наталия Александровна
Кандидат политических наук, доцент
Заместитель директора по науке
АНО «Независимый институт социальных исследований», Россия
socis@list.ru

Говоря о внутреннем колониализме, мы будем подразумевать одну из форм социального и/или экономического модернизма, при которой существует центростремительная пара «центр-периферия», базирующаяся на парадигме периферийной зависимости и отсталости². При этом существуют различные формы зависимостей периферии от ядра, выраженных в виде социальных, экономических, политических связей. Иначе говоря, «внутренний колониализм» означает состояние структурной зависимости одного субъекта отношений от другого³.

Для нас принципиально важно, что данная модель отношений зависимости проецируется, в том числе, и на этносоциальную структуру. Более того, «...колониальное развитие создает разделение труда по культурному признаку, систему стратификации, при которой объективные культурные различия совмещаются с классовым делением»⁴.

Современные экономические (рыночные) условия базируются не просто на противоречии «капитал-труд», но на сложной иерархии внутри сегмента «труд». Хотя любой труд эксплуатируется (производит прибавочную стоимость, т.е. отчуждается), все же некоторые рабочие теряют больше в сопоставлении с произведенной ими прибавочной стоимостью. Существует фактическая иерархия занятий, определяющая уровень доходности, степени свобод и т.д. Однако мы все чаще наблюдаем, что вместе с иерархией занятий появляется «этнизация» рабочей силы внутри государства. Результаты массовых опросов, в том числе и в различных странах, в разные периоды времени показывают, что существовала очень прочная связь между этнической

1 Работа выполнена в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда №10-03-00063 «Социальные границы полиэтнической организации в современном городе: формирование и трансформация»

2 Смит Э. Капитализм и модернизм//Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма/Пер.с англ.А.В.Смирнова, Э.С.Загашвили и др. –М., Праксис, 2004.С.117.

3 Луман Н. Дифференциация. Пер.с.нем./Б.Скуратов. М.: Логос.2006.С.85

4 Хечтер М. Внутренний колониализм//Этнос и политика/ Хрестоматия, М.Издательство УРАО.2000.С.208.

принадлежностью и занятием (профессией), обеспечивающая одной (доминирующей) группе более широкий выбор возможностей.

С точки зрения «повседневной логики» государства в этническом разделении видов экономической деятельности есть немало достоинств. Различные типы производства требуют различных норм поведения рабочей силы. Если это поведение не определяется генетически, ему следует учить. Рабочая сила должна социализироваться, формируя *разумно разнообразное мировосприятие*⁵. «Культура» этнической группы есть не что иное как набор правил, действовать в рамках которых родители обучают своих детей в процессе социализации. Эту же роль обычно выполняет государство (посредством реализации разного рода этнографических мероприятий или фольклорных элементов в программах национально-культурного развития народов региона) или система школьного образования. Но обычно открыто государство старается избегать выполнения этой особой функции, т.к. это противоречит нормам равенства и может вызвать серьезную критику. Однако социальные группы не только имеют возможность социализироваться по-разному, но, более того, различная социализация является основным определением социальных групп. Безусловно, подобная политика государства не будет легитимной, если ее проводить в открытую, однако она претворяется в жизнь скрытно, в качестве «добровольного» поведения групп, защищающих свою социальную идентичность, и косвенно поддерживаемых государством посредством программно-целевых механизмов (конкурсы, программы развития национальных культур и т.д.).

Подобный подход, по своей сути, обеспечивает легитимацию иерархической структуры современных экономических отношений, которая не противоречит равенству перед буквой закона. Иначе говоря, все заключается в следующем – «этничность или же институт национальности разрешает одно из основных (базовых) противоречий капитализма – одновременное стремление к равенству в теории и неравенству на практике, что происходит посредством усвоения менталитета своего класса (страты, группы)»⁶.

Все вышесказанное можно отнести к современным формам расизма. Однако, тем не менее, мы продолжаем отмечать наложение этнических границ на границы социальной, экономической, образовательной дифференциации. «Расколотый рынок», об угрозе которого предупреждали эксперты в середине и конце прошлого столетия, стал явью. Социальная реальность, отраженная в экспертных оценках, результатах массовых опросов подтверждает выдвинутые выше тезисы.

При этом «жизнестойкость объективной культурной самобытности на периферии сама по себе должна быть результатом неравного распределения

5 Валлерстайн И. Конструкция народа. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003. С.100.

6 Валлерстайн И. Указ. соч. С.101.

ресурсов между группами ядра и периферии»⁷. Ресурсы, выступающие линией водораздела между доминирующей группой и группой периферии могут быть как экономические (доступ к нишам занятости на рынке труда), социальные (уровень инкорпорированности языка, культуры, традиций и обычаев в сферу доминирующего большинства), так и политические (возможности лоббирования интересов периферийных этнокультурных групп).

По мнению Э.Смита,⁸ это неравное распределение является результатом контроля, осуществляемого этническим ядром (доминирующей этнокультурной группой), над каждым аспектом социальной и экономической жизни периферии (групп маргинализируемого этнического меньшинства) и отказом к повышению социально-структурного уровня периферии.

В подобных условиях давления на группу самым адекватным ответом на подобные «репрессии» этнокультурных групп, находящихся на периферии социальной структуры сообщества, выглядит пробуждение их этнической солидарности, рост этнонационалистических настроений, выражающихся, как в требованиях культурного «возрождения», так и в реальном физическом противостоянии (конфликтах) с доминирующей группой.

Однако, для роста националистических настроений группы необходим достаточно высокий уровень коммуникации между ее членами, что обеспечивается не только экономической (профессиональной) сегрегацией, но и сегрегацией по признаку места жительства, появления «этнически гомогенных» поселений. В современных условиях во всех модернизирующихся странах мира, и в России в том числе, можно отчетливо увидеть появление анклавных, моноэтнических поселений, в которых признак текущего места жительства напрямую связан с проявлением этничности и сопутствующей ей формами социального контроля и систем санкций.

Важно отметить и то, что существуют обратные тенденции, обеспечивающие устойчивость этнокультурной сегрегации экономических отношений. Так, все указанные выше факторы в той или иной мере стимулируют рост этнической сплоченности, а в ситуации систематической структурной зависимости этнокультурная группа, находящаяся на периферии социально-экономических и политических отношений, понимает всю безальтернативность дальнейшего сосуществования с группой доминирования и тем самым побуждает ее представителей сопротивляться объединению (интеграции на неравных условиях) и ассимиляции (для сохранения своей этнокультурной идентичности).

7 *Хечтер М.* Внутренний колониализм//Этнос и политика/ Хрестоматия, М.Издательство УРАО.2000.С.201

8 *Смит Э.* Капитализм и модернизм//Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма/Пер.с англ.А.В.Смирнова, Э.С.Загашвили и др. –М., Праксис, 2004.С.119.

Именно это объясняет непрерывное сопротивление малых этнокультурных групп (в первую очередь, этнических миграционных групп⁹) давлению со стороны государства и проникновению в ее среду ценностей модернизма (капитализма). Именно процессы, связанные с проникновением государственных идеологем, новых форм социальных, экономических отношений (требований разного рода приспособления, модернизации, отказа от привычного образа жизни) порождают серьезное, а иногда и острое противодействие со стороны «осажденных» периферийных сообществ. «Война идентичностей» перерастает при этом в войну структурную, что еще более усугубляет положение периферийного этнокультурного сообщества, оставляя ему, как правило, лишь стратегию маргинализации¹⁰.

В современных условиях остается фактом, что этническое разделение общественных отношений все чаще трансформируется в сегментное разделение труда. При сегментном разделении труда «члены этнических групп взаимодействуют всецело в пределах границ своих групп, и в результате монополизируют определенные ниши в профессиональной структуре»¹¹.

С точки зрения государства, это разделение может вносить не только определенный дисбаланс в систему экономических отношений, но и порождать сепаратистские настроения (этнорегионализм).

Проблеме структурной конкуренции (в этническом контексте) в России, к сожалению, в отечественной социальной науке не уделяется серьезного внимания. Единственный известный нам проект реализуется ИЭА РАН¹².

Разработки западных ученых, посвященные проблематике «внутреннего колониализма», связаны, в первую очередь, с тезисом о связи этнической группы с территорией, легко узнаваемой и этнически маркированной (например, шотландцы и Шотландия, бретонцы и Бретань, баски и Баскония (Каталония)). Но, практически, не уделяется внимания использованию этой структурной модели («внутреннего колониализма») для объяснения противоречий между этническими миграционными сообществами, анклавно проживающими на территории регионов (у которых нет «своей земли»,

9 То есть групп, относительно недавно прибывших на территорию данной страны, региона, и которые «традиционно» не проживали на этих территориях. Перемещение этих групп связано, с одной стороны, с индивидуальными стратегиями ее членов, а с другой - с серьезными структурными проблемами на территории исхода (дискриминация, апартеид, геноцид и т.д.), что обеспечивает относительно массовое переселение представителей этих этнокультурных групп.

10 Мокин К.С. Барышная Н.А. Этнополитическое исследование: концепции, методы, практика. Саратов, 2009. Изд.центр «Наука», С. 48.

11 Hechter M, Levi M. The Comparative Analysis of Ethno-regional Movements// Ethnic and Racial Studies. 1979., p.260.

12 Грант РФФИ 10-06-00537-а «Социальные факторы этнической нетерпимости». Рук.- акад. В.Тишков. Задача предлагаемого проекта – на основе серии социологических опросов в регионах Российской Федерации и опроса экспертов в этих регионах показать, с использованием статистически значимых зависимостей, что к этнической нетерпимости приводит структурная («отраслевая») социальная конкуренция, а не сама по себе безработица или слабое экономическое развитие региона.

воспеты в мифах, легендах, сказаниях), и группой культурно доминирующего большинства.

Ведь группа, недавно прибывшая на определенную территорию и культурно отличительная, автоматически ставится в подчиненное положение к группе культурного большинства, и на нее распространяется маркировка лишь «дополнительности», «второстепенности» в этносоциальной структуре региона.

Здесь мы не рассматриваем сценарий, при котором периферийная группа меньшинства активно развивается и модернизируется с большей скоростью, чем большинство («ядро»), и обеспечивает себе более выгодные социально-экономические и политические условия, становясь, фактически, «новым доминирующим «центром». В этом случае можно было бы говорить, в потенциале, о развитии сценария этнического сепаратизма и движения за этническое отделение (для целей обеспечения сохранности набранного социального, экономического и политического капитала группы)¹³. Однако в современных условиях на большей части регионов России (возможно, за исключением регионов Кавказа) это практически невозможно, поскольку политическая формула российского федерализма (с него ассиметричностью) сфокусировала в руках доминирующего культурного большинства все символические и экономические ресурсы, обеспечив устойчивую полиэтническую структуру страны.

Продемонстрируем вышеизложенные тезисы на конкретных эмпирических материалах Саратовского региона. Объектом анализа мы выбрали этнокультурную группу дунган, как наиболее ярких представителей этнической миграционной группы.

В 2002 году по данным Всероссийской переписи в России насчитывалось всего лишь 800 (!) представителей этой группы.

В Саратовской области дунгане начали селиться с 2002 года, активно увеличивая численность групп и селясь, в основном, в районах, ориентированных на сельскохозяйственный экономический профиль: Ровенский р-н, Ершовский р-н.

По данным УФМС по Саратовской области в 2008 году *«Стали селиться дунгане – овощеводы»*¹⁴. **Положительное сальдо дунган в 2008 году составило 1100 человек.**

13 По мнению Л.М.Дробижевой, «опережающая модернизация» всегда, или почти всегда стимулирует рост сепаратистских движений. *Дробижева Л.М.* Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М. ИС РАН, ИЭА РАН, 2002.

14 <http://news.sarbc.ru:80/main/2008/04/15/78948.html> «С начала 2008 года в Саратовской области было выдано 547 разрешений на работу для иностранных граждан. Всего в регионе работает по подобным разрешениям не более 5 000 человек. Они приехали из 18-ти стран мира, в основном - из ближнего зарубежья; есть граждане Китая, Турции, Великобритании, США. Больше всего - из Узбекистана и Таджикистана. 87% гастарбайтеров - мужчины, 13% - женщины. Подавляющее большинство (46%) - в возрасте от 18-ти до 29-ти лет; 7% - предпенсионного и пенсионного возраста. 54% иностранных граждан приехали на работу в Саратов, еще 18% - в Энгельс, 4% - в Саратовский район, 8% - в Ровенский. По словам начальника УФМС по Саратовской области, в последнем начали активно

В 2009 году уже прибыло 1800 дунган, в основном поселившись в Ровенском районе Саратовской области¹⁵.

В силу серьезных культурных и поведенческих различий (проявляющихся не только в фобиях, но и в реальном физическом противостоянии) дунгане вынуждены были селиться анклавно, заселяя брошенные 5-10 лет назад местным населением села. В настоящее время на территории Ровенского района существует 5 моноэтнических поселений дунган с средней численностью каждого поселения около 0,7- 1,0 тыс.чел. При этом ежегодно в течение последних двух-трех лет прибывают в Саратовскую область около 1,5 тыс. дунган (в основном из Казахстана и Киргизии – по данным УФМС по Саратовской области).

Экономическая специализация этнокультурной группы дунган в Саратовской области – сельскохозяйственная деятельность: выращивание бахчевых культур (арбузы, дыни), зелени (укроп), корнеплодов (морковь) и их первичная переработка.

По сути, это яркий пример группы, вытолкнутой на социо-культурную и экономическую периферию региона, вынужденной обживать уже «стертые» переписью 2002 года села Саратовской области.

При этом в отношении группы можно отметить следующее¹⁶:

А) Большая часть иммигрантов находится в стадии оформления гражданства России, что влечет за собой их полунелегальное положение¹⁷:

Б) По данным пилотных обследований, в моноэтнических компактных поселениях форма и организация жизнедеятельности поселений иногда существенно отличается от требований российского законодательства, в силу того, что иммигранты предпочитают так называемые «традиционные» формы управления общностью, основанные на приоритете кланово-родственных отношений, а не основанные на «вертикали светской власти, что подрывает

селиться граждане Кыргызстана по национальности дунгане. Около 1 000 человек обосновали три села и занялись овощеводством. В основном иностранцы устраиваются на стройки, сельскохозяйственные предприятия, объекты общепита, автосервисы. 40% из них - подсобные рабочие, 10% - овощеводы, а также бетонщики, водители, кондитеры и другие. По данным УФМС, нелегальных мигрантов в губернии около 3 000 человек. Согласно квоте на этот год, Саратовская область может принять в качестве иностранной рабочей силы не более 6 890 человек.

¹⁵ <http://news.sarbc.ru/main/2009/12/14/96244.html> «В область едут дунгане»: «В Ровенском районе с 2004 года увеличивается поток прибывающих иностранных граждан. В текущем году на учет было поставлено более 1,8 тыс. мигрантов. На совещании, на котором обсуждалось взаимодействие органов власти, правоохранительных органов и национально-культурных объединений по регулированию миграционной ситуации, в частности, было обращено внимание на ситуацию с прибывающими гражданами Кыргызстана, являющимися представителями дунганской общины, образованной в Ровенском районе. Представители общины дунган, присутствующие на совещании, сообщили, что проблем у них нет, т.к. местные органы власти оказывают им содействие в решении многих социально-бытовых вопросов, а общественные объединения ведут работу, направленную на вовлечение общины дунган в культурную и общественную жизнь района и области».

¹⁶ Данные на основе пилотных исследований в Ровенском районе, декабрь 2009 года.

¹⁷ Этим активно пользуются сотрудники УФМС, особенно, когда нужно сделать «план» по выявлению «нелегалов».

«светский характер» власти, и требует «новых форм управления» этнокультурными группами¹⁸;

В) В силу компактности и существенной территориальной обособленности у иммигрантов (даже при условии получения гражданства РФ) не возникает интеграционных устремлений, в том числе, связанных с изучением государственного (русского) языка, поскольку основным языком общения внутри поселения является дунганский, обеспечивающий наибольшую социальную и экономическую (в смысле взаимодействия) эффективность;

Г) У органов местной власти (районных администраций) практически отсутствует опыт организации государственно-властных отношений с лидерами общин, что часто приводит к конфликтам, а в ряде случаев выражается в обращении к областным властям с просьбой ограничить въезд представителей конкретных этнических групп, либо отказать им в получении гражданства, и в этом случае вынудить их покинуть территорию района/региона;

Д) В ряде районов отмечается высокий уровень интолерантности, подпитываемый фобийными выступлениями лидеров общественного мнения, что влечет к резкому росту бытового насилия, формированию позиций этноцентризма.

Важно отметить экономическую эффективность деятельности общин. Например, воспроизводством бахчевых культур в Саратовской области занято менее 2-5% посевных площадей. При этом более 70% объема бахчевых культур, потребляемых жителями Саратовской области, произрастает в Ровенском районе и обеспечивается дунганами (их работой).

Однако эффективность сельскохозяйственной деятельности дунган – предмет не только «гордости» местных властей, но и символ социальной границы, предмет и причина жесткой конкуренции с другими этническими группами, «специализирующимися» на «овощном бизнесе». Еще два года назад на заседании одного из комитетов Ассамблеи народов Саратовской области ряд лидеров других этнических сообществ высказывались за резкое ограничение экономической деятельности дунган, вплоть до запрета на сельхозработы, мотивируя это тем, что они используют «традиционную китайскую методику»

18<http://www.saratov.gov.ru/news/interviews/detail.php?ID=32059> «Распоряжением главы Ровенского муниципального района от 11 марта 2008 года создана межведомственная комиссия по вопросам миграционной политики. На заседаниях комиссии раз в квартал обсуждаются вопросы по адаптации мигрантов на территории района, проблемы района, возникающие в связи с массовым прибытием дунган. Сотрудники комитета общественных связей и национальной политики области совместно с лидерами национально-культурных объединений региона также активно участвуют в решении вопросов дунган. Ведется постоянный мониторинг этноконфессиональной обстановки в районе, часто организуются встречи активистов дунган и представителей власти. На последней такой встрече дунганам было рекомендовано организовать собственную национально-культурную автономию, избрать своего лидера. Это позволит быть в постоянном контакте с соответствующими структурами как местных властей, так и Правительства с общиной дунган и, как следствие, более оперативно решать возникающие вопросы...» <http://saratoff.ru/news/society/2009/6/19723> «Сегодня перед вновь созданной организацией дунган стоит задача стать надежным партнером администрации Ровенского района в деле сохранения общественной стабильности...».

обработки земли – выжимание «всех соков земли» – якобы активное использование химикатов (включая селитру, пестициды, ДДТ, и т.д.), что приводит к «опустошению» пахотных земель.

Результаты пилотных обследований показывают, что существует жесткая стратификационная политика местных властей: с одной стороны они не в состоянии (юридически) ограничить въезд дунган и получение ими гражданства России¹⁹, а с другой, предпринимаются все усилия, направленные на локализацию общины, недопущение (под любыми предлогами) формирования местных (малых) бизнес-структур – практически все дунгане работоспособного возраста являются наемными работниками в разного рода ЧП, ИП, ООО и, фактически, занимают нишу, связанную с ручным(!) возделыванием земли и ручной переработкой.

В социальной плоскости, несмотря на заверения властей, что дунгане обеспечены социально, есть детский сад и дети могут посещать школу, где «они познают азы русского языка и русской культуры», фактически существует социальная сегрегация. Интенсивность контактов между дунганями и местным населением находится на «минимально приемлемом» уровне.

Здесь важно отметить высокую значимость стереотипов, которые используются как в системе социального управления, так и в межличностном отношении. Думаем, не нужно объяснять, какой эффект производит на местные власти при «определении» «кто же такие дунгане?» – сочетание слов «китайцы», и к тому же «мусульмане», которые, собственно, являются маркерами «дунганства», несмотря на проводимые разного рода фольклорные праздники²⁰.

По сути, мы имеем два варианта «колониальных» стратегий. Первая – по отношению к инокультурной группе дунган, которые мыслятся как периферийная группа, «обязанная» существовать в социально-экономических условиях, очерченных местным доминирующим сообществом региона. С другой стороны, сами дунгане часто используют «колониальную» стратегию адаптации и интеграции, что проявляется в специфическом освоении экономических, природных и климатических ресурсов. Так, по мнению Н.Смирновой, руководителя УФМС Саратовской области, большинство дунган тяготеет к освоению, в первую очередь, «лучших земель», осваивая их «безжалостно»²¹.

19 По соглашению России с Киргизией, граждане Киргизии, как бывшей республики СССР, имеют право на упрощенную процедуру получения российского гражданства.

20 Стандартные фразы, описывающие ситуацию: «Саратовских китайцев все больше!» (см. <http://www.sarinform.ru/news/culture/18032>).

21 <http://redcollegia.ru/14417.html> Из выступления главы УФМС по Саратовской области: Известно, что мигранты стремятся селиться группами. Иногда оккупируют целые городские, сельские районы. У нас это наблюдается? И какие меры вы принимаете для их контроля и регулирования? – Просто какая-то часть приезжает, обосновывается в определенном месте и зовет своих сограждан. Вот, например, в Ровенский район едут граждане Кыргызстана – дунгане. Это выходцы из Китая, которые уже давно живут в Кыргызстане. Ровенский район – место компактного проживания дунган в

Важно отметить, что в подобной ситуации культурного, экономического, политического подчинения находятся не только дунгане, но курды, узбеки, туркмены, отчасти – азербайджанцы, армяне...

Таким образом, в настоящее время, говоря о этносоциальной структуре региона, мы можем утверждать, что практически все этнические миграционные сообщества взаимодействуют в рамках модели внутреннего колониализма, при которой миграционные меньшинства выполняют роль «осваемых трудовых ресурсов» с четко очерченным социальным и экономическим ареалом жизнедеятельности. В условиях, когда планируются новые законодательные инициативы, связанные с введением для трудовых мигрантов патентов на трудовую деятельность (с четким очерчиваем сферы деятельности и мест работы) мы, фактически, будем иметь узаконенную систему внутренней колонизации трудовых ресурсов, основанную, в первую очередь, на этнической сегрегации рынка труда.

Саратовской области. Но это не значит, что в этом есть какая-то проблема. Просто такие места, на мой взгляд, требуют особого внимания. Например, в селе Привольное Ровенского района численность населения 1,5 тыс., из которых 367 дунгане, то есть 24%. *Это уже много.* Они малообщительны, живут замкнуто. Оформляют российское гражданство. Но замечено: пока оформляют – работают, когда получают – бросают работать. Сейчас дунгане стали уже и в Марксовском, и в Энгельском районах селиться. *Земли выбирают плодородные – не степь какую-нибудь.* Но в этом году наметилась тенденция, они стали выезжать в другие регионы на лучшие места. Как и многие, кто приезжает.... (Интервью с Н.Смирновой)

УДК: 325.14

MOBILITY CIRCLE AND RETURN MIGRATION A CASE STUDY OF BULGARIAN STUDENT MOBILITY

Maria Velizarova
PhD student, Vienna, Austria

Migration nowadays should be seen as an ongoing process. The standard understanding of leaving a country of origin and settling in a new country where the migrant spends the rest of his life is not a realistic scenario for the modern society. It should be considered that the first migration step can not be seen as the last mobility experience. (P. Han, 2005:8) One of the options for further mobility is the return in the country of origin. Return migration is not a new phenomenon in the migration history, not just for Bulgaria but also for the rest of the world. On the other hand it is one of the least explored parts of the migration science. (R. King, 1986:4)

The lack of information and data on return migration is a big difficulty for researching this topic. The second and even larger problem is the extreme lack of data about Bulgaria, not just about the returnees but also about how many people left the country after 1989.

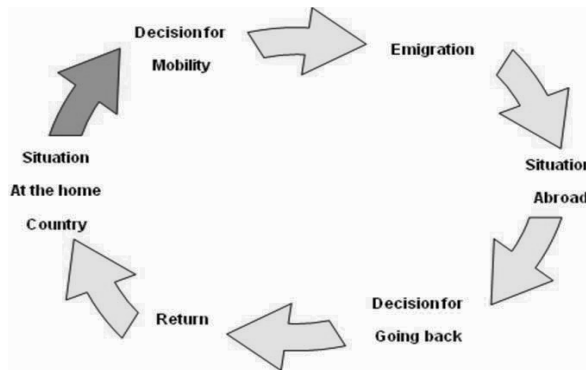
A solution for overcoming this problem can be a register of all Bulgarian living abroad for longer than a year. Such a register can be made with the help of the countries which are known as preferred destinations for Bulgarian migrants. A register of the returnees is a harder task. The only solution for having information about this group of Bulgarians can be the implementation of questions on this topic in the micro census in Bulgaria.

Return migration: Theoretical perspectives

The return migration is seen as a movement from one country to another and back. The circular migration can be seen also as a part of the return migration, where the movements from one country to another are repeating in time.

The latest definition on return migration is: *“The movement of a person returning to his/her country of origin or habitual residence usually after spending at least one year in another country. This return may or may not be voluntary. Return migration includes voluntary repatriation.”*(Glossary on Migration, IOM, 2004)

It should be taken in a serious consideration that the return is not the last stop of once mobility aspirations. The first decision for going abroad is probably the hardest one. Every next mobility step is easier and the migrants are better prepared and have more experience in changing their country of residence, at least till they have their own families and they have to have more settled way of life.

Figure 1 Mobility Circle

The different types of return migration could be defined due to the different migration experience and mobility intentions. The return migration is seen also as „ancestral return” (when after one or more generations the people are coming back to the country of their ancestors), „brain return“ (are high qualified people, who are coming back after studying or working abroad), „retirement migration” (people after spending most of their active life abroad are coming back to spend their resting years in their home country) (R. King, 1986:5-7). Due to this classification the target group of this research will be the „brain return“.

There are five theoretical approaches in the return migration studies: neoclassical economics (NE), the new economics of labor migration (NELM), structuralism, trans-nationalism and social network theory. One of the goals in this study is to define the mobility stages and the motivation for mobility at each stage, and also to analyze if after the return back home there is still a potential for more mobility actions among the high qualified returnees. With the help of the different theoretical approaches in return migration studies (neoclassical economics (NE), the new economics of labor migration (NELM), structuralism, trans-nationalism and social network theory) will be initiated a classification of the respondents and their return type.

- **Neoclassical economics (NE):**

In this perspective the return migration is seen as a failure. The returnees are those who *couldn't make it* in the new country. Another name for this phenomenon is the *return of failure* (“Returnees who intended permanent emigration but chose to return”) (B. R. Potter, D. Conway, J. Phillips, 2005:138)

“...in a neoclassical stance, return migration exclusively involves labour migrants who miscalculated the costs of migration and who did not reap the benefits of higher earnings. Return occurs as a consequence of their failed experiences abroad or because their human capital was not rewarded as expected.” (Cassarino,

2004:146)

- ***New economics of labor migration (NELM)***

NELM sees the migration process a “calculated strategy”.(Cassarino, 2004:164)With the first idea for migration there is a specific profit goal which is set in the migration plan, after reaching this goal the migrant is free an most of the time expected to come back home. The length of the migration depends on the time the migrant need to reach his/hers goal.(Breinbauer, 2008:85)

- ***Structural approach:***

In this approach the return depends not only on the individual experience abroad but also on the social and institutional situation in the country of origin. “*In fact, return is also a question of context.*”(Cassarino, 2004:166)

King makes a more specific categorization of the return of failure from Gmelch, making a difference between the circumstances under which the primer motivation for permanent migration changed. He saw three different reasons for return in this case. First one is when the “*forced return*” when the migrant lost his job or has family problems at home; the second reason is the “*nostalgia*” (which he defines as a return of failure) and the third one is “*the better situation at home*” which occurred during his/hers absence. (King, 1986:135-159)

Gmelch on his sight makes an important point in the case when the expected situation at the country of origin is not fitting the home reality. If the social, economic and political situation is not covering the expectations of the returnee, he/she will find it difficult to reintegrate in the home country, and that came lied to new migration. Such a situation under questioned the sustainability of the return. (King, 1986:135-159)

- The ***Transnational approach*** is very popular nowadays when the migration is seen in a global context where the mobility is no impediment anymore.

“*According to transnationalists, returnees prepare their reintegration at home through periodical and regular visits to their home countries*” (Cassarino, 2004:171)

With the regular visits at home the returnees are solving the concerns of Gmelch about the successful reintegration at home.

- Finally there is the ***Network approach***, which seems in some aspects common with the transnational one.

“*Social structures increase the availability of resources and information, while securing the effective initiatives of return migrants.*”(Cassarino, 2004:174)

The difference whit the transnational aspect is that in the case of the network approach, it is more about the informal connections in a country. For the transnational perspective the institutional and economic connections on an international level are the influential factors for the migration mobility.

To find out in this survey was the stages of the emigration experience as well as the variety of motivation behind then, which will help to find the best theoretical perspective defining the Bulgarian student returnees.

Student Mobility

As the big part from the sample gave the educational reasons as a primary motivation for their mobility, the student mobility and its perspectives need to be briefly explained.

The student mobility is seen mostly as a temporary mobility (Han, 2005:116-124). This is the reason why it is underestimated in the research field. It is taken for granted as a comprehensible phenomenon which dose not need to be explained.

This mobility is thought not to be influencing the social changes because it is rarely a massive phenomenon. Just in contrary, the practice proves that the existence of student mobility is a sign for the globalization of the economy, which leads to exchanging of experience and know-how (Han, 2005:117). The time spend abroad is an important life experience for each of those young people, which will influence their future decisions and career in a different way than their coeval who stayed in the home country. Considering the transnational theory of migration, those are the most well prepared people, who can facilitate the connections between two or more countries.

There can be different reasons for those young people to leave their home (*Recognition of global workplace; Accessibility problems at home; Inter-cultural experience*(Breinbauer, 2008:85)). The interest of this case study is to explore mostly the reasons for their return, and the potential for continuing their mobility after their return in Bulgaria. The real reasons for going abroad are important to be proved for a better understanding of their mobility aspirations. It should be taken in consideration that a lot young people are going abroad as foreign students, because that is an easy way to emigrate and take a residence permit. The other motivation for choosing a new country of residence, like the good economic opportunities and social system, is not to be underestimating in the further analysis. (Han, 2005:121)

Defining the reasons for those choices will be helpful for categorizing the effects from the student mobility as brain waist, brain gain or brain circulation.

Migration Situation in Bulgaria

Bulgaria is a country that has a high emigration rate. After 1989, there was a large emigration flow out of the country. Before 1989 there was no emigration, because the political system did not allow it. Before that year Bulgarian citizens needed a special permit to work abroad. Usually this permit was only granted for countries from the “East- Block”, behind the Iron Curtain. People who left Bulgaria without a official permission were considered as dissidents and their families were repressed from the Bulgarian authorities.

The net migration flow from 1992 until 2001 is “-177 000” people. Most of them were young and in working age, with at least a secondary school degree (BNSI, 2001). As a study on the return plans from ASSA-M suggested, only 1/5 of the emigrants want to stay abroad, the other 80% want to return.(ASSA-M, 2007) Nowadays it is widely spoken that in the last 20 years Bulgaria lost about 1 Million people because of emigration.

The primary reasons of this emigration were economical. (BNSI, 2001) Because of the economic difficulties in that period, many people saw a better life opportunity abroad. If that had been the main reason for the emigration, then a back flow of returning migrants was to be expected in the last few years, as the situation in Bulgaria has been improving over this period.

It would be necessary for the Bulgarian economy that migrants, especially high qualified ones, were to return to their native land due to the need of human capital caused by the economical growth and negative demographic development.

Bulgarian student Mobility

The Bulgarian student mobility is not a new phenomenon for the country. There are records from the middle 19th century that Bulgarian students were to be found mostly in the countries in Central Europe. Those countries became more attractive with the increase of the trade relation intensity between them and Bulgaria. Also the transportation linkage and especially Danube played a significant role for the worming interaction between Bulgaria and the central European countries (Paskaleva, 1987:57-66).

This was the time just before the Bulgarian Liberation in 1878 when the Ottoman Impair gave more rights to her none Muslim citizens and opened her doors for the western industrialization. These steps gave the opportunity for some quick-witted Bulgarians to take part in the modernization of the Impair and to industrialize the Bulgarian territories in it (Paskaleva, 1987:57-66).

With the industrialization the new businessmen felt the need of well educated specialists, mostly in agriculture, which led to educational demand. At this time the educational system in Bulgaria was not well developed and also the know-how which was needed was not to be found in the Ottoman Impair. The only way out of this situation was the education abroad (Paskaleva, 1987:57-66). After the Liberation in 1878 the need of specialists changed. Bulgarian needed a lot of administrative personal as well as teachers, lawyers and medical doctors, to build the new state (Todorova, 1987:67-82).

The foreign education was a prestige and wide respected. Every parent wished to send his/hers child to study abroad, but not everyone could afford it. The most Bulgarians at this time were still ordinary people and small businessmen. The church was also involved in the support of the Bulgarian future elite (Paskaleva, 1987:57-66) and after the Liberation there was a big support from the new Bulgarian state for a young and people with potential (Todorova, 1987:67-82). There are records and letter from this time showing that most of the Bulgarian students were confront with a lot of financial difficulties, but even if they could not manage graduating the full course of their study, they were bringing the know-how from the developed countries back to Bulgaria after their return and their experience abroad was valued (Paskaleva, 1987:57-66) They were one of the most respected people in Bulgarian after the Liberation in 1878 and the one to take the responsibility for the reconstruction the new Bulgarian state (Todorova, 1987:67-82):

The Bulgarian Liberation in 1878 and the begging of rebuilding a new state is reminding the changes after 1989 which Bulgaria confront with. A whole new state system should be established and competent people, familiar with the new democratic requirements, were needed.

There are of course a lot of differences in those two parts of the Bulgarian History. After the Liberation the people were enthusiastic about the changes and full with patriotism. In 1989 after a few euphoric years the disappointment and the pessimism took the place of the hope for change.

But still the people who are coming back to Bulgaria after an emigration period are source of knowledge about the modern world, which can be used in developing their home country if they are given the chance to do so.

Empirical Results

Because of the lack of information about the Bulgarian returnees and considering the definition of return migrants given from IOM, the only possible way for collecting the data was through a snowball method. The conditions for participation in this survey were Bulgarians who spend at least one year in a foreign country and at the time of the survey were living in Bulgaria.

The sample contains 70 respondents from an online questionnaire and 8 respondents from in-depth interviews. The use of mixed methods on this topic is from a big importance for achieving more reliable results (King,1986:69). The in-depth interviews were helpful not just to construct the online questionnaire but also to explain the results of the survey more profoundly.

After a factor analysis of the push and pull factors on the micro level for migration and return, 3 categories of motivation were constructed, as the Office for Official Publications of the European Communities (2000) suggests . These are economic factors (job improvement, a better income, or a higher standard of living), family or emotional factors (family reunion or marriage, social network), and other factors (reasons related to school or studying, fear of war or persecution, retirement, end of contract, homesickness, expulsion). As these categories are universal, they can also be applied to the Bulgarian case.

It should be taken into consideration that most of the respondents were well educated (82% have graduated university, whereby 33,3% have their university degree from Bulgarian university and 40,6% from a foreign university, 5 of the respondents graduated both in Bulgaria and abroad). The reason that most of them left the country at about 20 years of age was their goal to study abroad, which put them in the upper middle class.

• Situation at Home

For better explanation of the motivation for migration, the macro situation in Bulgaria before the departure of the respondents was also taken in consideration, which can be seen as a push-factor for emigration (Figure 1). The macro level also

contains 3 factors: political situation (institutional problems), economic situation, and social conditions.

Criminality was defined as the biggest problem on institutional level in Bulgaria. For 72% of the respondents the institutions in Bulgaria were not able to deal properly with it and decrease its rates.

The corruption was seen as the biggest issue for the economic development in Bulgaria. 72% respondents found the corruption as very harmful for the economic situation in the country before their departure.

The fact that the respondents in this sample, who as it was shown are good educated young people, are most concerned with the corruption and criminality in Bulgaria is illustrating the insecurity they are distressed with. Those results are pointing up the importance of the professional realization for the respondents. They are anxious about their possibilities in Bulgaria in the current situation and are looking for better opportunities out of the country. They need a welcoming context where they can show their abilities and talents are of big importance for the well educated people (Rangelova, Vladimirova: 2004:13).

- **Decision for mobility**

The Pull- Factors are giving the reason for choosing a specific country to do to. The economic pull factors were mostly important for the returnees from Austria (72%), USA (71%) and Germany (37.5%). 83% of the returnees from Germany were totally motivated to study abroad. By the returnees from Austria 36% were totally and 27% were mostly motivated to study abroad. For the USA returnees this proportion was 57% to 20%. Therefore it can be expected that another motivation, like a good job or a good salary, has a bigger impact on the decision to choose Austria or the USA than the education motivation.

Considering this results Germany could be pointed as a preferred country for people with pure educational intentions for emigration. Whereby there are two ways to be explained the results about USA and Austria.

The first one is to be considered that USA and especially Austria were attractive for people who were using the education in those countries to get a legal permission to stay in the country. After Bulgaria was accepted as a member of the EU and there were some reforms in the USA- Visa procedures for Bulgarians, it is to be expected that less Bulgarian citizens will use the education abroad for taking easier legal residence permissions.

The second explanation can be that the context in USA and Austria is not so student friendly. For example the education in USA is quite expensive for the Bulgarian standards. In Austria even if the students from Bulgaria do not have to pay students fees, they practically are not allowed to work and again their life expenses should be supported from Bulgaria where the average salary is just about 1/10 of the average for Austria. The financial difficulties could be an explanation why the students were also interested in the economic perspectives (job, good salary) in those two countries.

On the question if the respondents planned their return, just 11% said they didn't want to come back and 8% were planning to go abroad again. Therefore it can be concluded that almost 80% of the participants have been planning their return, where as 38% of them didn't know when exactly they are going to go back. This corresponds to the results of the ASSA-M survey.

The 5 most represented countries in the sample are Germany, Austria, USA, Italy and England. This was to be expected, because these destinations are the most attractive ones for high-skilled migrants. Spain and Greece for example, are the most desired countries for low- skilled migrants from Bulgaria. (BNSI, 2001)

- **Situation abroad**

60% of the returnees stayed abroad between one and five years, which is considered as a critical stage in once emigration life, after 4 or 5 years abroad comes the time for taking the decision if one will stay there or not. As many studies suggested, the length of the stay abroad is connected with the decision for coming back. The longer one is abroad, the more probable it is that one would stay there. (Han, 2005:124)

64% were coming to Bulgaria during their stay abroad 2 or more times a year and 31% once a year. These numbers prove that the migrants were strongly connected to their social networks in Bulgaria during their stay abroad. The country in which the returnees were living and its geographical remoteness from Bulgaria did not have any significant influence on the frequency of their visits. This fact shows that the geographical remoteness does not have an impact on the network in the home country.

It should be mentioned that the respondents were mostly satisfied with their stay abroad.

The most common mentioned problem abroad was the residence right. It was a serious problem for 11.3% of them and for another 43.7% that was a part of the motivation to return. An explanation for this phenomenon could be the educational reasons fro staying abroad. When a person is having a student resident permit in the most countries after the graduation of the educational program the students are loosing their legal residence status in the foreign country.

- **Decision for coming back home**

The results related to the pull-return factors, such as family and network were particularly interesting. 62% of all participants pointed these factors as the main reason to return. Another 18.3 % mentioned the current economic situation in Bulgaria and the carrier perspectives related with it as the main reason to come back.

The fact that better educated people are moved to change their country because of career reasons and are not encourage to take such a step because of network reasons is not proved. There are evidences that well educated people from the Eastern- Block are tending to give the family reasons as a motivation for their return. The results shown, that family and network are more important for the respondents with just a high school degree, than the one with a university one. It can be concluded

that the better educated people have more complicated motivation in deciding to return, but speaking about respondents from Eastern Europe the network should be considered as the most important factor in taking a return mobility actions. (Baunbauer, 2008:230-256)

• **Situation at home after the return**

70% of all respondents are not longer than two years permanently in Bulgaria.

Currently almost 50% of the respondents are economically very well integrated in Bulgaria, 26% are partly integrated and 24% are not so well integrated. The data confirmed the positive relation between economic reintegration and the length of the stay in Bulgaria. The longer the returnees have been in their home country, the better their economic reintegration has become.

Regarding the question about their migration plans after their return, 15% do not want to live in Bulgaria and 40% of them would live abroad if they had the opportunity to do so. 11% were not sure. Also all of the respondents from the in-depth interviews said they did not want to stay in Bulgaria and they are going to use the good economical situation in the country to earn experience, to make a career and to reach a good position in a few years. To do so abroad, as they stated would have taken much longer. They were making plans to reach their goals and good positions in a few years and to go abroad as a higher qualified worker. All those results questioned the sustainability of the return. This opens up a new area of research: detecting the factors that are responsible for the sustainability of return in Bulgaria.

Conclusions

Using the theoretical perspectives given from Cassarinio, there could be recognized the four main types of returnees (see Table 1).

		Reintegration in Bulgaria	
		Strong	Weak
Integration abroad	Strong	“Return of innovation”	“Unsustainable return”
	Weak	“Return of conservatism”	“Return of failure”

Table 1: Return-migration typology.

As expected, in my study all of the theoretical aspects can be seen. The participants of this survey are well-informed, which is a sign for a strategy (NELM). They are coming back with the idea to make a career, which is possible because of the situation abroad and at home (structural). Many of the respondents want to go abroad again, which means that they are still connected with the life abroad and, while being abroad, they still stayed in touch with Bulgaria (transnational). Last but not least, the main reason that most people pointed out for their returning was the family and network at home, automatically securing the return (network).

It should be taken into consideration that most of the respondents were well educated. The reason that most of them left the country at about 20 years of age was their goal to study abroad, which put them in the upper middle class. That automatically secures a better start up in Bulgaria.

According to this the returnees are mostly corresponding to the “Return of innovation”, where both the relations to the home and to the foreign countries are strong.

Of course after a few years abroad in countries which are further developed than their own (the 5 most represented countries in the sample are Germany, Austria, USA, Italy and England), they are likely to miss a certain living standard that they had accustomed to abroad. Regarding the question about their migration plans after their return, over 50% were willing to emigrate again. The fast prosperity in one’s career is the first step people are taking to secure their daily life. The social network is also very supportive in this way. But there are also things in life which do not depend directly on a person but on the state this person is living in. All of the respondents from the in-depth interviews were making plans to reach their goals and good positions in a few years in Bulgaria and to go abroad as a higher qualified worker as before. All those results questioned the sustainability of the return. Under such circumstances the state should provide security in the social areas and should give people a feeling of being there for them, if the state wants the people to be there for it.

The sustainability of the return and the reintegration back home is very important for Bulgaria at this moment¹, as an enormous demographic problem is occurring. The economy is growing fast, the investments are high the capital is fact but the human resources are away. In 1989 Bulgaria’s population was about 8 Million. Today it has reduced to less than 7 Million² and the future is not looking much more optimistic. That is the reason why the government, especially in the last year, is really concerned with the question of how to get the people back. They are trying to inform the Bulgarians abroad about the opportunities they have back home. I think there is a more important problem to solve, not the return itself but its sustainability. Bulgaria should strive to become an attractive place, where people want to build their future and not only stay for a few years.

It should be taken in consideration that this survey was made before the economic crisis, which occurred in the end of 2008. Now in the time of growing unemployment in the USA and the European countries, the migrants will be the first people to lose their jobs, especially the low qualified once. In the beginning of 2009 it was wide spoken that a lot of emigrants from the countries (Spain mostly) with low skilled Bulgarian emigrant are coming back because they lost their jobs abroad. The Bulgarian government slowed down their activities in attracting the Bulgarian

¹ Before the economic crisis from the end of 2008

² The expectation for the 2011 are that the Bulgarians will be about 6 Millions

emigrants back home, after the economic crisis in Bulgarian was sensed, even not in such high rates as in other parts of the world.

References:

1. ASSA-M; „Emigration Attitudes of Bulgarian Citizens”; 2007; <http://www.assam.com/en/research41en.htm>
2. BNSI (The Bulgarian National Statistic Institute) (2001). „Вътрешна и външна миграция на населението в България (резултати от репрезентативно изучаване)”; <http://www.nsi.bg/Census/Vivmigr.htm>
3. Breinbauer Andreas, (2008). *Mobilität österreichischer und ungarischer Mathematiker: ein Beitrag zur Brain Drain-Debatte in einem kleinen Segment Hochqualifizierter*. V & R unipress ; Wien: Vienna Univ. Press
4. Cassarino, (2004). „Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited”; *International Journal on Multicultural Societies (IJMS)*, Vol. 6, No. 2.: 162 - 188 ISSN 1564 4901, www.unesco.org/shs/ijms/vol6/issue2/art4 © UNESC
5. EUROSTAT Schoorf, Heering, Esweldt, Groenewold, Van der Erf , Bosch,Valk, *Push and pull factors of international migration. A comparative report*, (de Bruijn B Luxembourg : Office for Official Publications of the European Communities 2000)
6. International Migration Law N 1 - Glossary on Migration; IOM; 2004
7. Russel, K. (1986). *Return Migration and Regional Economic Problems*. Routledge
8. Paskaleva V. (1987). *Wegenetz europäische Geist II: Bulgarische Studenten und Schüler in Mitteleuropa in den Vierziger bis siebziger Jahren des 19. Jahrhunderts*, Wien: Schriftenreihe des Österreichischen Ost- und Südosteuropa-Instituts, 57-66
9. Han, P. (2005). *Soziologie der Migration: Erklärungsmodelle, Fakten, politische Konsequenzen, Perspektiven*. Stuttgart: Lucius & Lucius
10. Potter Robert B., Conway Dennis, Joan (2005). *The experience of return migration: Caribbean perspectives*. Ashgate Publishing, Ltd.
11. Rangelova R. & Vladimirova K. (2004). *Migration from central and eastern Europe: the case of Bulgaria*, (SEER South East Europe Review for Labor and Social Affairs, issue 03/2004)
12. Todorova C. (1987). *Wegenetz europäische Geist II: Migrationen Bulgarischer Studenten an europäische Universitäten seit der Befreiung Bulgariens von den Türken bis zum ersten Weltkrieg*. Wien: Schriftenreihe des Österreichischen Ost- und Südosteuropa-Instituts.

УДК: 81.272

LANGUAGE BEYOND NATION-STATE: Bulgarian language contact outside Bulgaria

Ina Vishogradska-Meyer
Sofia University, Bulgaria
inabanv@yahoo.com

Abstract: *The present paper introduces a concept directly connected with the implementation of language strategies in the process of integration in “non-native” environment. The idea behind the concept is to develop a project identifying and defining the strategies and characteristics of a language employed by, broadly speaking, immigrants. The basic steps of such a research are also presented below.*

1. Undoubtedly, the phenomenon of language contact, and the way it affects the structure of languages, has been of great interest to linguists in recent years. This may be contributed also to the fact that in the early 21st century we find linguistic “minorities” in virtually every country of the world. In modernity, having one mother tongue and residing in a country with a another – differing from the mother tongue – official language is more of a regularly encountered linguistic situation, rather than of a surprising one.

The aim of the research is to look at how grammatical forms and structures “react” when two languages come into contact, and to offer insight into the mechanisms that induce people to transfer grammatical structures from one language to another. More specifically, it examines the language output of Bulgarian mother tongue speakers in English and Hungarian language environments. The study aims at tracing the most recent realizations of such language contacts. The prime objective is to examine the Bulgarian language contact manifestations taking place in English-speaking societies. English, as many would agree, is a dominant linguistic “aggressor” worldwide, thus presenting a finely developed and rich set of “intrusive” linguistic elements varying from phonetic/phonological to lexical.

In order to present a clearer picture, however, Bulgarian language contact in Hungarian language environment is also taken into consideration. The Bulgarian linguistic “minority” in Hungary has a longer history – nearly 80 years, and it has enjoyed some scholarly interest, mainly from lexicologists and historical linguists; as opposed to the Bulgarian in English-speaking milieu in focus. Furthermore, Hungarian, a member of the Finno-Ugric family, is by far an interesting environment for the Slavonic Bulgarian, creating a certain cleft motivating various language mechanisms.

2. Sources & Methodology

Despite the fact that scholars may differ as to what extent various aspects of linguistic structures are affected by language contact, there is a broad agreement that

bilingual speaker, and that the process of “interlingual identification” lie in the heart of triggering language change.

2.1. The corpus of the proposed research

As the relevant literature on languages in contact points out, written sources have basically been neglected in language contact ever since this field of linguistics was introduced. Therefore, it is more than reasonable and effective to initiate namely a research on written texts. Repeatedly it is noted that, among other things, newspaper texts provide an adequate basis, as do literary or specialised texts, for a linguistic study of general language use, focusing on vocabulary or grammar. If newspapers in general can offer a solid basis for linguistic studies, then community newspapers of minority groups of different countries are especially suitable for this.

Since the language of Bulgarian migrants in English-speaking societies has not been the subject of much research, the research project turns to the corpus of written language samples found in published newspaper(s) and/or magazines outside Bulgaria, for the needs of the Bulgarian communities in English-speaking countries (such as, but not exclusively, The United Kingdom). Although the dimension of the corpus is determined according to specified types, tokens are not without consideration; they are referred to in a coding scheme developed for the purposes of the proposed research. .

2.2. Methodological remarks

The approach in dealing with that particular study involves the following steps:

- Theoretical and typological aspects;
- The development of the contact situation;
- Domains of “minority” language use;
- Analyses of the multilingual speech communities;

(see for more details Sankoff 2001)

In the relevant literature, a lot of definitions exist for the different types of direct and indirect loans. Linguists are far from arriving at an agreement about the dividing criteria of each term, and, subsequently, the terminologies greatly differ from each other.

Lexical borrowing, as agreed, must be seen as one aspect of a creative process of lexical change under contact, which builds on both native and foreign resources. The results of the linguistic interference of language contact on the level of lexis of the receptor language are manifested in the form of lexical borrowing of different kinds but mainly borrowings modelled on the donor language and native creations. The process of borrowing can be very selective, adopting a foreign form but assigning it a new meaning, or adopting a foreign meaning or concept and assigning it to a native form. Many of the outcomes of a borrowing involve innovations or creations that have no counterpart in the donor language. Some of these innovations may be created out of donor materials; others may be created out of native materials, still other creations are blends of native and foreign item.

2.3. The heart of the proposed research discusses the linguistic outcomes of language contact in terms of four major domains – phonological, morphological,

syntactic and lexical. The first one is a privileged window of linguistic inter-influence: the phonetic/phonological level (Koo and Cole 2006). The latter, along with the lexical level constitute the true “motorways” of all other aspects of contact-influenced change.

3. Research hypothesis, further considerations

Migration, globalization have blurred boundaries between many languages, producing new ones (such as creoles), driving some to extinction, or bringing to life new linguistic identities.

The discussed project examines the language development of the recently formed Bulgarian communities, deeply plunged into English, and, parallel to that, having all technical means to update the “local” Bulgarian with the “modern” mass-media Bulgarian. The filter, however, does not let the language flow only in one direction, and language contact outside Bulgaria, by definition, has its effect.

The various aspects of the phenomenon are, naturally, language-specific. Yet, certain mechanisms in its functioning are showing universal tendencies. Therefore, namely by examining a given language it is possible to complement the overall picture of the phenomenon. The purpose of the proposed research is to put the beginning of a large-scale study that investigates how the written language (Bulgarian) of a minority group functions outside its traditional setting in Eastern Europe, in an environment where another language is used (English or Hungarian). This is an intraregional language contact situation where Bulgarian immigrants live among English-speaking, or respectively Hungarian-speaking population; and the two languages involved are genealogically non-related and structural-typologically non-identical languages.

When a common second language is used by a group of people – e.g. immigrants or by virtue of the introduction of a new language to a resident population – they often introduce second language lexical elements into conversation with fellow bilinguals in their original first language. Such items, referred in the literature as *nonce borrowings*, tend to constitute the thin end of the wedge in various types of subsequent linguistic change (Robert 2008).

4. One challenging point for the research is connected with the corpus: due to the nature of the language material of interest, it is highly unstable, and collecting systematic data and presenting a study base might prove to be defiant. However, I do believe that namely the dynamism of the linguistic could reveal the pursued information.

5. The merits of the research lie also in the fact that it would shed some light on the Bulgarian language contact of the “new” economic immigrants (with English), which has not yet been examined.

Bibliography

1. Deme, L. 1994. *Nyelvünkről, használatáról, használóiról*. Szeged
2. Filipović, R. Some problems in studying the English elements in the main European languages. In: *Studia Anglica Poznaniensia, vol. 4. 1-2*: 141-158

3. Judt, T. and D. Lacorne. 1999. *Language, Notion and State: Identity Politics in a Multilingual Age*. New York.
4. Haunz, Ch. 2003. Grammatical and Non-grammatical Factors in Loanword Adaptation.
http://www.ling.ed.ac.uk/~pgc/archaiiv/2003/proc03/Christine_Haunz03.pdf
5. Kontra M. 2006. Hungarian verbal puzzles and the intensity of language contact. In: *Journal of Sociolinguistics, Vol. 5, Issue 2*: 163-179
6. Koo, H. and J. Cole. 2006. On Learnability and Naturalness as Constraints on Phonological Grammar. In: *Proceedings of ISCA Tutorial and Research Workshop on Experimental Linguistics*: 1-4
7. Muysken, P. 2008. *From Linguistic Areas to Areal Linguistics*. Studies in Language Companion Series 90. Benjamins
8. Paradis, C. and D. Lacharité. 1997. Preservation and minimality in loanword adaptation. In: *Journal of Linguistics* 33, 379-430
9. Ricento, Thomas (ed). 2005. *An Introduction to Language Policy: Theory and Method*. Wiley-Blackwell
10. Robert N. 2008. How languages Change and How They Adapt: Some Challenges for the Future. In: *Journal of Language Contact*. THEMA 2, 311-331
11. Sankoff, Gillian. 2001. Linguistic Outcomes of Language Contact. In: Peter Trugill, J. Chambers and N. Schilling-Estes (eds). *Handbook of Sociolinguistics*. Oxford: Blackwell, 638-668
12. Shinohara, Sh. 2004. Emergence of Universal Grammar in foreign word adaptations. In: J.Peter and W.Zonneveld (eds). *Constraints in Phonological Acquisition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1-28
13. Thomason, G.S. 2008. Social and Linguistic Factors as Predictors of Contact-Induced Change. In: *Journal of Language Contact*. THEMA 2, 42-57
14. Wichman, S. and J.Wohlgemuth. 2005. Loan verbs in a typological perspective. In: Th.Stolz, R.Palomo and D.Bakker (ed) *Proceedings of the Romanisation Worldwide Conference*, 1-19

УДК 159.9.316.455

CULTURAL INTEGRATION AS A MAJOR SUCCESS FACTOR DURING THE PMI OF INTERNATIONAL M&A?

Anna Gajda, Petia Genkova
University of Passau
Department of philosophy/Psychology

***Abstract:** International Mergers and Acquisitions (M&A) represent a key tool for companies to increase their economic growth. Despite the recent economic crisis and the consequential drop of M&A transactions, experts underline the importance of international M&A and predict the beginning of a new M&A wave. Nevertheless, international M&A contain risks which explain why many transactions fail. Diverse studies try to identify the influencing factors of success and failure. In this context, especially the role of culture is being discussed controversially. The following article tries to shed some light on the debate, based on a survey conducted in 2008/2009, interviewing 26 German managers and consultants who work in the area of international M&A. Results show that, even though culture itself may not be regarded as the only major success factor for prosperous international M&A, cultural differences and culturally based integration approaches should be considered.*

Introduction

Due to globalization and increasingly connected markets, companies cannot focus any more on internal growth strategies exclusively, but need to open their minds equally for external growth through M&A transactions (see Unger 2007, p. 874). This development has been intensified by rapid technological progress, the opening of the European internal market, the collapse of socialism and the resulting transformation process in Eastern Europe.

The number of M&A transactions, especially international M&A transactions, and their importance increased continuously worldwide. Even though the financial crisis caused a slump to the M&A market since 2008, numerous M&A transactions can be seen again. Experts assume that the market has already gone through the worst of the crisis and is now moving towards the seventh M&A wave (see Ecker 2010, pp. 19).

Compared to national business relations, international M&A seem to face additional challenges. All M&A lead to a clash of different business cultures which may cause conflicts (Pribilla 2002, pp. 379). Additionally, international M&A also face different national cultural backgrounds (Grube/Töpfer 2002, p. 49). On top of culturally caused tensions on the macro-level (national culture) and the meso-level (business culture), cultural differences on the micro-level can produce further conflicts (see Barmeyer 2010, pp. 43).

Studies confirm that 50-80% of international M&A fail (see Maurer 2007, p. 21). Diverse studies try to identify the influencing factors of success and failure. In this context, especially the role of culture is being discussed controversially.

Theory

Following US-American literature the words “merger“ and “acquisition“ are used synonymously and are referred to as “M&A”. National and international M&A transactions follow the same stages, processes and goals. However, due to different market structures, regulatory frameworks, cultures and languages, the latter present more complex challenges (see Jöns/Schultheis 2004, p. 32). M&A transactions can be divided into three different stages: Pre-Merger stage, transaction stage and Post-Merger-Integration stage. Especially the last stage, the PMI, is crucial because the integration determines whether anticipated synergies can be reached or not. The integration of two different companies can be seen as a change-management-process (Gudacker 2001, p. 382). In this process companies are faced with the challenge of finding a suitable strategy. According to Perlmutter (1969) three strategies can be distinguished. In an ethnocentric strategy, all models and structures of the parent company are transferred to the subsidiary. In a polycentric strategy, the subsidiary operates mostly autonomously and, finally, in a geocentric strategy a synergetic solution is developed, influencing both, the parent company and the subsidiary. The widely held idea is that a strong global corporate culture will strengthen the company's identity and image and reduce costs. Therefore, the corporate culture of the parent company is transferred to the subsidiary. This ethnocentric approach often complicates the reception of the new corporate culture in the subsidiaries and creates misunderstandings and conflicts (Barmeyer/Davoine 2006, p. 228).

Culture can be defined as the “software of the mind” (Hofstede 2006, p. 2); a system of meanings and orientations linked to a group and based on specific values, which are translated into different behaviours. This system is adopted during the process of socialisation. Each member of the same national culture develops the same values and, as a member of a certain organisation, undergoes a second socialisation, based on the company's values and assumptions. In the field of management, the cultural system gives individuals cognitive capacities and specific methods which enable them to solve problems. In general, each culture is successful and based on certain assumptions that have been proven in the past. Within the own system employees' behaviour is "normal" and purposeful. In inter-cultural cooperation, however, when systems meet and interact, differences in behaviour appear and that can lead to conflicts (see Barmeyer 2003, p. 171).

Intercultural management attempts to evaluate the influence of culture (national and organisational) on the perceptions, interpretations and actions of managers and employees. Especially in international M&A transactions, intercultural management plays an important role. Nonetheless, cultural differences between systems and people are often underestimated. The attitude to underestimate cultural differences in management is based on the convergence theory and on a "similarity assumption" (see Barmeyer 2003, p. 171). This similarity assumption seems to be particularly true for companies which, on first regard, appear to be closely connected geographically or culturally (see Barmeyer 2003, p. 171). Nevertheless, once dealing profoundly with these companies, cultural differences will occur, confirming the

divergence theory (see Hall 1983, p. 7). Still, it seems debatable whether social and economic developments tend to be more con- or divergent. On the one hand, the firm belief in universal management practices is currently being called into question (Scholz 2000). On the other hand, due to the belief in cultural convergence, the development of a strategy, during the pre-merger stage, for example, lacks the awareness that other cultures have different concepts and meanings regarding the words “strategy” or “quality management” or “leadership style” (see Barmeyer 2003, p. 172).

Therefore, based on the convergence – divergence debate, there is still a disagreement in literature whether cultural differences affect the success of international M&A or not and whether and how these differences should be handled (see Buono/Bowditch 1989; Forstmann 1994; Cartwright/Cooper 1996; Stüdlein 1997; Schreier 2001; Jansen 2001; Beitel/Mußhoff 2010).

A qualitative survey with German managers and consultants working in the field of international M&A shall clarify, based on their experience, the importance of culture and the factors which are crucial for a successful M&A transaction.

Design of the study and empirical findings

Design of the study

A qualitative research design was chosen to identify factors of success and failure during international M&A from the perspective of German managers and consultants, as this approach allows unexpected and new information. However, qualitative research has been criticized for its huge time and cost expenditure as well as for its lack of objectivity and reliability (see Barmeyer/Genkova 2010, p.122). Nevertheless, in order to detect complex incidents, such as factors of success and failure during international M&A, a qualitative approach is necessary. In contrast to quantitative, scale-based methods, a qualitative approach is open to new aspects and allows differentiated insights into managers' experiences (see Lamnek 1993).

Based on the critical-incident method, German managers and consultants were asked to recall their first international M&A and to describe it. The focus on extreme events allows a better recollection of specific details as a description of average behaviour (Chell 1998, p. 51). In the course of the interview it was verified whether the mentioned success and failure factors changed due to further M&A experience and if so, these factors were then added to the list.

The analysis of the qualitative data has been done according to Mayring (1999). In the first step, after transcribing all interviews, the whole material was reduced to its main contents. Secondly, the material was structured based on defined criteria. By doing so, categories were detected, based on scientific knowledge and on an inductive analysis of the text material. Within the main categories “factors of success” and “factors of failure” five sub-categories were defined.

Empirical findings

The empirical survey was conducted during November 2008 and July 2009. In total 13 German managers, working for different top 30 DAX companies, and 13 German consultants, working for either international strategic consultancies, or midrange¹ or small consultancies, were interviewed. Out of all interviewees six managers and five consultants had not participated in any intercultural training while seven managers and three consultants attended one intercultural training and five consultants even participated in more than one intercultural training.

In total, 523 statements were made as to factors of success and another 68 as to factors of failure. Within the two categories “factors of success” and “factors of failure” five sub-categories were defined: strategy, institutionalized processes, detailed preparation, people orientation and culture. The fewest statements can be attributed to “institutionalized processes” (5.35%) whereas most statements relate to “culture” (28.30%). Especially the consultants mention many statements which can be subsumed under the sub-category “culture” (35.37%). The managers’ statements, on the other hand, mostly relate to the sub-category “strategy” (26.87%).

Within the sub-category “culture”, regarding the highest number of statements, most managers identify the following as factors of success: *cultural awareness*, *culturally adequate solutions*, *a tolerant approach* and *employing local managers* (see figure 1). Most consultants identify the following as important factors: *cultural awareness*, *a tolerant approach*, *a cultural due diligence* and *culturally adequate solutions*. Both groups have in common to underline *cultural awareness*, *finding culturally adequate solutions* and *a tolerant approach*. From their point of view, it is necessary for a successful merger to take into consideration cultural factors, such as different expectations as to leadership styles. Based on the culturally influenced values and expectations culturally adequate solutions have to be found in respect of, for example, management models like compensation and benefit. All in all, a tolerant approach should be adhered to. Managers and consultants point out that an open-minded approach truly aiming to understand the other culture is an important factor of success.

However, not all statements within the sub-category “culture” confirm that taking culture into consideration represents a factor of success. In eight statements managers and in four statements consultants ascertain that culture should not be overestimated. It is interesting, though, that only managers and consultants who did not participate in intercultural trainings reach this conclusion

When looking at factors of failure, it becomes apparent that most statements refer to the lack of a cultural awareness and the failure to consider cultural differences. One manager and three consultants argue that not taking culture into account may cause a failure of the whole M&A transaction.

¹ Three consultants were interviewed who work for a midrange intercultural consultancy

In summary, most managers and consultants, especially those who attended intercultural trainings, stipulate that taking culture into account represents a factor of success.

Discussion and conclusion

The survey shows that the issue of “culture”, while dealing with international M&A transactions, is not only present in science but also in practice. Especially consultants seem to have recognized the need to take cultural peculiarities into account.

Although culture can be identified as a sub-category, additional statements within the other sub-categories can be seen as closely related to it. Within the first sub-category “strategy” different depths of integration are identified as important success factors by German managers and consultants. Both groups point out that it is wise not to fully integrate all parts of the other company. It may be more successful to leave some parts as stand-alone solutions. Both, managers and consultants, argue from a strategic point of view when asked which factors influence the depth of the integration.

Nevertheless, another possible approach would be to take into consideration the culture and to decide based on this knowledge on the depth of integration. For example, cultures from former Soviet countries tend to be very open for new management models (see Gajda 2007). Furthermore, due to a high Power Distance (see Hofstede 2006, pp. 51), they expect a CEO to take all decisions and, probably, would follow a deep integration. Therefore, a deeper integration strategy could be successful. However, this is not a magic bullet. In cultures with a different self-concept a deep integration could cause a failure of the M&A transaction.

The same arguments apply to another mentioned success factor: *integration strategy*. Depending on culturally based values and expectations, a mixed integration strategy, for example, could be more successful in one country than in another.

On closer analysis, also some other factors within the sub-categories “detailed preparation” and “people orientation” turn out to be culture-specific. The involvement of functional teams, such as the HR-department, possibly is a success factor regarding a German headquarter. However, it may not be mentioned as a factor of success if managers and consultants from other countries were asked, as the self-conception of the HR-department may be different. The same applies to *involvement of the other company* and *involvement of the employees*. Bearing in mind different cultural dimensions, these factors of success may not automatically entail success in countries with a high Power Distance where the involvement of employees is not common.

Factors of success				
Strategy	Managers		Consultants	
	Number of statements	Number of interviewees	Number of statements	Number of interviewees
Taking time	8	5	6	5
Defining a common strategy	1	1	6	4
Project-specific approach	9	5	2	2
Wielding power	1	1	5	2
Ethnocentric integration strategy	15	8		
Mixed integration strategy	7	6	7	6
Different depths of integration	20	7	8	4
Institutionalized processes				
Institutionalized knowledge transfer within the company	11	5	1	1
Highly specified processes	10	5	4	3
Detailed preparation				
Clear structures	6	5	7	4
Due Diligence	6	4	7	5
Completed integration concept	7	3	1	1
Involvement of functional teams			5	3
Identification of key personalities	7	6	11	6
Involvement of an integration team	17	6	1	1
Personal experience	9	8	2	2
Involvement of consultants	5	4	10	5
People orientation				
Communication	14	8	18	5
Detection of atmosphere	7	6	2	1
Involvement of employees	11	4	6	3
Explanation of the M&A purpose	14	7	4	1
Involvement of the other company	3	3	10	5
Local presence	5	3	4	3
Culture				
Cultural Due Diligence	3	3	11	4
Tolerant approach	9	6	16	8
Cultural awareness	14	6	18	10
Cultural adequate solutions	10	6	10	6
Living the changes permanently and punishing the old behaviour			6	2
Analysing cultural differences and finding solutions	6	5	2	2
Employing local managers	8	6		
Intercultural trainings	7	6	6	4
Culture shouldn't be overvalued	8	4	4	3

Figure 1: Overview of most mentioned factors of success

In summary, the results show that there is a higher sensitivity for cultural issues and that the term “cultural integration” has to be understood in a broader way. Not only culture, meaning a cultural awareness and a tolerant approach, has to be taken into account, but also cultural-specific issues, such as the depth of the integration and the intensity of employees’ involvement. Therefore, further studies are needed in order to analyse, for example, the choice of the depth of integration and employees’ corresponding expectations, based on their culture.

Bibliography

1. Barmeyer, C. (2003): Interkulturelles Personalmanagement in internationalen Fusionen. Von Konflikten zu Komplementarität. In: Schwaab, M.; Dahl, H.; Hesse, J.; Frey, D. (Eds.): Fusionen. Herausforderungen für das Personalmanagement. Heidelberg: Verl. Recht und Wirtschaft, pp. 169–191.
2. Barmeyer, C. (2010): Das Passauer 3-Ebenen-Modell. Von Ethnozentrismus zu Ethnorelativismus durch kontextualisierte interkulturelle Organisationsentwicklung. In: Barmeyer, C.; Bolten, J. (Eds.): Interkulturelle Personal- und Organisationsentwicklung. Methoden, Instrumente und Anwendungsfälle. Sternenfels: Wissenschaft & Praxis, pp. 31–55.
3. Barmeyer, C.; Davoine, E. (2006): International Corporate Cultures. From Helpless Global Convergence to Constructive European Divergence. In: Scholz, C.; Zentes, J. (Eds.): Strategic Management - New Rules for Old Europe. Wiesbaden: Betriebswirtschaftlicher Verlag, Wiesbaden, pp. 228–245.
4. Barmeyer, C.; Genkova, P. (2010): Methodische Probleme kulturvergleichender und interkultureller Forschung. In: Barmeyer, C.; Genkova, P.; Scheffer, J. (Eds.): Interkulturelle Kommunikation und Kulturwissenschaft. Grundbegriffe, Wissenschaftsdisziplinen, Kulturräume. Passau: Stutz, pp. 119–152.
5. Beitel, P.; Mußhoff, J. (2010): Exzellenz bei M&A – Aufbau erfolgreicher M&A-Funktionen. In: M&A Review 9/2010, pp. 409-413
6. Buono, A.; Bowditch, J. (1989): The Human Side of Mergers and Acquisitions. San Francisco.
7. Cartwright, S.; Cooper, C. (1996): Managing Mergers, Acquisitions and Strategic Alliances: Integrating People and Cultures. Oxford.
8. Chell, E. (1998): Critical incident technique. In G. Symon & C. Cassell (Eds.), Qualitative methods and analysis in organizational research: A practical guide. London, pp. 51-72.
9. Ecker, M. (2010): Die sechste M&A-Welle - was blieb davon übrig nach der Finanzkrise? In: M&A Review 1/2010, pp. 19-28
10. Forstmann, S. (1994): Kulturelle Unterschiede bei grenzüberschreitenden Akquisitionen. Konstanz: Univ.-Verl. Konstanz.
11. Gajda, A. (2007): Analyse der rumänischen Kultur und Diagnose interkultureller Unterschiede zwischen deutschen und rumänischen Führungskräften/Mitarbeitern und deren Auswirkungen - am Beispiel eines deutschen Tochterunternehmens in Rumänien. Unveröffentlichte Diplomarbeit. Universität Passau.
12. Grube R.; Töpfer, A. (2002): Post Merger Integration – Erfolgsfaktoren für das Zusammenwachsen von Unternehmen. Stuttgart.
13. Gudacker, M. (2001): Cultural Change. Eine Aufgabe in der M&A Post Integrationsphase. In: Schneider, D.; Pflaumer, P. (Eds.): Power Tools. Management-, Beratungs- und Controllinginstrumente. Wiesbaden: Gabler, pp. 371–384.
14. Hall, E. (1983): The Dance of Life. New York.
15. Hofstede, G. (2006): Lokales Denken, globales Handeln. München.

16. Jansen, S. (2001): *Merger & Acquisitions: Unternehmensakquisitionen und Kooperationen – Eine strategische, organisatorische und kapitalmarkttheoretische Einführung*. Wiesbaden.
17. Jöns, Ingela; Schultheis, Dorothee (2004): Kontrolle als Prädiktor für das Erleben von Fusionsprozessen. In: *Mannheimer Beiträge zur Wirtschafts- und Organisationspsychologie*, Jg. 02, H. 05, pp. 25–33.
18. Lamnek, S. (1993): *Qualitative Sozialforschung. Methoden und Techniken*. München u.a.
19. Maurer, Peter: Warum Fusionen scheitern. In: *Wirtschaft + Weiterbildung*, Jg. 2007, H. 5, pp. 21–27.
20. Mayring, P. (1999): *Einführung in die qualitative Sozialforschung: Eine Anleitung zu qualitativem Denken*. Weinheim.
21. Perlmutter, H. (1969): The tortuous evolution of the multinational corporation. In: *Columbia Journal of World Business*, Jg. 4, Nr. 1, pp. 9-18.
22. Pribilla, P. (2002): Personelle und kulturelle Integration. In: Picot G. (Hrsg.): *Handbuch Mergers & Acquisitions*. Stuttgart. S. 429-470.
23. Scholz, C. (2000): *Strategische Organisation. Multiperspektivität und Virtualität*. Landsberg/Lech.
24. Schreier, C. (2001): *Kulturelle Integration grenzüberschreitender Akquisitionen*. Osnabrück.
25. Stüdlein, Y. (1997): *Management von Kulturunterschieden. Phasenkonzept für internationale strategische Allianzen*. Wiesbaden: Dt. Univ.-Verl.
26. Unger, M. (2007): Post-Merger-Integration. In: Polster-Grüll, B. (Eds.): *Handbuch Mergers & Acquisitions. Rechtliche und steuerliche Optimierung; ausgewählte Fragen der Bewertung und Finanzierung*. Wien: Linde, pp. 871–897.

УДК 159.9.316.455

INTERCULTURAL COMPETENCE AND CULTURAL ADAPTION – AN EMPIRICAL ANALYSIS OF FACTORS INFLUENCING INTERCULTURAL SUCCESS

PD Dr. Petia Genkova
University of Passau,
Department of Psychology, Germany

Abstract: *This analysis focuses on variables influencing a successful living and working as an expatriate in a foreign country. As a consequence differences concerning existing problems will be recognized. On the situational level moderating factors are responsible for these differences and the quality of the contact with members of the guest culture. On the individual level language skills and cultural oriented education are influencing factors. The frequencies of contacts with members of the guest culture, perceptions and knowledge on the foreign culture have no influence within the random sample.*

Key words: *Intercultural communication, competence, cultural adaption, stress Introduction*

I INTRODUCTION

Today intercultural contacts are far more common. They are caused by the advancing globalization which increases the awareness of intercultural problems. In the context of posting employees to another country these problems could amount a considerable cost factor. Estimations for the calculation of postings early interrupted range from 10% to 40%. According to a study in developing countries discontinuation rates are up to 70% (Zeira & Benai 1984, p. 29). In literature negative consequences of intercultural contacts for individuals are referred to as cultural shocks. Cultural shocks will only be overcome by adapting to a foreign culture. Furthermore this leads to successful intercultural adaption of immigrants (Weaver 1986, p.111). From this point of view conditions and moderating factors (such as cultural distance, language skills and previous international experiences) and their consequences are in the focus of cultural adaption (Ward 1996).

Oberg (1960) describes this adjustment process as four stages which complement each other. The first stage is the “honeymoon stage” which is characterized by fascination for new impressions and experiences at the beginning of the stay in a foreign country. Moreover this first phase is characterized by friendly and superficial relationships to members of the guest culture. As soon as the expatriate needs to tackle real conditions of the host country the second, critical stage begins. This stage is called “crisis”. A feeling of inadequacies, fear and anger originates in cultural differences and corresponding problems. As a consequence there exists an aggressive and hostile attitude towards members of the guest culture. During this stage expatriates surround themselves with compatriots and criticize the habits of the host countries. During this time there is no real understanding for the

foreign culture but expatriates focus on stereotypes. The next third stage “recovery” is characterized by learning the language and adapting to rules of everyday life. In total, expatriates adopt a position which is less critical towards the guest culture. Thereon one last stage follows that is the adjustment stage. During this stage expatriates adapt to the foreign culture and overcome their feeling of anger.

Opereg introduces the term cultural shock. Cultural shocks occur in the second stage during when massive adaption problems emerge. Furthermore Opereg explains causes and indications of cultural shocks. Cultural shocks arise as an individual loses every well known symbol and sign in social interactions. These are words, gestures, expressions, habits and norms which were learnt in childhood (Opereg 1960, p. 177-179).

2. RESEARCH QUESTION, APPROACH AND DESCRIPTION OF RANDOM SAMPLING

As demonstrated in the theoretical part, intercultural contacts contain problems because of cultural differences between persons concerned. Ward (1996) describes this with his acculturation model. This implies for individuals socio-cultural and psychological adjusting. The examination of the presented question obtains the following tree topics with the corresponding hypothesis.

Hypothesis 1: The frequent contact to members of the guest culture and the quality of contacts improve the degree of socio cultural adjustment.

Hypothesis 2: Socio cultural adjustment and individually moderating factors.

H 2.1.: Real perceptions influence the socio-cultural adjustment positively.

H 2.2.: The better the knowledge of language of the host country, the higher the degree of socio cultural adjustment.

H 2.3.: The better the knowledge of the country, the higher the degree of adjustment.

The questionnaire collecting the required data consists of several demographic subjects (language skills, perceptions, preparation and so on) and of the Social Adaption Scale (SCAS) of Ward and Kennedy (1999).

It was very important for the survey about cultural adjustment that the people interviewed were abroad during the survey and were not returned home again. The objections against interviews after returning home are that individuals tend to transfigure their experiences after returning and to forget important things which could falsify the given answers.

The people interviewed (N=107) are expatriates, immigrants and students working as interns. First of all general characteristic of the people interviewed are described. 65% of the random sample is female, 35% male. The age of the people interviewed lies between 24 and 69, whereas the average age is $M=33.12$; $SD=6.94$ and the median is $MD=32.50$ years.

3. RESULTS AND DISCUSSION

Hypothesis 1: The contact to members of the guest culture emerges in Wards acculturation model as a situational factor with regard to socio cultural adjustment (Hypothesis 1).

The scale of the frequency of contacts asks if the people interviewed spend their free time rather with locals than with country people and expatriates from other countries. Four different groups emerge. The implementation of an analysis of variances indicates that the results of the analysis are not significant. Similar to the frequency of contacts the quality of contacts can be examined as well. The random sample is divided into five groups. Group 1 does not have any or very little contact to members of the guest culture, group 2 has some superficial relations to locals and group 3 has some more profound contacts. Whereas group 4 has some close friends who belong to the guest culture. However, group 5 has a circle of local friends. By looking at the different mean values of adjustment of different groups, it is striking that group 4 ($M=2.11$; $SD: 0.45$) and group 5 ($M=2.02$; $SD=0.45$) who both have more and better contacts to locals, achieve lower values than group 2 ($M=2.35$; $SD=0.56$) and group 3 ($M=2.46$; $SD=0.47$). These two groups have less intensive contacts. This means that it is easier for individuals out of group 4 and 5 since they are better socio culturally adapted ($F=2.927$; $df=4;100$; $p^*<0.05$). Intensive relationships to members of the guest culture provide the opportunity to improve adapting as the analysis verifies. This could be explained by the close contact between friends which makes it easier to understand the differences between the cultures. As a conclusion culture-specific skills can be learnt (Ward 1996, p.137).

Hypothesis 2: Socio-cultural adjustment and individually moderating factors.

Hypothesis 2.1.: In literature perceptions and expectations concerning the stay abroad are considered as important influencing factors of socio-cultural adjustment although only few empirical investigations examine this correlation (Ward 1996, p. 133). As a result two different hypothesis emerge. One of them refers to the correlation of perceptions and socio-cultural adjustment in general, whereas the other hypothesis refers to real perceptions and socio-cultural adjustment (Hypothesis 2.1.).

However, the examination indicates no significance. Therefore the first hypothesis is not verified. Nevertheless, many cultural trainings to prepare for stays abroad base on the idea that realistic perceptions of the host country and the knowledge of possible intercultural difficulties could make adjustment easier (Ward 1996, p.133). But two problems of interviewing after returning home should be mentioned. Perceptions and expectations which are described after returning home can possibly be expressed differently as they were in reality.

Hypothesis 2.2.: In intercultural communication good language skills are considered to be one of the key elements of successful socio-cultural adjustment. By analyzing the correlation after Pearson a positive relation between language skills and cultural adjustment can be verified ($r=0,222^*$). Good language skills facilitate the communication with members of the guest culture and ensure that linguistic problems and misunderstandings are reduced. If after Ward (1996, p.132) communication

opportunities are given the amount of intercultural interactions increases. Thus, language skills can both effect integration of an immigrant in the host country and improve the comprehension for the guest culture. This influences the cognitive aspects of adjustment.

Hypothesis 2.3.: In most intercultural trainings country specific knowledge is imparted. It is assumed that knowledge on the host country improves the adjustment (Ward 1996). Actually, there is no significant correlation in this survey. Therefore country specific knowledge is not a moderating factor regarding socio-cultural adjustment. The hypothesis cannot be verified. This knowledge is in accordance with researches on preparing for foreign assignments which impart only factual knowledge about foreign cultures. Nevertheless, it is not knowledge about customs, traditions, rites, political events and historical backgrounds which lead to better orientation in the guest culture. Of course, these factual backgrounds can give reasons for misunderstandings and behavioral differences but knowledge about these can only reduce problems in adjusting if immigrants can relate them to thinking and behaving of locals. This could not be the case for the people interviewed which explains the insignificant results, despite this disagrees with the assumptions in literature.

4. CONCLUSIONS

A result of this study is that intercultural contacts involve problems as the measurement of socio-cultural adjustment within the SCAS discloses differences in the scope of the problems. Additionally, socio-cultural adjustment is not only desirable for its own sake but to support the psychological adjustment to the guest culture. Cultural adjustment is necessary for a long stay abroad since there are differences between diverse cultures. Does not globalization suggest that cultural differences disappear little by little? Nevertheless, harmonization does not inevitably have to be a consequence of progressing globalization. Although the same goods are consumed worldwide, they are interpreted differently by people with different cultural backgrounds. Additionally, the same products have diverse meanings in different cultures (Breidenbach & Zukrigl 2000, p. 81). This means for intercultural communication that differences persist. Still, in future there will be more similarities between people of different countries. The challenge for intercultural communication will be to identify new cultural standards. Furthermore, it will be even more important to adapt to foreign cultures to work effective and to have intercultural success.

5. REFERENCE

1. Beidenbach, J. & Zukrigl, I. (2000), *Tanz der Kulturen. Identität in einer globalisierten Welt*, (Dance of cultures. Identity in a globalized world), Reinbek.
2. Oberg, K. (1960), Cultural Shock. Adjustment to New Cultural Environments, *Practical Anthropologist*, 7, 177-182.
3. Ward, C. (1996), *Acculturation. Handbook of Intercultural Training*, in: V. Landis S.D./Bhagat. R.S., 2nd edn., Oaks et al. 124-147.

4. Ward, C. & Kennedy, A. (1999), The Measurement of Sociocultural Adaptation, *International Journal of Intercultural Relations*, 23, 659-677.
5. Weaver, G.R. (1986), *Understanding and Coping with Cross-Cultural Adjustment Stress. Cross-Cultural Orientation. New Conceptualizations and Applications*, in: v. Paige, R.M., Lanham.
6. Zeira, Y. & Banai, M. (1984), Present and Desired Methods of Selecting Expatriate Managers for International Assignments. *Personnel Review*, 13, 29-35.

УДК: 373.61+378.112+37.046+37.014

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Горчакова Ольга А.

кандидат педагогических наук, доцент

Южноукраинский национальный педагогический университет
им.К.Д.Ушинского, г. Одесса, Украина

THE MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT: THE ESSENTIAL CHARACTERISTICS

Olga Gorchakova, Ph.D.

assistant professor of Department of school management and state service
South Ukrainian National Pedagogical University of K.D.Ushinsky
Odessa, Ukraine

Abstract: *The multicultural educational environment is described by author as sociocultural and professional educational environment organized in some specific way, which creates a some factors, requirements and influences, which allow reaching of educational goals by participants of different religions and nations allowing them maximum possible self-development.*

Author notes that while learning multicultural educational environment and possibilities of controlling such environment, it is necessary to think about features of this environment on 3 levels: philosophical "environment" concept, educational environment concept and actually the features of multicultural educational environment. As the main features of multicultural educational environment author provides this: ability to manifest cultural uniqueness and cultural diversity during and after school hours, the degree of integration between students and teachers, intensity of contacts between representatives of different cultures during and after school hours. Isolation of these characteristics allows typology and modeling of multi-cultural educational environment in various educational institutions.

Key words: *environment, educational environment, the multicultural educational environment.*

При определении понятия «поликультурная образовательная среда» мы исходили, с одной стороны, из общего понимания родового понятия «среда» как «совокупность условий и влияний, окружающих человека» [3, с. 41].

С другой стороны, интересующее нас понятие связано с областью его функционирования в такой сфере жизни и деятельности человека, как образование. В широком смысле образовательная среда – это подсистема социокультурной среды. Она выражается в целостности специально организованных педагогических условий развития личности.

Такие исследователи, как Ю.Кулюткин, С.Тарасов под образовательной средой понимают систему ключевых факторов, определяющих образование и развитие человека. [2, с.6-7]

Анализ множества определений позволяет сделать вывод о том, что образовательная среда – это совокупность социально-психологической, педагогической, информационной, технической и др. подсистем; материальных, духовных и общественных условий осуществления образовательного процесса.

И, наконец, определение поликультурного образовательного пространства должно учитывать особенности не простого образовательного процесса, а такого, в котором присутствуют представители разных культур. Это характерно для многокультурных и полиэтнических обществ, развивающихся в условиях демократии.

При этом демократическая система образования и воспитания предполагает ориентацию на ряд важных педагогических условий: равенство членов общества независимо от социального положения, пола, национальной, религиозной, расовой принадлежности. Демократическое образование и воспитание основано на идеях плюрализма, вариативности, диверсификации, вследствие которых формируется человек, способный свободно, творчески мыслить и работать.

В современном мире поликультурное воспитание и образование является непременной составляющей надэтнических цивилизационно-культурных сообществ. Оно подразумевает конструктивный межкультурный диалог.

Поликультурная образовательная среда учебного заведения (вуза) рассматривается нами как особым образом организованное социокультурное и профессионально-образовательное пространство, создающее совокупность факторов, условий и влияний, которые целенаправленно обеспечивают достижение образовательных целей участниками разных национальностей и культур, обеспечивая при этом им максимальное саморазвитие.

Таким образом, при изучении поликультурной образовательной среды и возможностей управления такой средой, необходимо учитывать характеристики этой среды на трех уровнях.

Сущностные характеристики среды в широком понимании раскрываются прежде всего в философских исследованиях (Гусинский Н.Э., Турчанинова Ю.И.). Однако в последнее время данное понятие стало основным объектом

изучения в социальной экологии (Маркович Д.Ж.) и экологической психологии (Абрамова Ю.Г., Панов В.И., Скребец В.О.).

К характеристикам поликультурной образовательной среды в контексте современного понимания среды в целом следует отнести следующие:

- среда является сложным системным объектом;
- среда обладает целостностью, т.е. способностью реализовать системный эффект;
- среда является субстанцией, которая непосредственно влияет на объект, причем это влияние может быть как позитивным, так и негативным;
- среда создает комплекс возможностей для развития системы, т.е. обладает определенным потенциалом;
- потенциал среды определяется как свойствами самой среды, так и свойствами самого субъекта;
- среда обладает значимостью для существования объекта, из всего разнообразия мира система выбирает для себя то, что соответствует ее внутренней организации;
- в системе можно выделить внутреннюю и внешнюю среду;
- внутренняя и внешняя среда тесно взаимосвязаны в системе: система регулирует характеристики внутренней среды, реагируя на изменения внешней среды, и наоборот;
- в современном быстроизменяющемся мире выживают те системы, которые постоянно учитывают изменения внешней среды и в соответствии с этим изменяют и свою внутреннюю среду;
- среда включает в себя как природные, материальные, так и социальные факторы;
- человек одновременно является как продуктом, так и творцом своей среды;
- чем полнее личность использует возможности среды, тем более успешно происходит ее свободное и активное саморазвитие.

В отечественной психолого-педагогической науке концепция образовательной среды разрабатывалась исследователями Г.Ю.Беляевым, С.Д.Дрябо, В.И.Пановым, В.В.Рубцовым, В.А.Ясвиным и др.

Г.Ю.Беляев [1] выделил типологические характеристики образовательной среды, к которым отнес следующие:

- образовательная среда любого уровня является сложносоставным объектом системной природы.
- целостность образовательной среды является синонимом достижения системного эффекта, под которым понимается реализация комплексной цели обучения и воспитания на уровне непрерывного образования.
- образовательная среда существует как определенная социальная общность, развивающая совокупность человеческих отношений в контексте широкой социокультурно-мировоззренческой адаптации человека к миру и наоборот.

- образовательная среда обладает широким спектром модальности, формирующим разнообразие типов локальных сред различных, порой взаимоисключающих качеств.

- в оценочно-целевом планировании образовательные среды дают суммарный воспитательный эффект как положительных, так и негативных характеристик, причем вектор ценностных ориентаций заказывается с целевыми установками общего содержания образовательного процесса.

- образовательная среда выступает не только как условие, но и как средство обучения и воспитания.

- образовательная среда является процессом диалектического взаимодействия социальных, пространственно-предметных и психолого-дидактических компонент, образующих систему координат ведущих условий, влияний и тенденций педагогических целеполаганий.

- образовательная среда образует субстрат индивидуализированной деятельности, переходной от учебной ситуации к жизни [1].

В. А. Ясвин [4] выделяет четыре «базовых» параметра описания образовательной среды: широта, интенсивность, степень осознаваемости и устойчивость (мобильность); а также четыре параметра «второго» порядка: эмоциональность, обобщенность, доминантность, социальная активность.

Широта образовательной среды служит структурно-содержательной характеристикой, показывающей, какие субъекты, объекты, процессы и явления включены в данную образовательную среду. Интенсивность – структурно-динамическая характеристика, показывающая степень насыщенности образовательной среды условиями, влияниями и возможностями. Степень осознаваемости образовательной среды характеризует уровень сознательной включенности в нее всех субъектов образовательного процесса. Мобильность образовательной среды служит показателем ее способности к ограниченным эволюционным изменениям, в контексте взаимоотношений со средой обитания.

Эмоциональность образовательной среды характеризует соотношение в ней эмоционального и рационального компонентов. Обобщенность характеризует степень координации деятельности всех субъектов данной образовательной среды. Высокая степень обобщенности образовательной среды какого-либо учебного заведения обеспечивается, например, наличием четкой концепции деятельности, миссией, а также стратегией. Доминантность образовательной среды характеризует значимость данной локальной среды в системе ценностей субъектов образовательного процесса. Социальная активность образовательной среды служит показателем ее социально ориентированного созидательного потенциала и экспансии данной образовательной среды в среду обитания [4, с.119-166].

Необходимо добавить, что характеристики образовательной среды влияют на личностное и профессиональное развитие всех участников учебно-воспитательного процесса, на результаты обучения, на организацию не только процесса обучения, но и деятельности учебного заведения в целом.

В качестве основных характеристик поликультурной образовательной среды нами выделены следующие: возможность/невозможность проявления культурной уникальности, культурного разнообразия как в учебное, так и во внеучебное время; степень интеграции сообщества студентов и преподавателей, интенсивность контактов между носителями разных культур.

Свобода проявления культурного разнообразия в поликультурной образовательной среде связана с возможностью для представителей разных культур носить привычную им национальную одежду (лишение такой возможности, например, во Франции вызвало волну политических выступлений); возможность учитывать при организации учебного процесса национальные обычаи, традиции, календарь; возможность высказывать точку зрения согласно особенностям национальной культуры, веры, философии; степень учета в процессе обучения учебных традиций и опыта студентов; наконец, учет культурного разнообразия при формировании содержания образования.

Степень интеграции сообщества студентов и преподавателей в поликультурной образовательной среде определяется количеством контактов между представителями разных культур как в учебное, так и во внеучебное время, уровнем сотрудничества в коллективе учебного заведения, степенью языкового барьера, возможностью получения образования на иностранном языке (английском), возможностью изучения русского/украинского как иностранного языка, возможностью изучения преподавателями языков тех стран, студенты из которых обучаются в университете.

Как показывает наше исследование, удовлетворенность от учебной деятельности и от общения в поликультурной образовательной среде у субъектов образовательного процесса – представителей разных культур напрямую зависит от уровня реализации в учебном заведении выделенных нами характеристик.

Выделение указанных характеристик позволяет проводить типологизацию и моделирование поликультурной образовательной среды в разных учебных заведениях.

Литература

1. Беляев Г.Ю. Педагогическая характеристика образовательной среды в различных типах образовательных учреждений / Г.Ю.Беляев. – М.: ИЦКПС, 2000.
2. Кулоткин Ю., Тарасов С. Образовательная среда и развитие личности / Ю Кулоткин., С.Тарасов // Новые знания. - №1. - 2001.
3. Маркович Д.Ж. Социальная экология / Д.Ж.Маркович. – М., 1991.
4. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В.А.Ясвин. – М.: Смысл, 2001.

УДК 159.9.316.455

TOLERANCE AND INTERCULTURAL COMPETENCE: CROSS-CULTURAL PERSPECTIVE.

Prof. PhD. Dunaeva Larisa –Odessa National Mechnikov University, Ukraine

Dr. Smokova Liudmyla – Odessa National Mechnikov University, Ukraine

Today, in the world of globalization and mass mobility, appears the increasing need to study intercultural effectiveness in terms of cross-cultural contact. It is of great importance to explore not only the process of entering into the new culture, the accessible opportunities and the choices that a person makes, but also the result of all this, i.e. the consequences.

There is a consensus nowadays that cultural adaptation is a very complex, multi-dimensional process “in which a person becomes capable of functioning effectively in a culture other than the one he or she was originally socialized in” (Haslberger, 2005 p. 86). Adaptation depends on both personal and situational variables that set the parameters within which an individual finds a specific, personalized way of adapting.

It is generally accepted that intercultural adaptation aims at achieving integration of cultures which leads to a bicultural or multicultural personality. (Berry, 1997). This is possible when the interacting groups voluntarily choose this strategy: an integrating group willing to accept basic values and attitudes of the culture of the dominant society and, at the same time, a dominant group ready to accept these people, to respect their rights and values, and to adapt social institutions to the needs of the minority groups. In this context, intercultural competence is a key indicator of intercultural communication and interaction.

The study of intercultural competence is a relatively new stream in the social sciences. Intercultural competence refers to the sensitivity of cultural diversity, i.e. the ability to behave in an appropriate way, and to adapt one’s communication and interaction according to the context. Intercultural competence also involves the development of one’s skills and attitudes when successfully interacting with people of diverse backgrounds. Such a competence has always existed because people have always lived in more or less multicultural societies. In this respect, we speak about “family” competence, meaning not by birth, but acquired in the childhood from the parents and the surroundings. (Philip Paelman & Mark Verlot (2003). Developing one's intercultural competence is an aspect of a lifelong socialisation process, or a lifelong project. From early childhood and throughout our lives, we learn more and more about dealing with social and cultural differences and relating to them in developing our own identity. Kramersch (1993) is one of those who say that when a person develops one's intercultural competence, one develops 'a third place', i.e. one creates a special personal linguistic and cultural identity that is new and completely one's own (Kramersch, 1993). One does naturally not become a native speaker of the

foreign language; one develops into something else, something which Byram calls an intercultural speaker, i.e. a person who can mediate between various cultural contexts, also in terms of language: interpret, translate, clear up misunderstandings, etc.

Earlier research tools of intercultural communication, such as Profile of Nonverbal Sensitivity (PONS; Rosenthal, Hall, DiMatteo, Rogers, & Archer, 1979) and Interpersonal Perception Test (IPT; Costanzo & Archer, 1989), demonstrate that the ability of a person accurately to interpret nonverbal behavior is associated with a positive interpersonal effect. Individuals scoring higher on these research tools have higher relationship ability and are perceived by their friends as more socially skilled (Costanzo & Archer, 1989; Rosenthal et al., 1979). Research on the model of cultural assimilation (Fiedler, Mitchell, & Triandis, 1971) has shown that the ability to interpret and understand the deeply rooted cultural rules, underlying the behavioral patterns in a foreign environment, is associated with the successful integration of the non-native population. The person, in particular, who is capable of understanding the values and beliefs of the foreign culture, has more effective relations with the collaborators and a higher level of cooperation with the native population. Understanding intercultural competence enables us to go beyond the limits of our own worldview. According to Ferguson (1980), “the greatest revolution in the world-one that occurs with the head, within the mind”. For this to happen, however, we need to be educated and to become better global player who are able to sympathize with and understand the others under their conditions, which also deepens the assessment of our own inheritance (Fantini, 1999). Intercultural competence offers such a promise. Therefore, the development of intercultural competence continues to be at the core of all programs and cross-cultural research.

What is intercultural competence? How is it displayed, and what are its characteristics? Could individuals be trained in order to increase their intercultural competence? These are some of the questions that contemporary social scientists attempt to answer.

If we refer to the results of socio-psychological research, examining various aspects of multicultural competence, we can see that the structure of the construct consists of three main components:

- *cognitive dimension*- (knowledge of their own culture and of other cultures, knowledge of techniques to prevent and resolve intercultural conflicts; methodical readiness to work in a multicultural classroom, etc.),
- *value-affective dimension*- (a developed system of humanistic values and value orientations, consistent with the principles of multiculturalism, positive ethnic identity, tolerance);
- *behavioural dimension* - (the level of formation of intercultural interaction skills; ability to apply methods of pedagogical work in a multicultural team; humanistic-oriented style of pedagogical interaction, etc.) (Cui & Van den Berg 1991; Sercu 2004; Spitzberg & Cupach, 1984).

Regardless of the existence of many definitions of the term Intercultural communicative competence, there are three common aspects, based within them:

1. Ability to form, develop and maintain relationships;
2. Ability to communicate effectively and therefore a minimum of loss;
3. Ability to reach a consensus and develop collaboration with the others

(Fantini, ed. 1997; 1999)

Moreover, these basic aspects are not solely for the study of intercultural relations, they are also relevant for interpersonal research. The intercultural level of communication is more complicated, though. When people interact by means of culture, the common between them decreases, and the differences- increase dramatically. The augmentation of intercultural differences is caused mainly by the differences in language, culture, world perceptions. Intercultural capacity can often be demonstrated by behavioral acts or traits. Usually, these are empathy, flexibility, patience, interest, curiosity, openness, humor, tolerance for ambiguity. These characteristics are used by many psychologists when describing an intercultural successful personality (Kealey and Protheroe, 1996) and also in the description of cross-cultural psychology (Kelley and Meyers 1992). But we still have not addressed the question: Can these traits be trained or developed in someone who does not possess such qualities?

In his study of intercultural competence Fantini, A. E. (1997, 1995, 1999) offers 5 dimensions: awareness, attitudes, skills, knowledge and proficiency in the host tongue. Namely the awareness dimension is recognized by many researchers as an important component of intercultural competence and as the strongest dimension that leads to deeper knowledge, skills and attitudes. To learn to understand, realize, feel and express ourselves in alternative ways, is a necessary condition for intercultural effectiveness.

According to the Dutch researchers, Van der Zee and Van Oudenhoven (2000), intercultural effectiveness, intercultural adjustment, and multicultural sensitivity, are all parts of the wider definition of cross-cultural oriented personality characteristics. In order to assess that personality, they have developed the Multicultural Personality Questionnaire (MPQ). They have defined five traits that are part of such personality: ***cultural empathy, open mindedness, emotional stability, flexibility and social initiative:***

1. Cultural empathy or “sensitivity”- expresses the ability of a person to feel sympathy for the feelings, thoughts and behavior of representatives of other cultural groups. Typically, this dimension is most frequently studied in relation to intercultural effectiveness (Arthur & Bennett, 1995; Ruben, 1976).
2. Open mindedness- is considered an open and unbiased attitude towards the members of the out-group and towards the different values and norms. Hammer, Gudykunst, and Wiseman (1978) and Ronen (1989) have found out that “freedom of bias” is a crucial attitude related to multicultural effectiveness.
3. The third dimension, emotional stability, is rarely to be seen in the workings on multicultural effectiveness. It refers to the tendency of remaining calm in difficult

situations and against the trend of demonstrating strong emotional reaction in case of tension. In the works of Abe and Weisman (1983), Church (1982), Hammer et al. (1978) it is emphasized that the ability to cope with psychological tension is a key dimension of intercultural effectiveness (Van der Zee, & Van Oudenhoven, 2000).

4. Next dimension- flexibility. It expresses the ability of a person to quickly adapt to new situations, to learn from previous mistakes, to develop new social skills.
5. Social initiative and the tendency of a person to actively participate in the social situation and to take initiative. For example, several studies put stress on the importance of the ability to form and maintain contact (Hawes & Kealy, 1981; Kets de Vries & Mead, 1991) and to take initiative (McCall, 1994; Spreitzer and others, 1997).

Finally, Van der Zee and Van Oudenhoven (2002) have found that these five dimensions can predict international effectiveness. They have conducted a study at an International Business School in the Netherlands, where they have found higher levels of these five dimensions in the international students as compared to the native ones.

In order to achieve an effective intercultural interaction, the importance of cultural tolerance should be taken into account. Cultural tolerance is defined as the attitude of a person towards the social norms and customs of a culture that is perceived as foreign (Gasser, 1995). In their analytical works Hannigan (1990) and Ronen (1989) describe variables which can predict the functioning of international representatives in terms of foreign culture. These are: authoritarianism, ethnocentrism, openness to testing and tolerance for ambiguity.

Tolerance is defined as one of the most essential social competences- readiness and ability of a person to live and act constructively in the diverse world. The problem of tolerance, caused by its strategically significant goal, has become very pressing in the psychological and social sciences. All researchers on the issue of tolerance have found that it can not be defined unambiguously. There are dozens of *interpretations and definitions of the term* tolerance, i.e. the very phenomenon is heterogeneous, multi-aspect and multi-component. It has many types, forms, options, levels, phases on an individual level. For instance, tolerance is:

- Potential for accepting different ideas and opinion;
- Admission and broad-mindedness, solving of practices, action, behavior; allowing a person or an opinion to exist without interference, solving of differences in religious views without discrimination;
- Ability to accept, tolerates, stand, resist; to allow the existence or to put up with somebody or something. Aspiration and ability to establish and support a community of people who differ in some respect from the dominant type.

The diversity of these definitions also points out differences in emphasis, culture and historical experience. But what does it really mean to tolerate someone? To tolerate a group or a person means to accept their right to self-identify in a way

that differs from your own, and at the same time to limit this right only to the sphere of private space, to reduce it only to a “private opinion” or a “private choice”. In order to admit one’s individual identity, we should recognize the culture that determines the acts of his/her self-identification.

Tolerance is most often associated with ambiguity and vagueness, as a possible variable to mitigate individual behavior. Many psychologists try to explain or categorize individual tolerance towards vagueness Budner (1962), Norton (1975), Rydell & Rosen (1966), Macdonald (1970), Leavitt & Walton (1983) and McLain (1993) and to develop research tools measuring tolerance towards ambiguity. Many attempts have been undertaken in order to explore the relationship between tolerance and other constructs such as prejudiced attitude, rational decision making, psychology of perception and ability to master a second language (Budner 1962; Chapelle & Roberts 1986). There is scientific research focused on the ability of people to withstand psychological pressure, stress, tension in a decision-making situation, uncertainty.

A number of researchers (Lange & Houran, 1998, 1999) indicate that the emotional personality variable, called “tolerance for ambiguity”, has a key role in the process of treatment of unidentified stimuli. Also, people with a high level of tolerance for ambiguity do not exhibit anxiety when faced with polysemantic stimuli.

Many social and psychological studies also emphasize on the close connection between ethnic identity and degree of tolerance expression (Berry, 1997; Phiney, 1997). According to their results, positive ethnic identity leads to a tolerant type of relationship, while the loss of positive identity- to intolerance and extremism (Стефаненко, 2001; Лебедева, 2003; Татарко, 2004).

Therefore, the study of tolerance is an up-to-date scientific and psychological issue. The formation and development of tolerance will reduce the stereotypical thinking, prejudice and conflicts between certain social groups. In this regard, modern social educational and political situation requires a serious rethinking of the prevailing traditional model of education in the direction of its multi-cultural intensification. In the report “Key competences for Europe” summarizing the outcome of the symposium in 1996 in Berne devoted to the program of the Council of Europe, five key competences in education were defined. One of them is related to life in a multicultural society, i.e. intercultural competence. The report emphasized that in order to monitor racism and xenophobia and to create a tolerant environment, education should foster intercultural competence in young people. One of the important tasks of school and university education is to make the goals of development and cultural environment of society comprehensible to students of all nationalities, to expand personal understanding of other cultures, to identify and expand the forms and modes of intercultural communication between different national groups.

References

1. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России. Психологический журнал. Т.24 5, 2003 стр. 31-44.
2. Стефаненко Т.Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках // Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001. С. 11 –30.
3. Татарко А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
4. Berry, J.W. (1997). Lead Article Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 46 (1), 5–68.
5. Chapelle, C. & Roberts, C. (1986). Ambiguity tolerance and field independence as predictors in English as a second language. "Language Learning," 36(1) pp27-45.
6. Fantini, A. E. 1997. Language: Its Cultural and Intercultural Dimensions. In Fantini, A. E. (Ed.) *New Ways in Teaching Culture*. TESOL Series II. Illinois: Pantagraph Printing, 3-15.
7. Gudykunst, W. & Mody, B. (2001). *Handbook of Intercultural and International Communication*, Newbury Park, CA: Sage Publications. Review, 46, 5-34.
8. Haslberger, A. (2005) Facets and Dimensions of Cross-Cultural Adaptation - Refining The Tools, *Personnel Review*, Vol. 34, No. 1, January, pp 85-109.
9. Hammer, M. R., Bennett, M. J., & Wiseman, R. (2003). Measuring intercultural sensitivity: The intercultural development inventory. *International Journal of Intercultural Relations*, 27, 421-443.
10. Hammer, M. R., Gudykunst, W. B., & Wiseman, R. L. (1978). Dimensions of intercultural effectiveness: An exploratory study. *International Journal of Intercultural Relations*, 2, 382–393
11. Kealey, D. J. & Protheroe, D. R. 1996. The Effectiveness of Cross-Cultural Training for Expatriates: An Assessment of the Literature of the Issue. *International Journal of Intercultural Relations*, Vol. 20, No 2. Elsevier Science, 141-165.
12. Kelley, C., & Meyers, J.E. (1992). The cross-cultural adaptability inventory. Unpublished handout.
13. Kramsch, C. 1993. *Context and Culture in Language Teaching*. Oxford: Oxford University Press.
14. Paelman, P., M. Verlot. *Pedagogy*. (2003). Diversity and Empowerment Interculturalisation of schools in Flanders as a tool for more democratic education.

15. Phinney, J., Cantu, C., & Kurtz, D. (1997). Ethnic and American identity as predictors of self-esteem among African American, Latino, and White adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 26, 165–185.
16. Rosenthal, R., Hall, J. A., DiMatteo, M. R., Rogers, P. L., & Archer, D. (1979). *Sensitivity to nonverbal cues: The PONS test*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
17. Sercu, L. (2004). Assessing intercultural competence: A framework for systemic test development in foreign language education and beyond. *Intercultural Education*, 15, 73-89.
18. Spitzberg, B. H., & Cupach, W. R. (1984). *Interpersonal communication competence* (pp. 33-71). Beverly Hills, CA: Sage.
19. Van Oudenhoven, J.P. & Van der Zee, K.I. (2002). Predicting Multicultural Effectiveness of International Students: The Multicultural Personality Questionnaire. *International Journal of Intercultural Relationships*, 26, 679-694.

УДК: 37.013.78

INTERCULTURAL EDUCATION IN GREECE: SOME POLICIES AND GOOD PRACTICES AIMED AT THE INTEGRATION OF IMMIGRANTS' CHILDREN

Dr Rozalina P. Engels-Kritidis,
Faculty of Primary and Pre-School Education,
Sofia University «St. Kliment Ohridski»,
e-mail: rozalinae@yahoo.com

Abstract: Referencing the main aspects of contemporary intercultural education in Europe, the current publication presents some intercultural education policies in Greece and reviews several good Greek practices in the field. Attaining quality intercultural education is shown as a main tool for helping the process of integration of immigrant's children into the Greek society.

Key words: intercultural education in Greece, immigrant's children in Greece, immigrant's children integration

1. Introduction

Immigrant integration is without a doubt an important issue in the modern world and it is no wonder that it has been researched from various scientific points of view. The necessity for development in this direction is also apparent by its concurrence with relevant European directives (Lisbon strategy, 2000; Barcelona educational council, etc. 2002) according to which the new role of the teacher is

connected primarily with development of new pedagogical methods for increasing children's motivation and establishing their identity in the context of cultural variety.

According to Triandafyllidou & Gropas (2007), Greece's immigrant population is estimated at approximately 1.3 million, or 12% of the total population of 11 million. The main immigrant nationalities include Albanians (about 60% of the total immigrant population), Romanians and Bulgarians (currently EU citizens), Georgians, Ukrainians, Russians, and to a lesser extent Asian immigrants (mainly from Pakistan and Bangladesh). In this regard, the largest immigrants groups in Greek schools by nationality are Albanians, Russian speakers (Russian, Ukrainian and co-ethnic children from the former Soviet Union), Bulgarians and Romanians. About half of the children born of foreign parents live in the largest two Greek cities; the capital Athens, and Thessaloniki. The highest concentration of immigrant students is found in the Athens metropolitan area, where immigrant and co-ethnic students are about 12 % of the total school population. Having in mind this information, the need for researching the process of integration of immigrants' children into Greek society sounds quite evident.

The issue of the education of children who live in a foreign country can be explored in two interdependent and mutually complementary aspects: the first one is in the direction of keeping their mother language and cultural identity; and the second one is connected to attaining intercultural education, helping the process of integration in the foreign society. After referencing the main aspects of contemporary intercultural education in Europe, the current publication will present in more detail the second aspect.

2. Some aspects of contemporary intercultural education in Europe

In order to manage cultural diversity in kindergartens and school classrooms effectively, the underlying philosophy has to be that diversity is valued and that it strengthens classroom dynamics and offers greater learning opportunities for all. In this direction, "effective education" (Le Roux 2001) is particularly directed and relevant to the specific and unique learning needs to all students. Gorski (2006) has reviewed conceptualizations produced by several of the field's pioneer voices, among which those of Nieto (1996), Grant (with Sleeter, 1998), and Banks (2004), concluding that all of them agree on several key principles, one of which is that multicultural education is good education for all students. In other words, in his attempt to identify a set of defining principles of multicultural education, Gorski once again confirms the significance of intercultural education not only for immigrant's children, but also for all children from the accepting society. Le Roux (2001) also claims that it is wrong to assume that multicultural education will inevitably be practiced in a situation where learners of different cultural backgrounds are present in a common school or classroom setting. He is of the opinion that all children should be taught about the cultural diversity outside the school in a world that has become increasingly pluralistic in character (Le Roux, 2001: 44); true multicultural education for all, or "culturally responsive education" as he calls it, should prevail. Liddicoat & Diaz (2008) have also drawn attention towards the fact that the policy-makers have

opted for an intercultural approach which has evolved from its initial focus, the integration of immigrant children, to a broader, more comprehensive goal in which intercultural education becomes a core educational process for both immigrant and mainstream students. In the intercultural context of an increasing ethnically diverse classroom, the goals of intercultural education have also changed, promoting mutual benefits for all students.

On the other hand, the increasing social and ethnic diversity in European education systems demands new teacher competences. Le Roux (2001) considers that culturally responsive teaching entails much more than simply teaching a culturally/ethnically diverse class. Effective education or schooling is not simply a matter of teaching and learning curriculum content; it is also about values, assumptions, feelings, perceptions and relationships. An accommodative, appreciative and responsive approach to the reality of cultural diversity is of utmost importance. In this respect, the prospective teachers need to learn that multiculturalism is more than a question of adding specific aspects to various school objects; it should incorporate an approach, attitudes, learning material, and the reality of various learning and teaching style and implicit assumptions (Le Roux, 2001: 47). Experience suggests that learning is challenging and enriching when teachers are sensitive to, and accepting of, classroom diversity; when they have integrated their understanding of cultural diversity not only into their curricula, but also into their own personal outlooks and interpersonal interactions (Ganapathy-Coleman & Serpell, 2008). According to Le Roux (2002), effective educators are culturally-competent communicators; therefore, effective communication skills are a prerequisite for effective education. However, communication is not always strictly verbal; Liddicoat & Diaz (2008) claim that teachers should provide opportunities for students with immigrant background to learn to communicate through providing activities where language does not play a major role.

On the other hand, Baldock (2010) argues on the significance of having “a reasonably clear notion of our own cultural identity” (Baldock, 2010: xvi) as a prerequisite for understanding cultural diversity from early years. In his opinion, it is necessary to develop skills in response to cultural differences rather than just to acquire information about the cultures we expect to meet. In this regard, the support of people from outside the setting is very important; especially from parents whose own cultural background is not that of the majority of practitioners or other families at the setting. They may be willing to explain or demonstrate one aspect of their own cultural backgrounds. The advantages of asking parents to explain features of their cultures are connected mainly with the fact that they are likely to give a more realistic picture; moreover, since their children attend the setting, other children may be more able to understand that they are talking about something that happens routinely in their area rather than something exotic (Baldock, 2010: 67; 68).

Last but not least, the aspect of citizenship education is mentioned. It can be based on transferring and transforming transcultural values and can play a key role in building a future Europe characterized by the roles of dialogue and tolerance

(Sandström & Stier, 2008). It can also help prepare the ground for a sense of community and collective identity within the European Union.

3. Educational policies in the field of intercultural education in Greece

The increase in immigration has affected the school system in Greece, which has had to adapt in order to meet the needs of new groups from a diverse range of backgrounds. In order to adjust to the increasing diversity of school populations, the Greek Government has undertaken an on-going policy for integration of immigrants' children. In the initial phase of mass immigration into Greece in the early 1990s, there seemed to be few immigrant children: those who had arrived were not generally admitted into the public schooling system, as they were the children of illegal immigrants (IMEPO Final Report, 2004). Since the mid-1990s, there has been a highly visible increase in the number of immigrant children recorded in public schools. This is partly because of more recent toleration of the undocumented status of their parents (as per United Nations Convention on the Rights of the Child). The Greek Ministry of Education has established projects for rapid language acquisition. According to statistical data on immigrants in Greece, gathered for a study conducted by the Greek Migration Policy Institute for the 2002/2003 academic year (IMEPO Final Report, 2004), there were approximately 97000 non-ethnic Greek children (2873 of which pointed Bulgaria as their place of birth) in the public school system, the majority of whom in primary school. The challenge for a heterogeneous society is to meet the raised expectations for educational policies that are able to respond to the needs of the entire student population, which requires educational policies that are culturally sensitive, that enhance educational, socialization and personal development opportunities for students of all communities. Immigrant students need to deal with various difficulties in schools, arising from the cultural differences between the host society and the society of origin (Giavrimis et al., 2003). Paleologou (2004) has explored the different aspects of the implementation of intercultural education in the Greek context and states that intercultural education has gradually emerged in Greece as a new type of education.

Several large scale projects have been focused on intercultural education in Greece. One of the most significant and unprejudiced examples is the EMILIE project, the Greek part of which was conducted by a scientific team from ELIAMEP – the Hellenic Foundation for European and Foreign policy. The EMILIE project examines the migration and integration experiences of nine EU Member States and attempts to respond to the new challenges that multiculturalism is facing in contemporary Europe. Participating countries are Belgium, Denmark, France, Germany, Greece, Latvia, Poland, Spain and the UK. The project studies three important areas: education, discrimination in the workplace, as well as voting rights and civic participation. In the following paragraphs we are going to present in brief some important conclusions made in the Final report focused on education policy and the measures and practices adopted in dealing with cultural diversity in Greek education (Triandafyllidou & Gropas, 2007; Triandafyllidou & Gropas, 2009).

The EMILIE Report (2007) states that, since the mid-1990s, Greek public schools have been faced with an increasingly diverse (ethnically, culturally and religiously) school population. In 2008, children born of foreign or co-ethnic parents attending Greek public schools accounted for approximately 18% of the total school population (16% being children of foreign parents). In response to the changing realities, Greek education policy has essentially been defined on the basis of the following approaches: high priority has been accorded to Greek language learning as an instrumental but also a cultural tool for integration in Greek society; cultural and religious difference is accepted at the individual level; cultural and religious assimilation is encouraged as the outcome of successful integration through both curricular and extracurricular activities.

In 1996, the Institute for the Education of Co-Ethnic Returnees and for Intercultural Education (*Ινστιτούτο Παιδείας Ομογενών και Διαπολιτισμικής Εκπαίδευσης*, IPODE) was established as a semi-autonomous institute within the Ministry of Education. But, as stated in the EMILIE Report (2007), it deals more with the education of Greeks abroad than with providing for the needs of immigrant children in Greece. However, IPODE together with the Pedagogical Institute are responsible for issuing textbooks and other educational materials to be used in intercultural schools as well as in reception and support classes.

In parallel with the establishment of IPODE, in 1996 the first institutional measure was taken in the direction of intercultural education. The legislation referred to the establishment of intercultural schools for the education of “pupils with special educational, social, and cultural needs” (Triandafyllidou & Gropas, 2007). In principle, intercultural schools follow the curriculum and annual study programme of mainstream schools; however, they benefit from a significant degree of autonomy in order to respond to the special needs of the foreign student population. In practice, this autonomy means not being obliged to cover the entire curriculum, as other schools are expected to, with a view to paying more attention to Greek language learning and the overall process of smooth integration of foreign pupils to the school environment. In addition to the standard curriculum, intercultural schools can provide courses on the language and culture of the country of origin of the foreign students for up to 4 hours per week. They can also teach Greek to the students’ parents, inform them about the Greek educational system and encourage their participation in school activities in order to further integrate foreign students in the school and wider community life. Student festivals, plays, events and awards particularly themed on human rights, non-discrimination, equality (gender and other) and the fight against exclusion, racism and xenophobia are organized and supported by the state authorities through funding. However, it is obvious that these 26 intercultural schools do not meet the current needs of foreign pupils that account for approximately a tenth of the school population. At the same time, some of these intercultural schools have become all-foreigner schools, since Greek parents and pupils quickly abandoned them.

According to the EMILIE Report (2007), from 1999 onwards, two types of reception classes have been initiated. The first type includes groups of students who are taught Greek language and some basics from other subjects and who join with the regular classes for gymnastics, music and foreign language courses. The maximum period for which a student can be enrolled in these reception courses is two years and the decision to enrol a child in these classes is taken by the school in collaboration with the parents. For the academic year 2002/2003, 548 reception classes of this type were organised with 7,863 foreign students enrolled, 39.05% of which were organised in the Athens metropolitan area. The second type does not involve separate classes but takes the form of support classes and tutorials on the part of teachers who give special attention to foreign students, thus permitting them to follow the class curriculum with the rest of the pupils. For the same academic year, 127 support classes catered to the needs of 1,663 students. Some schools manage to provide both reception and support courses for their students, while others provide none at all; still others provide only for a limited level of teaching support to non-Greek mother-tongue students. Schools are also under-resourced in terms of access to intercultural pedagogical material. Although a lot of new teaching material has been developed over the past decade through the ad hoc intercultural programs, there are insufficient resources to disseminate this material to schools, reprint manuals, etc.

The EMILIE Report (2007) has shown in a very objective way the main shortcomings of Greek education policy. One of the most important disadvantages defined is the fact that intercultural education is considered a concern for foreign students only and not a priority for the entire student population. This deficit is contrary to the worldwide tendencies and understanding of contemporary intercultural education. Another significant shortcoming is that reception and support classes for migrant students are understaffed and under-resourced. At the same time, intercultural schools have been largely converted to all-foreigner schools given the high “flee-rates” of native Greek students from these schools. Another shortcoming of the overall policy design is the fact that mother-tongue learning has been rather restricted so far, because learning Greek is considered as the key vehicle to integration, while the language and culture of origin is not valued as cultural capital or as a tool for supporting Greek language learning. Intercultural education initiatives in Greece have tended to ignore the diverse linguistic background of the foreign student population and the ensuing linguistic issues in learning Greek. Thus, the results of the policy are undermined by problems in its implementation. Given the high number of foreign and co-ethnic children in Greek schools, the above shortcomings may prove disastrous for the education and subsequent labour market performance of immigrant and co-ethnic youths. The measures which the EMILIE Report (2007) has proposed include: the continuation of reception and support classes for non-Greek mother-tongue pupils; the promotion of teaching of the language and culture of the main countries of origin in optional courses during afternoon hours for all students; the on-going training and support of educators and teachers in the field

of multicultural education, combined with additional screening of teachers who offer to serve in schools and kindergartens with a high percentage of non-Greek mother-tongue pupils with a view to ensuring that people with expertise on the subject and/or motivated to tackle the challenge of cultural diversity can be appointed; further revisions in school curricula and textbooks with a view to acknowledging and celebrating the pluralistic character of Greek society and culture in the 21st century.

Having in mind the strong power of the Orthodox Christian church in Greece, more of them being Orthodox Christians, Bulgarian immigrants' children are in a better position than, for example, Albanian ones (a big part of which are Muslims), because of the fact that the majority of them come from Orthodox Christian families. The existence of some kind of religious identity is almost taken for granted within the Greek educational and social context. This is the dominant identity the educational system cultivates and reproduces (Zambeta, 2000: 150). In this respect, one of the most serious issues affecting contemporary Greek education deals with cultural diversity and, in this case, the way it treats religious diversity. Since they have the same religion as Greeks, Bulgarian children (as well as other Orthodox immigrants' children) have the advantage of being integrated in a country with a similar culture, so this at least is not a problem for them.

Because of the size of immigration in Greece, our Greek colleagues are more familiar with the issue of integration of immigrants' children and they have achieved good results in this area. However, most of them treat immigrants' children as a single group. The 1990s immigration wave in Greece included many different nationalities, such as Albanians, Bulgarians, Romanians, Georgians, Russians, Ukrainians, Poles, Moldovans, Pakistanis, Egyptians, Bangladeshi, Syrians, etc. There are rarely treatments of the children which take into account their origin and the specific problems connected with their country, language and culture.

4. Intercultural education in greece: some good practices

According to the EMILIE Report (2007), Greek terminology refers to “inter-cultural” (*διαπολιτισμική*) and not to “multi-cultural” (*πολυπολιτισμική*) education. In the Greek academic discourse, intercultural education and interculturalism (*διαπολιτισμική εκπαίδευση, διαπολιτισμικότητα*) are normative concepts. They prescribe a desired state of affairs and a prescriptive approach to the goals of education. By contrast, multiculturalism and multicultural societies (*πολυπολιτισμικότητα, πολυπολιτισμική κοινωνία*) are mainly seen as descriptive terms. Traditionally, the objectives of intercultural education have been defined as knowledge, acceptance and respect of diversity; mutual understanding and dialogue between different civilizations; rejection of stereotypes and prejudice; equal and constructive co-existence within a multicultural society. Triandafyllidou & Gropas (2007) put forward the following definition of intercultural education: *intercultural education involves not only intercultural exchange and knowledge of other cultures but also a reconsideration of the in-group culture through the integration of culturally diverse pupils into a cohesive societal whole*. In their view, such measures mainly include: the continuation of reception and support classes for non-Greek

mother-tongue pupils; the promotion of the teaching of the language and culture of the main countries of origin in optional courses during afternoon hours for all students; and further revisions in school curricula and textbooks with a view to acknowledging and celebrating the pluralistic character of Greek society and culture in the 21st century.

Some good Greek intercultural education practices are connected with the so-called “Friendship days”, when the traditions, history and culture of the students’ countries of origin are celebrated, while many classes include projects and presentations based on themes that refer to the history, geography, culture of the students’ countries of origin. At the same time, great pride was taken in showing the impressive progress accomplished on the part of immigrant children in their aptitude and speed of learning Greek and becoming accustomed to Greek literature, poetry, culture, mythology (Triandafyllidou & Gropas, 2007).

Karatsouni (2004) presents a Greek kindergarten class of 18 children, two of which are from Albania. Their teacher, in an effort to help the immigrant children’s integration, asked their mothers to come to the class and read a fairy tale from a book written in the Albanian language. From the illustrations, the children guessed that the fairy tale was “Puss in Boots”. Listening to the fairy tale in Albanian, they soon learned to discern the Albanian words for “puss in boots”. They also noticed that the book had two columns of text in each picture, the second one being in Italian; when they realized it is another new language, they asked to hear the fairy tale in Italian as well, commenting afterwards on the similarities and differences between the languages. The children then decided to write and illustrate the story of “Puss in Boots” in Greek and Albanian. Their collective effort was beneficial for all of them: the Greek children prided themselves in becoming “multi-lingual” after “learning” a foreign language, while the Albanian children became closer with their Greek schoolmates, as well as becoming more comfortable with writing and using Greek letters. This initiative was followed by other similar events, for example the parents of Muslim children presented the Ramadan celebration to the school.

Papadopoulou (2005) discusses the group activities organized in the 3rd Kindergarten in Kilkis, Greece where, out of 19 children, two were immigrants while another two were born of mixed marriages. Initially, all four children had problems in their communication with the rest of the class. In order to help them, a three-month intervention was organized, built around group activities which were designed to help children develop a closer contact with each other. The activities centred on using all senses, encouraging physical contact, learning to listen to and recognize different voices, observation of physical characteristics, etc. Activities included making children recognize their classmates from a certain characteristic like voice, palm prints, or pictures drawn by them. At later stages, children brought photographs of loved ones and discussed them with their classmates; in general, discussion was encouraged on things that make the children happy, sad, or afraid. All these activities helped build a better framework for communication in the classroom, which benefitted all the children, not only the immigrant ones.

Mandziara (2005) presents the experience in the field of intercultural education in the 36th Primary School of Athens, which has a high percentage of immigrant students, primarily because of its location in one of the areas of the city with a high concentration of immigrant citizens. During the 2003/2004 academic year, the first and second grade classes were comprised of 23 children, 18 of which were of Albanian origin, though most of them were born in Greece. This article refers to activities organized by the school under a general project titled “Traditional Greek and Albanian games, games with nature, language and mathematics”. The children played both Greek and Albanian games in class, as well as in the schoolyard; through the games, children were introduced to each other’s culture, found similarities and differences between the two cultures and learned to appreciate and respect each other. Moreover, the development of children’s verbal expression benefited by these interactions, something which became apparent when they were called to take “interviews” from two parents, one Albanian and one Greek, with relation to the games. Apart from the games at school, the children were able to play in a natural environment at the nearby hill, where their knowledge of nature and animals was developed through games of memory and imitation. The shared learning experience helped immigrant children overcome their shyness and join the classroom collective with better self-esteem.

Protonatorio et al (2006) present a different approach taken by teachers when organizing the celebration of a national holiday by the multi-national pupils. More specifically, the teachers aimed at avoiding the “standard” way of celebrating the Greek resistance during the Second World War, marked on October 28th; instead, the celebration was focused more on the experiences of different nations during the war, the different points of view and the common elements that are valid even today. At the same time, the project aimed at involving all children and their varied cultural backgrounds, helping them learn to work together and respect each other. The celebration was organized around the fictional “diary of a mule”, which depicts the animal’s life in a village before and during the war. References to the war, including literature, poetry and songs by both Greek and foreign authors, were used to place the narration in a historical setting while giving the children a clearer picture of life during the war. Other multi-cultural elements included narrations by children of their grandparents’ real experiences during the war, as well as translating anti-war slogans in all languages spoken at school. The celebration was a success, with all children and teachers getting involved and working as a whole. It proved that adopting non-standard methods can be beneficial, if not essential, in multi-cultural environments.

Bearing in mind that the integration of Bulgarian immigrants and their children into the Greek society may be achieved easily through the continuing cultural interaction of neighbouring peoples, Engels-Kritidis & Stellakis (2010) have started work on a project aiming at cultural integration of Bulgarian immigrants’ children in Greece through the similarities between Greek and Bulgarian proverbs and sayings. When discussing the creation of a basis for a culture of behaviour, pedagogical research and practices concentrate on the period of pre-school childhood; therefore, it

is when children are in the pre-school age that it is necessary to find a means of unification as a basis for creating forms and methods of pedagogical interaction to help the process of integrating Bulgarian immigrants' children into Greek society. On the other hand, the proverbs and sayings of the two neighbouring peoples (Bulgarian and Greek) can be used not only to integrate the wisdom and experience of our forefathers into a short expression, but also for something much more: helping the process of integration of Bulgarian immigrants' children into the Greek society and Greek language, through getting these children involved in equal peer-mates relationship with Greek children at the same age. Because of the geographical proximity of the two countries, there are a lot of similarities to be found between Bulgarians and Greeks with regard to the above folk genres. Additionally, their short size and ease of use keeps proverbs and sayings alive during everyday speech, even when people have moved outside their home country. In this regard, we have found, selected, analysed and categorized a collection of Bulgarian and Greek proverbs and sayings whose literal meanings correspond, in order to develop a theoretical model of pedagogical interaction based on their similarities, which can be used to help the process of cultural integration of Bulgarian immigrants' children aged 5 to 7 years into the Greek society.

5. Conclusion

Intercultural education in Greece has been improving every year. The existence of the reception and support classes for non-Greek mother-tongue pupils will continue, promoting teaching of the mother language and culture in optional courses. The intercultural education of Greek teachers will help develop them through consistent training and support in the field, ensuring pedagogues with expertise on the subject who are motivated and able to tackle the challenge of cultural diversity. Further revisions in kindergarten and school curricula and textbooks with a view to acknowledging and celebrating the pluralistic character of Greek society and culture in the 21st century will be made.

ACKNOWLEDGEMENTS

The research for this article was sponsored by the Greek State Scholarships Foundation. The theses presented herein are representative of the author's own ideas, but not necessarily reflect the opinion of Greek State Scholarships Foundation.

REFERENCES

1. Baldock, P. (2010). *Understanding Cultural Diversity in the Early Years*. London: SAGE.
2. Engels-Kritidis, R. & Stellakis, N. (2010). *Cultural Integration of Bulgarian Immigrants' Children in Greece based on Bulgarian and Greek Literally Corresponding Proverbs and Sayings*. Book of Publications of International Conference on topic: "Cultural Integration and Immigration in Modern Society: Interdisciplinary Perspective". 9th – 10th August 2010, Odessa, Ukraine (in press).

3. Ganapathy-Coleman, H. & Serpell, R. (2008) Challenging western hegemony through systematic study of cultural diversity: an undergraduate course on child development and culture. *Intercultural Education Vol. 19, No. 2, April 2008, pp. 97–104.*
4. Giavrimis, P., Konstantinou E. & Hatzichristou, C. (2003) Dimensions of immigrant students' adaptation in the Greek schools: self-concept and coping strategies. *Intercultural education, Vol. 14, No. 4, December 2003.*
5. Gorski, P. (2006) Complicity with conservatism: the de-politicizing of multicultural and intercultural education. *Intercultural Education, Vol. 17, No. 2, May 2006, pp. 163–177.*
6. IMEPO Final Report (2004) Statistical data on immigrants in Greece: An analytic study of available data and recommendations for conformity with European Union standards. [Online] Available at: <http://www.imepo.gr/Content4.aspx?C=94> [Accessed 15 November 2007].
7. Karatsouni, V. (2004) Sara, Rodrigo and a fairytale. *Gefyres, Vol.19, November-December 2004, pp.6-17* [Text in Greek].
8. Le Roux, J. (2001) Effective Schooling is Being Culturally Responsive. *Intercultural Education, Vol. 12, No. 1, 2001, pp. 41-50.*
9. Le Roux, J. (2002) Effective educators are culturally competent communicators. *Intercultural Education, Vol. 13, No. 1, 2002, pp.37-48.*
10. Liddicoat, A. & Diaz, A. (2008). Engaging with diversity: the construction of policy for intercultural education in Italy. *Intercultural Education. Vol. 19, No. 2, April 2008, pp. 137–150.*
11. Mandziara, N. (2005) Intercultural activities at the 36th Primary School in Athens. *Gefyres, Vol. 21, March – April 2005, pp.58-63* [Text in Greek].
12. Paleologou, N. (2004) Intercultural education and practice in Greece: needs for bilingual intercultural programmes. *Intercultural Education Volume 15, Number 3, September 2004, pp. 317-329(13).*
13. Papadopoulou, M. (2005) An intercultural education intervention through group activities in the 3rd Kindergarten in Kilkis. *Gefyres, Vol. 20, January – February 2005, pp.6-9* [Text in Greek].
14. Protonotario, S., Haravitsidis, P., Voulalas K., Makrigianis, G. “National celebrations”. The experience of a different approach. *Gefyres, Vol.26, January - February 2006, pp. 6-13* [Text in Greek].
15. Sandström Kjellin, M. & Stier, J. (2008) Citizenship in the classroom: transferring and transforming transcultural values. *Intercultural Education. Vol. 19, No. 1, February 2008, 41–51.*
16. Triandafyllidou, A. & Gropas, R. (2007) Greek Education Policy and the Challenge of Migration: An Intercultural View of Assimilation. ELIAMEP paper prepared for the EMILIE project. [Online] Available at: http://emilie.eliamep.gr/wp-content/uploads/2009/07/wp3_greece_final.pdf [Accessed 25 February 2010].
17. Triandafyllidou, A. & Gropas, R. (2009) Greek Education Policy and the Challenge of Migration: An Intercultural View of Assimilation. ELIAMEP EMILIE

Research Project: Policy Brief. [Online] Available at: http://emilie.eliamep.gr/wpcontent/uploads/2009/11/emilie_education_policy_brief_greece_en.pdf [Accessed 25 May 2010].

18. Zambeta, E. Religion and national identity in Greek education (2000). *Intercultural Education, Vol. 11, No2, April 2000, pp. 145-155.*

УДК: 325.1+159.9.316.455

CULTURAL INTEGRATION OF BULGARIAN IMMIGRANTS' CHILDREN IN GREECE BASED ON BULGARIAN AND GREEK LITERALLY CORRESPONDING PROVERBS AND SAYINGS

Dr. Rozalina Engels-Kritidis, Sofia University, Bulgaria

Dr. Nektarios Stellakis, University of Patra, Greece

Abstract: *Regarding the emigration of Bulgarians to Greece, the latest statistics show Greece as the country housing the most Bulgarian emigrants (more than 300 000). This presents a serious argument for researching the proper pedagogical tools in order to help the process of integration of Bulgarian immigrants' children living in Greece. Proverbs and sayings could be a means of unification; using them, methods of pedagogical interaction can be created to facilitate the process of integrating immigrants' children into the culture of the accepting society. Because of many factors (mostly having to do with the geographical proximity), there are many similarities to be found between Bulgarians and Greeks with regard to the above folk genres. In this regard the aim of the proposed research is to find and analyze a collection of Bulgarian and Greek proverbs and sayings whose literal meanings correspond, in order to develop a pedagogical model based on their similarities and aimed at helping cultural integration of Bulgarian immigrants' children living in Greece. In the current publication we are going to present the findings from the first stage of the research. However, the most important stage is about to be conducted: finalizing the model and proving it by approbation in a pre-school group in the Bulgarian school in Athens and in an Athens state kindergarten where there are children from Bulgaria.*

Key words: *cultural integration of children; Bulgarian immigrant's children in Greece; Bulgarian and Greek literally corresponding proverbs and sayings.*

INTRODUCTION

Immigrant integration is without a doubt an important issue in the modern world and it is no wonder that it has been researched from various scientific points of view. Regarding the emigration of Bulgarians to Greece, there is an interesting statistical fact: according to the Bulgarian Ministry of Foreign Affairs, as of February 7th, 2005 (the latest official statistics) the number of Bulgarians living in Greece is 290000 – making Greece the country housing the most Bulgarian emigrants. In comparison, according to the same source, there are 270000 Bulgarians in USA;

120000 in Spain; 70000 in Italy; 44300 in Germany; and 44000 in UK. If we take into account that this number has risen significantly after the borders between the two countries were opened in January 2007 when Bulgaria joined the European Union, the need for researching the process of integration of Bulgarian immigrants' children into Greek society is quite evident.

On the one hand, when discussing the creation of a basis for a culture of behaviour, pedagogical research and practices concentrate on the period of pre-school childhood. Therefore, it is when children are in the pre-school age that it is necessary to find a means of unification, based on which to create forms and methods of pedagogical interaction to help the process of integrating Bulgarian immigrants' children into Greek society.

On the other hand, the rising interest in the definition of 'meaning' and its ever-increasing role in human behaviour are continuously paving the way for a transition towards a semantic way of thinking. Every passing day confirms the perception of the modern world as a vast system of signs, each of them bearing pieces of information, which we have to know how to access and understand. The ability of proverbs and sayings to integrate the wisdom and experience of our forefathers into a short expression makes them not only excellent moral templates for behaviour, but also primal cognitive matrices on which to build upon – at least for the people who can interpret them adequately. But these forms of verbal folklore, seen as short and clichéd signs that are poetic expressions of everyday situations, might be used for something much more: helping the process of integration of Bulgarian immigrants' children into the Greek society and Greek language, through getting these children involved in equal peer-mates relationship with Greek children at the same age on the basis of the similarities between sayings and proverbs of the two neighbouring cultures. Mostly because of the geographical proximity of the two countries, there are a lot of similarities to be found between Bulgarians and Greeks with regard to the above folk genres. Additionally, because of their short size and ease of use, proverbs and sayings remain alive during everyday speech, even when people have moved outside their home country.

RESEARCH AIM AND HYPOTHESIS

The **aim** of the proposed research is to find, analyze and categorize a collection of Bulgarian and Greek proverbs and sayings whose literal meanings correspond, in order to develop a theoretical model of pedagogical interaction based on their similarities, which can be used to help the process of cultural integration of Bulgarian immigrants' children aged 5 to 7 years into the Greek society. This is also related to the **main hypothesis** of the proposed research, which is that the similarities between Bulgarian and Greek proverbs can be used as a cultural matrix for developing educational tools in the field of intercultural education between Bulgarian and Greek children.

METHODOLOGY:

Five main research stages have been conducted so far:

Stage I: Researching the official Greek educational materials in order to determine the place of proverbs and sayings in children's education in Greece.

Stage II: Preparing a questionnaire for teachers and parents from the Bulgarian Sunday School in Athens, collecting proverbs and sayings in Bulgarian and Greek which are in use nowadays abroad; and analyzing the information from the questionnaires in order to identify the most popular proverbs and sayings whose literal meaning corresponds in both languages.

Stage III: Selecting proverbs and sayings suitable for children aged 5-7.

Stage IV: Additional selection of proverbs and sayings from bilingual publications (English and Greek; English and Bulgarian) dealing with proverbs in order to facilitate international understanding of the proposed research we have found corresponding proverbs and sayings in English.

Stage V: Laying the foundation for the cultural integration model.

During the first stage, we have researched some educational materials approved by the Greek Ministry of Education and Religious Affairs. This included materials for use in pre-school settings, in order to determine the place of proverbs and sayings in children's education in Greece, as well as materials for use in the first grade in school.

We have used two official kindergarten resources: Greek Pedagogical Institute (2002) A Cross-thematic Curriculum Framework for Compulsory Education (DEPPS), and Kindergarten teachers' manual: Designing creative learning environments (Dafermou et al, 2006). As far as these two official documents are concerned there is no clear and specific reference to proverbs. But proverbs are extensively used in preschool settings (Kostinoudi & Sivropoulou, 2009; Kourkourika & Moraiti, 2007; Pagoulatou 2007; Sarakintsi, 2003; Panagiotidou & Sarakinidou, 2003).

Kostinoudi & Sivropoulou (2009) use proverbs and sayings to test how children work individually and in small teams (4 children in each team) and to help children's literacy development. They use 24 proverbs and sayings, such as 'Like cats and dogs'; 'The apple does not fall far from the tree', etc. They use some pictures to stimulate children's thinking, for example:

Όταν λείπει η χορεύουν τα
(‘When the cat's away, the mice will play’)

In Kourkourika & Moraiti (2007) there have been published some materials about music in kindergarten and it is mention that there they utilize different kinds of texts (among them and proverbs), but there is no detailed reference apart that they will use proverbs, among other texts.

Genakou (2003) pays attention to proverbs as metaphors and children's reading behind the words. As an example, she uses the common proverb 'The apple does not fall far from the tree'. She also mentions the proverb 'An apple a day keeps the doctor away'. The author suggests that proverbs and sayings should be included in language activities aiming at their learning and understanding by children through different games. She uses very good rhyme to explain the core of proverbs to children (Genakou 2003, p. 315):

<i>Είναι μια μικρή κουβέντα</i>	[It is a small phrase
<i>με μεγάλη σημασία.</i>	with a big meaning.
<i>Κρύβει πείρα, κρύβει γνώση</i>	It hides experience, it hides knowledge
<i>έχει χιούμορ και σοφία</i>	it has humour and wisdom
<i>και με λίγα λόγια</i>	and with only a few words
<i>αποφεύγεις την πολυλογία.</i>	you avoid talking much.]

Proverbs are used as pedagogical tools in Sarakintsi (2003). In a thematic unit about 'bread', one of the activities was to read, write and draw the following proverbs: 'If someone doesn't want to knead he sifts ten days'; 'If you don't seed in October then you will have just a little wheat'; 'Whoever is hungry dreams about loaves of bread and whoever is thirsty dreams about wells'.

In a book by Hadzhimanoli (2005), proverbs and sayings are grouped by keywords, combined with excellent illustrations, suitable for pre-school children. Each illustration features both the text of the proverb or saying (above the picture) and the literal explanation (below the picture). This kind of presentation is very useful, as it can help children understand proverbs and sayings most properly and it can be used by both teachers and parents.

According to the use of proverbs in the Greek curriculum for Grade 1 (Greek Pedagogical Institute, 2002) in the 'Literature' section, it is mentioned that the main target is the familiarization of children with texts of popular literature. Later in the section of 'Indicative practices' it is mentioned that in classrooms children can collect 'popular tales, traditions, proverbs, enigmas from family settings' (p.30). There are no proverbs in Language books, but in the 'Study of the Environment' book, part of the chapter on 'civilization' is dedicated to proverbs (p.119). In this chapter there is the proverb 'the song is for the vintage and the tale for December'. Children are encouraged to write and draw proverbs. They are given a task to collect the proverbs and make a book for them. Also, they are called to act out or sing about a proverb.

Therefore, the conclusion after the review of the literature is that, while there is no special focus on proverbs and sayings in the curriculum, Greek teachers have some pedagogical directions for using them and they do use them during the pedagogical interaction in kindergartens, as well as in first grade at school. This means that the proposed model will have some basis to build upon.

According to the second stage of the research, we have prepared questionnaires in Bulgarian and Greek language for collecting proverbs and sayings which are in use nowadays abroad. The questionnaires were given to: 1) teachers who work in Bulgarian Sunday School in Athens; 2) parents of children who attend the same

school (living in Athens and speaking Greek well); 3) students from Greece at the Faculty of Primary and Pre-school Education in Sofia University ‘St. Kliment Ohridski’ (now living in Bulgaria and speaking Bulgarian well). Analyzing the collected questionnaires helped us identify the most frequent Bulgarian and Greek proverbs and sayings which are alive nowadays. We needed them for the third stage of the research where we have selected the proverbs and sayings most suitable for children at the age of five to seven years.

After enriching the set through an additional selection of proverbs and sayings from bilingual publications - English and Greek (Stathes, 1998), we have also found corresponding proverbs and sayings in English (stage four) in order to facilitate international understanding of the proposed research.

In the fifth stage of our research we have laid the foundation for the cultural integration model, putting in hierarchical order the selected proverbs and sayings with corresponding literal meaning in Greek and Bulgarian (Table 1). The idea is for this content to become the core of the model which will be finished in the fall of 2010/2011 academic year. The principles, methods and forms of pedagogical interaction are also going to be explained in our next publication, when the approbation of the model will have been conducted. We expect our main findings to confirm the hypothesis that the similarities between Bulgarian and Greek proverbs can be used as a cultural matrix for developing educational tools in the field of intercultural education between Bulgarian and Greek children.

Table 1:
Bulgarian and Greek literally corresponding proverbs and sayings suitable for use in preschool age (with translation in English).

N	Bulgarian Proverb or Saying	Literally corresponding Greek Proverb or Saying	Similar by meaning English Proverb or Saying
1	<i>Тънък като клечка.</i>	<i>Λεπτός σαν οδοντογλνφίδα.</i>	Thin as a stick.
2	<i>Гладен като вълк.</i>	<i>Πεινάει σα λύκος.</i>	Hungry like a wolf.
3	<i>Треперя като лист.</i>	<i>Τρέμω σα φύλλο.</i>	Shaking like a leaf.
4	<i>Като две капки вода.</i>	<i>(Μοιάζουν) Σα δυο σταγόνες νερό.</i>	Like two drops of water.
5	<i>Като кучето и котката.</i>	<i>Σαν το σκόλο με την γάτα.</i>	(Arguing) Like cats and dogs.
6	<i>Играя си с огъня.</i>	<i>Παίζω με τη φωτιά.</i>	Playing with fire.
7	<i>Вися на косъм.</i>	<i>Κρέμομαι από μια κλωστή.</i>	Hanging by a hair (thread).
8	<i>На две магарета слама не може да раздели.</i>	<i>Δεν μπορεί να μοιράσει δυο γαιδάρων άχυρα.</i>	He cannot divide two donkeys' straw.
9	<i>Очите ти на четири.</i>	<i>Τα μάτια σου δεκατέσσερα.</i>	Be on your toes.
10	<i>На ръба на пропастта.</i>	<i>Στο χείλος του γκρεμού.</i>	Standing on the edge.
11	<i>Не можеш да носиш две дини под една мишица.</i>	<i>Δύο καρπούζια δε χωράνε κάτω από μια μασχάλη.</i>	Two watermelons don't fit under one's arm.

12	<i>Онзи, който гони <u>два</u> заека, не хваща нито един</i>	Όποιος κυνηγά πολλούς λαγούς, κανέναν δεν πιάνει.	He who chases many rabbits catches none.
13	<i>Вълкът козината си мени, но нравът си – никога.</i>	Ό λύκος και αν εγέρασε και άλλαξε το μαλλί του, μήτε τη γνώμη του άλλαξε, μήτε την κεφαλή του.	A tiger doesn't change its stripes.
14	<i>На каквото си постелеши, на това ще легнеш.</i>	Όπως έστρωσες θα κοιμηθείς.	You've made your bed, now lie in it.
15	<i>Каквото посееш, такава ще пожънеш</i>	Ό,τι σπείρεις θα θερίσεις.	You reap what you sow.
16	<i>Езикът кости няма, ама кости проши.</i>	Η γλώσσα κόκαλα δεν έχει και κόκαλα τσακίζει.	A blow with a word strikes deeper than a blow with a sword.
17	<i>Голям залък гълтни, голяма дума не казвай.</i>	Μεγάλη μπουκιά να φας, μεγάλη λέξη να μη πεις.	Swallow your pride.
18	<i>Казана дума-хвърлен камък.</i>	Та λόγια δεν παίρνονται πίσω.	A word spoken is past recalling.
19	<i>Три пъти мери, един път режи.</i>	Τρεις φορές μέτρα και μετά κόψε μια.	Measure twice, cut once.
20	<i>Приятел в нужда се познава.</i>	Ό καλός φίλος στην ανάγκη φαίνεται.	A friend in need is a friend indeed.
21	<i>Търкулнала се тенджерата, та си намерила похлупака (капака).</i>	Κόλλησε ο τέτζερης και βρήκε το καπάκι.	Birds of a feather flock together.
22	<i>Кажы ми какви са приятелите ти, за да ти кажя какъв си.</i>	Δείξε μου τους φίλους σου, να σου πω ποιός είσαι.	Show me your friends and I'll tell you who you are.
23	<i>Мокър от дъжд не се бои.</i>	Ό βρεγμένος την βροχή δεν την φοβάται.	Someone who is wet is not afraid of the rain.
24	<i>Който копае трап другиму, сам пада в него.</i>	Όποιος σκάβει τον λάκκο του άλλου ο ίδιος πέφτει μέσα.	If you dig a hole for someone, you will fall in it.
25	<i>Ясно небе от мълния не се бои.</i>	Καθαρός ουρανός αστραπές δεν φοβάται.	A clear sky is not afraid of lightning.
26	<i>Когато котката я няма, мишките танцуват.</i>	Λείπει η γάτα, χορεύουν τα ποντίκια.	When the cat's away, the mice will play.
27	<i>Не всичко, което блести, е злато</i>	Ό,τι λάμπει δεν είναι χρυσός.	All that glitters is not gold.
28	<i>Най-добре се смее този, който се смее последен.</i>	Γελάει καλύτερα όποιος γελάει τελευταίος.	He who laughs last laughs best.

*The underlined words have little differences in meaning.

RESEARCH LIMITATIONS AND PRACTICAL IMPLICATIONS

In the current publication we are presenting the findings from the aforementioned three stages of the research. However, the two most important stages are about to be conducted, namely finalizing the model, and proving it by approbation, to be carried out in a pre-school group in the Bulgarian school in Athens and in an Athens state kindergarten where there are children from Bulgaria. These stages are going to be conducted during the fall semester of acad. year 2010/2011. We have the consent of the principal and the teachers from the two Bulgarian schools in Athens to work

personally with the 10 Bulgarian children aged 5-7 years (Group A) who attend the preparatory groups at these schools during the next academic year. We are also arranging cooperation with an Athens state kindergarten, where a similar program will be adapted and organized with children of the same age in a kindergarten group (Group B) in which there will be children from Bulgaria. The two programs will be similar, but each will conform to the specific characteristics of the relevant group. In Group A, where the pedagogical interaction will be lead by myself, the main language will be Bulgarian and the supplementary language will be Greek (used for telling some specially chosen Greek tales, proverbs or riddles which have a lot in common with Bulgarian ones). In Group 2, where Greek teachers will work with the children under our supervision, it will be the opposite – Greek will be the main language, while Bulgarian will be the supplementary language.

ORIGINALITY AND VALUE OF THE RESEARCH

The current research is unique in its concept. Like any other intercultural education program, building and proving this kind of model for educational interaction always has a doubly positive impact: it benefits not only the Bulgarian children to be integrated, but also the Greek children, as part of the accepting environment. The necessity for development in this direction is also evident by its concurrence with relevant European directives (2000 Lisbon strategy, 2002 Barcelona educational council, etc.), according to which the new role of the teacher is connected primarily with development of new pedagogical methods for increasing children's motivation and establishing their identity in the context of cultural variety.

ACKNOWLEDGEMENTS

The research for this article was sponsored by the Greek State Scholarships Foundation. The theses presented herein are representative of the authors' own ideas, but not necessarily reflect the opinion of Greek State Scholarships Foundation.

BIBLIOGRAPHY

1. Dale, R. (2003). *A treasure of essential proverbs*. London, CRW Publishing Limited.
2. Dafermou, Ch. et al. (2006). *Kindergarten teachers' manual. Kindergarten teachers' manual: Designing creative learning environments*. Athens, OEDB [Text in Greek].
3. Greek Pedagogical Institute (2002). *A Cross-thematic Curriculum Framework for Compulsory Education (DEPPS)*. Translated from the Official Gazette, B' (303/13-03-03) and B (304/13-03-03) by members of the GPI main staff and teachers seconded to the GPI. [Online] Available at: http://www.pi-schools.gr/programs/depps/index_eng.php [Accessed 3rd May 2010].
4. Kipfer, B. A. (2001). *8,789 words of wisdom*. New York, Workman Publishing, 2001
5. Kostinoudi A., & Sivropoulou, I. (2009). Influence of learning team in growth of literacy of preschool aged children: The example of proverb. In: *Proceedings of*

Greek Conference 'Teaching Greek language (as first/mother, second/foreign)', organized by Preschool Education Department, University of Western Makedonia, pp. 1-15 [Text in Greek].

6. Kourkourika, M. & Moraiti, T. (2007). Interdisciplinary approach of knowledge: exploitation of cultural content through music. In: *Book of Abstracts from 5th Greek Conference: 'In Search of Cultural Identity in Music Education'*, organized by Greek Society for Music Education. Thessaloniki, pp. 28 [Text in Greek].

7. Negris, A. (1831). *A Dictionary of Modern Greek Proverbs*. Edinborough.

8. Pagoulata E. (2007). Comprehensive of metaphor through the use of proverb in preschool education. In: *Proceedings of 6th Greek Conference of OMEP 'Language as medium and as object of learning in preschool and first years of school*. Patras, 2007, pp. 278 -283 [Text in Greek].

9. Sarakintsi, A. (2003). Bread. In: Zografou – Tsantaki M. (Ed). *Kindergarten – Language – Projects*. Athens, pp. 186-188

10. Stathes , V. (1998). *Village Wisdom. Greek Proverbs*. New York, 1998

11. Βάμβουκα, Ι. & Βάμβουκας, Μ. (2005). *Μια Δοκιμασία Με 400 Ελληνικές Παροιμίες Για Παιδιά Και Νέους*. Αθήνα, Εκδόσεις «Γρηγόρη».

12. Γκενάκου, Ζ. (2003). Η ποίηση του λαού και ο παιδικός λόγος, *Θεωρητικές Προσεγγίσεις – Ανθολόγιο – Γλωσσικές Δραστηριότητες*. Αθήνα, Πατάκης.

13. Φερεντινου, Α. (2008). *Έτσι το λέει ο Λαός: Παροιμίες*. 2^η Έκδοση. Αθήνα, Εκδόσεις «Ενάλιος».

14. Χατζημανώλη, Α. & Μούσερ-Σπάσου, Κ. (2005) *Όπου Λαλούν Πολλοί Κοκόροι.: Παροιμίες Και Φράσεις*. Θεσσαλονίκη, Εκδόσεις «Κίρκη».

УДК: 130

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Закревский Владимир Энгельсович

кандидат философских наук

старший научный сотрудник Южного научного центра Национальной
Академии педагогических наук, Одесса, Украина

В статье ставится проблема детерминант исторического процесса. В работе убедительно показана неэффективность существующих форм и средств оптимизации социальных процессов в современном мире - деятельность ООН, а также усилий, направленных на поиск общеевропейских и мировых ценностей. Автор предлагает социальную технологию, внедрение которой позволит консервативно гуманизировать цивилизационный процесс.

Ключевые слова: мировая социальная динамика, нормальный-совершенный человек

HUMANISTIC TRANSFORMATION OF WORLD SOCIAL DYNAMICS

V. E. Zakrevsky, Assistant Professor
Institute of Higher Education of National Academy of
Pedagogical Sciences of Ukraine

Abstract: *In article the problem a determinant of Historical Process is put. In work the inefficiency of existing forms and means of optimisation of social processes in the modern world - United Nations activity, and also the efforts directed on search of the all-European and World Values is convincingly shown. The author proposed the Social Technology which introduction will allow conservatively is offered the Historical Process.*

Key words: *world social dynamics, the normal-perfect person.*

Постановка проблеми. Научная и социально-практическая проблема заключается во все обостряющемся противоречии между сущностными силами и базовым потребностным полем жителей Земли и злосцентрированной ориентацией цивилизационного процесса. **Задача** текста – охарактеризовать деструктивно-катастрофическую направленность мировой социальной динамики и предложить технологию её гуманизации.

Различным аспектам означенной выше проблемы посвятили работы В.Б Джонстон, Х. Абельс, М. Bennett, Р. Barrett, R. Karakozov, G. Kipiani, E. Lions, V. Pavlenko, T. Riazanova, З. Фрейд, Э. Фромм, П. Сорокин Ф. Ницше, Эразм Роттердамский и многие другие, однако адекватного методологического и социально-практического решения последняя не получила до сей поры. [1, 2, 3, 5, 6, 10, 11]

Один их крупнейших писателей-гуманистов XX столетия Г. Гессе, в философско-психологическом романе “Игра в бисер” в качестве “отчуждающих” социальных маркеров приводит следующие: «...молодые – старые, правоверные – еретики, поборники вчерашнего и завтрашнего, “красного” и “белого”». [4, С. 255-256] В силу изначальной ментальной разнородности мирового сообщества его совокупная деятельность неизменно выступает как результат борьбы или компромиссов. При этом ценностно-нормативное многообразие, присущее различным этнонациональным общностям способствует возникновению деструктивных тенденций (терроризм, революции, войны и т. п.) в историческом процессе.

Известный украинский философ А.Н. Ермоленко убежден в том, что: “Така модернізація, за якою етос не обмежується горизонтом “внутрішньої” моральності, а трансформується в універсалістську етику, що ґрунтується на загальнолюдських цінностях і правах людини, особливо коли саме людство перестає бути неоформленою сумаю окремих суспільних сукупностей, а перетворюється насправді, (а не лише як ідея), в єдиний організм, що

функціонує на основі діалогічного принципу взаємності, рівноправ'я націй і культур та колективної відповідальності за спільне буття”. [7, С. 367]

Для того чтобы быть действенной, Всеобщая Идеология глобализующегося мира с необходимостью должна включать Образ Человека, «Я - концепцию», квинтэссенцию систем образных представлений всех этнонациональных общностей планеты. Образ желаемого социального будущего опосредованно формируется в локальных социальных общностях на основе идентичных (схожих, подобных, аналогичных) для их членов образов совершенного (нормального, приемлемого, хорошего) человека: “...собственные этические представления о должном” ядром, которых выступает образ самого себя. [6, С. 460]

Ориентация субъектов современного мирового социально-политического процесса на Глобальные Социально-Этические Нормы упорядочила бы их взаимодействие. Представляется, что именно такой гуманный путь развития человечества мог бы стать реальной альтернативой различного рода бесчеловечным «новым мировым порядкам», включая пресловутую теорию «золотого миллиарда». Одним из наиболее значительных достижений ООН явилась разработка основ международного права - конвенций, договоров, деклараций, играющих определенную роль в обеспечении экономического и социального развития, международного мира и безопасности. Особое место отведено в этом плане соблюдению прав человека.

О праве на гуманное развитие с особой силой было заявлено в Венской декларации и Программе действий, принятой на Всемирной конференции по правам человека в 1993 г.: “Как средоточие глобальной совести ООН предпринимает шаги к созданию базовых стандартов приемлемого поведения для наций...” [8, С. 398] Причина не выполнения функций и задач ООН - права и основные свободы Человека определены раньше, чем его ценностно-нормативное ядро - образ Я. Эволюционно складывающийся цивилизационный процесс не детерминируется общезначимой для всего человечества целью. Динамика мировой социальной системы является интегральной результирующей культурных экстраполяций исторически устойчивых ментально-мировоззренческих тенденций.

Э. Роттердамский в свое время писал: “Только людей, а именно они больше всего нуждаются в единомыслии, не в силах примирить ни добрая и могучая природа, ни воспитание, ни явная польза от взаимного согласия, ни самые тяжкие испытания, ни самый горький опыт не могут объединить их и внушить им взаимную любовь” [11, С. 56]. Ценностно-нормативный хаос, царящий в межобщностном взаимодействии, неминуемо приводит, приводит, и еще долго будет приводить к дезинтеграционным процессам в мировой социальной системе. Уже в течение нескольких десятилетий под эгидой ЮНЕСКО осуществляются поиски так называемых общеевропейских ценностей (European Values) и общемировых ценностей (World Values) к детальному анализу которых мы обратимся в следующих работах. [12]

Выводы

Конструктивным элементом общечеловеческой гуманистической технологии, ведущей к устранению страха, вражды, недоверия может стать создание коллективным разумом мирового сообщества Всеобщего Идентификатора Человека - гуманистического инварианта человеческих сущностных сил. Представляется актуальным выявить и определить системы образных представлений о Нормальном-Совершенном Человеке, опираясь на инвариантные характеристики социотипов Женщины и Мужчины социологически значимых этнонациональных общностей планеты.

Реальным выходом из сложившегося цивилизационного тупика может стать внесение в Глобальный Менталитет социально-этического образа нормального-совершенного человека планеты Земля. Первым шагом доброй воли всего мирового сообщества на пути смены направления цивилизационного процесса может стать решение о поиске и обретении Всеобщего Гуманистического Идентификатора Человека. [9]

Литература:

1. Джонстон В.Б. Экзистенциальная феноменология и социология Питирима Сорокина / В.Б. Джонстон // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. 2. Вып. 2. – С. 45–54. – *Библиограф.*: с. 54.
2. Абельс. Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование / Х. Абельс // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 85–92. – *Библиограф.*: с. 92–93.
3. Bennett, M., Barrett P., Karakozov R., Kipiani G., Lions E., Pavlenko V., Riazanova T. «Yong Children's Evaluations of the In group and Out groups. A Multi – National Study» // Social development. – 2004 – N 1. Vol. 13. – Pp. 124–141.
4. Гессе Г. Игра в бисер [роман] / Герман Гессе ; [пер. с нем. С. Ант]. – Москва : Правда, 1992. – 496, [1] с.: (Individual). – ISBN 5-253-00194-8.
5. Фрейд З. Будущее одной иллюзии / Фрейд З. ; Сумерки богов. - М.: Изд.-во полит. лит., 1990. – 398 с. – С. 96–239 *Библиограф.*: с. 237–238. (24 наименования). – ISBN 5250003782.
6. Фромм Э. Психоанализ и религия / Фромм Э ; Сумерки богов. М.: Изд.-во полит. лит., 1990. – 398 с. – С. 271–360. *Библиограф.*: с. 358–360. (26 наименований). – ISBN 5250003782.
7. Єрмоленко А.М. Комунікативна практична філософія / Єрмоленко А.М ; [пер. з нім. зроблено автором]. – Київ : Міл.-во освіти України : Лібра, 1999. – 488 с. Підручник. – *Бібліогр. в підрядк. прим.* – ISBN 9667035-24-7.
8. Основные факты об Организации Объединенных Наций / [авт. текста Ф. Фабрициус]. – М. : Издательство “Весь Мир”, 2008. – 456 с. – Серия «Право». – ISBN 5-7777-0331-3.
9. Закревський В. Е. Аретип досконалої людини як феномен суспільної свідомості : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філософ. наук: спец. 09.00.03 «Соціальна філософія і філософія історії» /Закревський В. Е.

Південноукраїнський держ. пед. ун-т ім. Костянтина Ушинського. – Одеса, 2002. – 19, [1] с., включ. обкл.: – *Бібліогр.*: с. 15.

10. Ницше Ф. Утренняя заря Мысли о моральных предрассудках / Ницше Ф.; [пер. с нем. И.И. Савинков]. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 384 с. – ISBN 978-5-91181-940-8.

11. Роттердамский Эразм. Похвала Глупости / Роттердамский Эразм – Москва : Издательство Сердце, Литера Нова, 2008. – 415, [1] с. – ISBN 978-966-8324-04-9.

12. European Values at the Turn of the Millennium [Wil Arts, Loek Halman / Editors /p. cm.] – Leiden Netherlands Brill Publisher, 2004. – Europeans Values Studies / SSN-1568-5926; v.7. – Includes Bibliographical References and Index/pb.: al./paper/. – Arts & Loek Halman. European Social Surveys /ESS / – References pp. 92–94. – ISBN 90-04-1398-8.

УДК 159.9.316.6

CULTURAL DISTANCE AND CULTURAL FIT AS A PREDICTORS OF CULTURAL ADAPTATION

Katharina Kaune
Hochschule Harz Friedrichstraße 57-59
Wernigerode
kkaune@hs-harz.de

Abstract: The present article provides a short overview of research on cultural differences as a predictor of cultural adaptation. Empirical and theoretical findings on the concepts of cultural distance and cultural fit suggest that cultural differences, on both the societal and the individual level, affect adjustment outcomes. Based upon a brief review on the topic of cultural adaptation, the article reflects the two constructs referring to past research in this field.

1. Introduction

Given the increase of individuals studying, working and living in a foreign country intercultural effectiveness has become more important than ever before. Especially in the context of international assignments, managers and experts acting appropriately and effectively in an intercultural environment are key factors for corporate success. As employees abroad, so called expatriates, often hold strategic positions within the company and represent a significant cost factor, it is essential to avoid decreases in performance, personal dissatisfaction and early returns. Failures of expatriates often have been attributed to cultural issues. (Stahl, 1998; Deller, 2004)

Against this background, in the past decades, there has been an increase in research on indicators of job performance and adjustment in foreign cultures; with focus on the latter (Hammer, Gudykunst & Wiseman, 1978; Ward, Bochner & Furnham, 2001; Stahl, 1998; Oguri & Gudykunst, 2002; Stahl & Caligiuri, 2005; Burke, Watkins & Guzman, 2009). The purpose of this article is to review the importance of cultural differences as one indicator of psychological and socio-cultural adjustment in a foreign culture.

2. Cultural Adaptation

Early theoretical approaches regarding intercultural contact view cultural adaptation as a one-dimensional construct and focus solely on psycho-emotional variables as its predictors (Lysgaard, 1955; Oberg, 1960; Gullahorn & Gullahorn, 1963). Due to the limited explanatory power and lack of empirical proof of these early models, their theoretical and practical value as predictors of intercultural success is rather low (Stahl, 1998). Nowadays, there is consensus that cultural adaptation is a very complex, multi-dimensional process “in which a person becomes capable of functioning effectively in a culture other than the one he or she was originally socialized in” (Haslberger, 2005 p. 86). Cultural adaptation is influenced by a variety of personal and situational variables. These set the parameters within which an individual finds a specific, personalized way of adaptation. It can be distinguished between variables on the societal level (macro perspective) and on the individual level (micro perspective). Furthermore, cultural adaptation comprises affective, behavioral and cognitive responses to these predictors and involves multifaceted social and psychological processes (Ward, Bochner and Furnham, 2001; Stahl, 1998). Searle and Ward (1990) as well as Ward & Kennedy (1993) differentiate between the following two theoretical dimensions of cultural adaptation:

1) Psychological adjustment reflects theories on stress and coping. A new cultural environment is considered a stress-provoking life change that taxes adjustive resources and requires coping responses. Cultural adaptation is interpreted the same way as other stressing experiences. In order to adapt successfully to a new culture, individuals have to draw on personal and interpersonal resources as well as engage coping mechanisms. Psychological adjustment focuses on the emotional satisfaction, mood or well-being of the individual.

2) Socio-cultural adjustment, on the other hand, is based on the cultural learning theory. In a foreign cultural environment individuals lack the social and behavioral skills of the new society which creates barriers to effective communication. Adaptation takes place by the acquisition of the necessary culture-specific skills, the ability to negotiate in the host culture or general intercultural competence.

According to Ward and colleagues (1990, 1993), both psychological well-being and effective relationships with members from the host culture, are essential in cross-cultural transitions (Ward, Bochner & Furnham, 2001).

Black, Mendenhall and Oddou (1991) establish different, also very prominent, dimensions of adjustment: Interaction adjustment (variables on interaction with host country nationals), work adjustment (job related variables), and general adjustment (non-work variables). Selmer (2004) interprets these three dimensions as sub-dimensions of the higher level construct socio-cultural adjustment. Hence, both concepts can be considered related and, therefore, do not conflict with each other.

3. Cultural Distance as Predictor of Cultural Adaptation

One situational variable on the individual level that affects the process of cultural adaptation is the construct of cultural distance. In the past 50 years, several conceptualizations of cultural distance have been introduced. The most prominent one goes back to the Dutch organizational sociologist, Geert Hofstede, who, in his research, distinguished four dimensions of national culture: power distance, individualism, masculinity and uncertainty avoidance. Later, in cooperation with Chinese colleagues, he added a fifth dimension, called long term orientation. In the course of his study of IBM employees in over 50 countries he published scores on each of the first four dimensions for most of the countries covered in his study. These form the basis for a comparison of cultures (Hofstede, 1984; Hofstede & Bond, 1988).

It is a robust finding in research on cross-cultural transitions that cultural differences between home and host culture are relevant factors in adaptation outcomes. The more different the host culture appears from the sojourner's home culture the more difficult the process of adaptation will be. Cultural similarity, on the other hand, increases adjustment and coping strategies (Church, 1982; Dunbar, 1994; Redmont, 2000; Ward & Kennedy, 1993; Waxin, 2004; Galkenko & Vijver, 2007).

Greater cultural distance is accompanied by an increase in differing values, attitudes, habits and skills between two countries. It is, thus, associated with a more significant intensity of life changes and results in acculturative stress for the individual. Also, greater cross-cultural differences in how people communicate and differences in respective codes of conduct make effective interaction more difficult (Ward, Bochner & Furnham, 2001).

It has to be noted that, despite this intuitively logical argumentation, there are restrictions to the perception of cultural distance as indicator of cultural adaptation. Recent empirical studies show that cultural similarity can be as difficult to adjust to as cultural dissimilarity (Selmer & Shiu, 1999; Selmer, 2007; Selmer & Luring, 2009). Common cultural heritage can intensify adjustment difficulties. Expatriates that are sent to a significantly different culture are aware of the existing cultural differences, expect difficulties and include them in their coping responses. Entering a very similar country, on the other hand, expatriates are less sensitive to, or even ignore, the minor cultural differences that do exist. Ensuing problems and difficulties that occur may be encountered to be deficiencies in themselves or host country nationals. Individuals from similar, almost identical countries also may be treated with less patience by host culture nationals. Additionally, it might be that in very

different cultures, enclaves of expatriates emerge that make adjustment easier for the individual (Ward, Bochner & Furnham, 2001; Selmer & Luring, 2009).

4. Cultural Fit as Predictor of Cultural Adaptation

Managers that face the challenge of selecting the right employees for an international assignment, most of the time, have no influence on the cultural distance between the home country and the host country to which the expatriate is assigned to. Under the given cultural conditions they must select individuals which have appropriate skills and personality characteristics to easily adapt to a specific foreign culture and prove high performance abroad. Thus, in the context of international assignments, not the societal, but rather the individual level cultural differences are relevant.

Hofstede and McCrae (2004, p. 57) emphasize that “personality traits and culture interact to shape the behavior of individuals and social groups”. Cultures show a mix of personality characteristics but develop differences in the mean level of personality traits which might advance differing cultural practices. This proposition has been replicated in their own empirical research. Hofstede and McCrae (2004) found that all personality factors of the Five-Factor Model (Costa & McCrae, 1992) were significantly associated with at least one of Hofstede’s four cultural dimensions power distance, individualism, masculinity and uncertainty avoidance.

As congruency between two cultures (with restrictions) increases cultural adjustment and coping resources, one may conclude that a personality profile that is respectively similar to the cultural profile of the host culture also advances cultural adaptation, more specifically the psychological well-being of the individual in the host culture (Deller, 1999, p. 74). The notion that the “cultural fit” between the individual and host culture norms can predict cultural adaptation is, thus, strongly related to research on the construct of cultural distance. The cultural fit proposition supports the significance of the person-situation interaction as well as the importance of cultural context for the adaptation process (Ward & Chang, 1997).

Such a culture-specific approach in the research on personality characteristics as indicators of cultural adaptation is supported by difficulties in predicting the influence of personality characteristics on adaptation outcomes on a general level. Some studies identified specific personality characteristics that facilitate cultural adaptation and, hence, promote intercultural success (Ward & Kennedy, 1993; 1990; Deller, 1999; Vetter, 2006). These findings, however, could not always be replicated in different cultural settings.

According to Ward & Chang (1997, p. 526) this may be due to the fact that “in many cases researchers have implicitly assumed uniformity in the predictive power of personality, without explicit regard for the cultural origins and destinations of sojourners. The interaction of these conditions may significantly affect the relationship between personality and adjective outcomes.”

Ward and Chang (1997) have reviewed their reflections on the influence of “cultural fit” on sojourner adjustment in their own empirical research. In a sample of

139 Americans resident in Singapore they found that discrepancies in extraversion between sojourners and host culture norms were associated with increased psychological distress. The larger the discrepancies the more symptoms of depression were experienced.

5. Conclusion

Empirical and theoretical research on the topic of cultural distance and cultural fit suggests that cultural differences on both the individual and the societal level affect adaptation in a foreign cultural context to some extent. However, especially research on the construct of cultural fit is still very scarce. The study of Ward & Chang (1997) is limited to the personality characteristic of extraversion and to Americans in Singapore. Moreover, it has to be mentioned that a study on cultural fit by Ward, Leong & Low (2004) found no empirical support for the construct. The topic of culture-specific approaches on cultural adaptation and intercultural success merits further attention in future research. Ward and Chang (2004, p. 531) state that “the cultural fit proposition has the potential to play an important role in the development of personnel selection techniques and intercultural training programs. As evidence suggests, understanding not only the host culture, but also sojourner’s relationship to it, are important factors in predicting and facilitating adaptive success.”

References

1. Black, S.J., Mendenhall, M.E., & Oddou, G. (1991). Toward a comprehensive model of international adjustment: An integration of multiple theoretical perspectives. *Academy of Management Review*, 16, 291-317.
2. Burke, M. J., Watkins, M. B. & Guzman, E. (2009). Performing in a multicultural context: The role of personality. *International Journal of Intercultural Relations*, 33, 475-485.
3. Church, A. T. (1982). Sojourner adjustment, *Psychological Bulletin*, 91, 540-572.
4. Costa P. T., Jr. & Mc Crae, R. R. (1992). Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI) professional manual. Odessa / Florida: Psychological Assessment Resources.
5. Deller, J. (1999). Interkulturelle Eignungsdiagnostik. Zur Verwendbarkeit von Persönlichkeitsskalen. Heidrun Popp. Waldsteinberg.
6. Deller, J. (2004). Personaleinsatz international – eine wirtschaftspsychologische Perspektive. *Wirtschaftspsychologie*, 4 / 200., 12-20.
7. Galchenko I. & Van de Vijver, F. J. R. (2007): The role of perceived cultural distance in the acculturation of exchange students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations*, 31, 2007.
8. Gullahorn, J. T. & Gullahorn, J. E. (1963). An Extension of the U-Curve Hypothesis. *Journal of Social Issues*, 19, 33-47.

9. Hammer, M. R.; Gudykunst, W. B. & Wiseman, R. L. (1978). Dimensions of intercultural effectiveness. *International Journal of Intercultural Relations*, 2, 382-393.
10. Haslberger, A. (2005). Facets and dimensions of cross-cultural adaptation: refining the tools. *Personnel Review*, 34, 85-109.
11. Hofstede, G. (1984). *Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values*, Sage Publications, Newbury Park, California.
12. Hofstede, G. & Bond, M.H. (1988). The Confucius connection: from cultural roots to economic Growth. *Organizational Dynamics*, 16, 4-21.
13. Hofstede, G. & McCrae, R. P. (2004). *Personality and Culture Revisited. Linking Traits and Dimensions of Culture*. *Cross-Cultural Research*, 38, 52-85.
14. Lysgaard, S. (1955). Adjustment in a Foreign Country. *Norwegian Fullbright Grantees Visiting the United States. International Social Science Bulletin*, 7, 45-51.
15. Oberg, K. (1960). Cultural Shock. Adjustment to New Cultural Environments. *Practical Anthropologist*, 7, 177-182.
16. Oguri, M & Gudykunst, W. B. (2002). The influence of self-construals and communication styles on sojourners' psychological and socio-cultural adjustment. *International Journal of Intercultural Relations*, 26, 577-593.
17. Redmont, M. V. (2000). Cultural distance as a mediating factor between stress and intercultural communication competence. *International Journal of Intercultural Relations*, 24, 151-159.
18. Selmer, J. (2004). Psychological barriers to adjustment of Western business expatriates in China: newcomers vs. long stayers. *International Journal of Human Resource Management*, 15, 794-813.
19. Selmer, J. & Shiu L. S. C. (1999). Coming home? Adjustment of Hong Kong Chinese expatriate business managers assigned to the People's Republic of China. *International Journal of Intercultural Relations*, 23, 447-463.
20. Selmer, J. & Luring, J. (2009). Cultural similarity and adjustment of expatriate academics. *International Journal of Intercultural Relations*, 33, 429-436.
21. Stahl, G. K. (1998). *Internationaler Einsatz von Führungskräften*. Oldenbourg. München / Wien.
22. Stahl, G.K. & Caligiuri, P. (2005). The effectiveness of expatriate coping strategies: the moderating role of cultural distance, position level and time on international assignment. *Journal of Applied Psychology*, 90, 603-615.
23. Vetter, I. (2006). 'Like a Fish out of Water'. The Big Five and Context Related Variables as Predictors of Expatriate Adjustment. Unpublished Diploma Thesis. Leuphana University Lüneburg.
24. Ward, C & Kennedy, A. (1993). Where's the culture in cross-cultural transition? Comparative studies of sojourner adjustment. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 24, 221-249.

25. Ward, C., Bochner, S. & Furnham, A. (2001). *The Psychology of Culture Shock*. Routledge. East Sussex / New York.
26. Ward C., Leong C. H. & Low, M. (2004). Personality and Sojourner Adjustment. An Exploration of the Big Five and the Cultural Fit Proposition. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 35, 137-151.
27. Waxin, M. F. (2004). Expatriates' Interaction Adjustment: The direct and moderator effects of culture of origin. *International Journal of Intercultural Relations*, 28, 61-79.

УДК 159.9.316.6

ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СУБКУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ КЛУБНЫХ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ)

Кременчуцкая М.К., кандидат психологических наук,
Доцент кафедры клинической психологии,
Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова, Одесса, Украина
Акопян А.Б., аспирант кафедры клинической психологии
Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова, Одесса, Украина

В данной обзорной работе представлены исследования феномена «тусовки» как основы субкультуры клубных развлекательных заведений. Описана классификация и структура неформальных объединений данного типа. Описано распределение статусов и ролей в объединениях людей на основе клубных развлекательных заведений. Представлены результаты предварительного интервью с типичными представителями данной субкультуры, которые позволяют определить наиболее актуальные направления дальнейшей работы.

DYNAMICS OF VALUES OF REPRESENTATIVES SUBCULTURE (FOR EXAMPLE CLUB ENTERTAINING)

Kremenchutskaia M.K., PhD in Psycholog
Odessa National I.Mechnikov University, Ukraine.
Akopyan A.B., Post-graduate student
Odessa National I. Mechnikov University, Ukraine.

Abstract: *This review paper presents the study of the phenomenon of "hangouts" as the basis subculture club entertainment. It's describe the classification and structure of informal associations of this type. It's describe the distribution of statuses and roles in associations of people*

on the basis of club entertainment. The results of preliminary interviews with a representative sample of this subculture, which allow to determine the most pressing areas for further work.

Key-word: club subculture, hangouts, informal association.

Оценивая глобальную психологическую проблему человечества нескольких последних исторических эпох и наблюдая современные тенденции, можно определить, что 21-й век – будет «веком алексии». Бесчувственность современного человека определяется его чрезмерной включенностью в социальные процессы, он все больше живет не так, как ему хочется, прислушиваясь к зову сердца, а четко следует инструкциям социума, вынужденный постоянно постигать все новые и новые социальные роли. Мы живем в «развитых» городах и платим за это своим стрессовым психологическим состоянием. Сегодня все чаще индивида рассматривают лишь как маленький винтик большого механизма под названием общество. Исходя из того, что клубная субкультура является хорошим зеркальным отражением многих аспектов современной жизни, есть интерес к его подробному изучению [1].

Исходя из заявленной проблематики, нами был исследован феномен «тусовки» как основы клубной субкультуры. С научной точки зрения «тусовку» можно представить как определенную разновидность референтной группы. Она определяется наличием бесструктурно-организованной группы людей, находящихся в неформальных отношениях в состоянии развлечения от 70% до 100% времени.

«Тусовка» – это любое скопление людей по интересам, которые имеют своей внешней целью развлечение, а внутренняя у каждого индивидуальна – любые неофициальные собрания коллективов, клубы по интересам, места культурных развлечений. Внутренняя индивидуальная цель, обычно, отвечает либо за самоутверждение в разной форме, либо совпадает с внешней целью (истинное развлечение). Правила поведения в «тусовке» определяются коллективным бессознательным данного скопления людей, поэтому в каждом отдельном случае имеют свои особенности. Мастера шоу-бизнеса очень искусно пользуются принципами «тусовки», и знают, как ее сформировать [4].

Чтобы понять суть явления, необходимо отметить, что человек – существо социальное, а это предполагает объединение в группы. Достаточно рассмотреть пирамиду потребностей по Маслоу, чтобы увидеть, какое место занимает значение принадлежности к группе у индивида [6].

Обратимся к так называемой «теории поглаживания», суть которой сводится к тому, что люди испытывают такой же «голод» от недостатка в социальных контактах – «сенсорный голод», как и голод по отношению к еде. Считается, что у каждого индивида есть своя норма «поглаживаний» - социальных контактов, за определенный промежуток времени, не получая который, человек испытывает фрустрацию [5]. А, не имея, элементарных социальных контактов – наступает настоящий «психический голод»,

приводящий к серьезным психическим проблемам. Согласно математической модели, можно считать в баллах, кто и сколько получает «поглаживаний» за определенный промежуток времени. Конечная сумма их будет зависеть от значимости отдельных людей для вас и полученного от них внимания [2].

Такая неформальная группа как «тусовка» дает огромную «пищу» для «поглаживаний». Люди, вынуждены посещать тусовки, чтобы насытить свой «социальный голод». Возникает «тусовочная зависимость» – психологическое явление (как и любая другая форма зависимости), характерное для отдельных индивидов, когда посещение мест развлечений превращается в гипертрофированную потребность [8].

Классификация «тусовок».

Первый фактор – это мерило всех мерил в нашем современном обществе – «социальный статус». Он показывает степень формального влияния индивида в обществе, финансовые возможности и прочее. *Второй фактор* – так называемая, «степень прогрессивности». Он показывает, насколько отдельный индивид интегрирован в клубную субкультуру, другими словами – его «продвинутость», неформальное влияние в тусовке.

Схематически совокупное влияние данных факторов легче всего изобразить воспользовавшись «Решетками Келли» (рис.1.):

Рис. 1. Уровни интегрированности в клубную субкультуру

По горизонтали – «продвинутость». *Progressive (100%)* – наиболее продвинутый формат, естественно всегда для суженного круга людей. *Popular (0%)* – так называемый, народный формат. Для широкой целевой аудитории.

По вертикали – мы выделяем социальный класс. *Underground (0%)* – наиболее бедная публика. *Cool (100%)* – общественная элита – наиболее обеспеченная в материальном плане публика. Опять же – это два крайних полюса, можно выделить бесчисленное количество средних характеристик. Таким образом, пересечение данных классификаций дает 4 класса «тусовки»:

Underground-Progressive – наиболее бедная публика, которая пытается утвердиться за счет своей «продвинутости» в клубном формате. В основном, асоциальные личности и прочие неформалы, которые не имеют достаточно средств, чтобы чувствовать себя комфортно в среднем классе.

Underground-Popular – народное гуляние. Не богатая публика, которая охватывает широкие слои населения. В основном не городские жители, далекие от модных тенденций и других «светских штук».

Cool-Progressive – так называемая золотая молодежь. Богатая привилегированная публика, которая имеет жесткий отбор в свои круги, обычно малочисленна, привередлива, вкусы могут поменяться несколько раз за сезон. Этот класс является законодателем моды, главным судьей «звездности».

Cool-Popular – средний класс. Многочисленная публика, имеющая средства в достаточном количестве, но участвует в светской жизни посредственно, в основном для развлечения. Данная «тусовка» имеет наиболее широкое распространение в светских кругах.

По закону нормального распределения, который полностью применим к социальным явлениям, крайние значения наблюдаются редко - мы будем наблюдать лишь тенденцию к ним.

Статусы и роли. Характерной особенностью городов, в особенности мегаполисов, является наличие так называемого «принципа социального доказательства». Люди естественным и искусственным образом выработали определенные правила взаимоотношений в обществе. Так как нет возможности быть знакомым с каждым лично, люди относятся друг к другу не по личностным характеристикам, а по статусу и полномочиям, т.е. заранее условленным правилам [3]. Таким образом, у каждого человека есть две, так называемые, роли в жизни:

1-я – социальный статус – то, что ему присвоено обществом (место в жизни по «кластеру»). Его достижения, занимаемая должность, профессия, звания, и другие социальные роли.

2-я – реальный статус – то, что присвоила ему сама жизнь вопреки каким-либо искусственным договоренностям. То, как к человеку относятся другие люди, знающие его непосредственно сами, то есть «в натуре» (а не по средствам «социального доказательства»).

Тем не менее, один и тот же человек на разных уровнях, в зависимости от внешних факторов и внутреннего состояния, может относиться к той или иной категории. Хотя, как показывает опыт, портрет отдельно взятого индивида в «тусовке», относительно постоянен.

Структура «тусовки». Любая стихийно образованная «тусовка» имеет в своей структуре следующее распределение по ролям. По принципу Парето 80/20, 80% всей прибыли приносят 20% посетителей (одно из толкований принципа) – это как раз и есть часть публики, которая по статусу выше и которая чувствует себя элитой (иногда побаиваясь, как бы не потерять свой статус).

Слава и популярность – определяет «звездность» – явление в шоу-бизнесе, которое ставит индивида в центр внимания. По теории поглаживания, такой индивид получает больший, по сравнению с другими, объем социальных связей. Уровень звездности, естественно зависит от личных качеств человека, его возможностей, связей, не исключение составляет и социальный статус.

Любая, естественным образом сформировавшаяся тусовка имеет 3 прослойки:

1. *Костяк* – это звезды тусовки. Их численность около 20%.

2. *Свои* – это индивиды, который проявили себя в тусовке, заняли определенный высокий реальный статус, получили неформальное признание от референтной группы. Их численность около 50%.

3. *Залетные* – те, кто реально пришли развлекаться. Скорее всего, они выбрали это место, просто наугад или спонтанно понравившееся. Около 30% публики.

Для подтверждения наших теоретических выкладок, мы провели анкетирование для выявления общих предпочтений исследуемого контингента в области клубной субкультуры.

Нами было протестировано 105 человек, из которых 68 – девушек и 37 – мужчин в возрасте от 17 до 28 лет. Опросник был построен таким образом, чтоб отвечая на вопросы можно было получить минимум 44, максимум 94 бала. Балы указывали на степень интеграции индивида в клубную субкультуру, чем выше бал – тем выше интеграция. Кривая распределения выборки была близка к гауссовой кривой (нормальному распределению) – что является одним из свидетельств репрезентативности нашей выборки [7].

Первичный анализ данных представлен описанием общих предпочтений исследуемого контингента в области клубной субкультуры.

Первое на что стоит обратить внимание, то, что 65% опрошенных предпочитают большие шумные тусовки в виде дискотек, клубов, вместо малых компаний в барах, ресторанах. Столько же, один раз в неделю и чаще посещают культурные мероприятия и в случае выбора предпочтут яркую вечеринку городского масштаба вместо пикника в диком уголке природы. Такая же часть, находясь на дискотеке, предпочитает делать заказы за барной стойкой и свободно перемещаться по клубу, вместо того, чтобы сидеть за столиками.

70% респондентов, попав не в свою тусовку, попытаются адаптироваться к ней и лишь 30% – постараются больше не попадать в нее.

80% – предпочитают модную прогрессивную музыку и только 20% – легкую поп-музыку.

90% – начав праздновать день рождения близкого человека в узком кругу друзей, предпочтут продолжить развлечения на дискотеке.

65% – посещают клубные мероприятия для развлечений, а не для новых знакомств. Хотя 70% испытуемых сообщили, что любят знакомиться с представителями противоположного пола на дискотеках, они признаются, что успешность таких знакомств не является весьма высокой.

65% опрашиваемых предпочитают общие клубные мероприятия вместо корпоративных, стараются использовать свои связи, чтоб не платить за вход в клуб, спокойно могут отправиться на вечеринку сами, без компании, зная что там будет много знакомых, и всячески избегают толпы в дни массовых городских гуляний, не желая попадать в гущу событий.

Так, например, если мероприятие подходит к своему логическому завершению, лишь около 30 % будет искать продолжения развлечений, в то время как 70% со спокойной душой отправятся домой спать.

Также было исследовано отношение людей к свободным сексуальным отношениям:

20 % сообщили, что предпочитают свободные сексуальные отношения и ведут соответствующий образ жизни;

11% признались, что хотели бы иметь свободные сексуальные отношения, но не всегда получается соответствовать такому образу жизни;

60% не признают свободные сексуальные отношения, но относятся к ним с пониманием;

9% не признают и не принимают такого образа жизни.

Другим показательным фактом является отношение людей к принятию алкоголя и других возбуждающих средств перед тем как пойти в ночной клуб.

Так лишь 33 % опрошенных ответило на этот вопрос положительно, в то время, как остальные спокойно могут обойтись без данной процедуры. Здесь прослеживается связь с необходимостью наличия измененного состояния сознания (под алкоголем или наркотическим воздействием), чтобы чувствовать себя комфортно на дискотеке. Лишь 33 % ответило утвердительно на этот вопрос. Такая статистика успешно развеивает миф о том, что ночные клубы являются рассадником наркомании и других асоциальных явлений. Скорее всего, цели людей, интегрированных в клубную субкультуру не такие уж пагубные, хотя в большинстве случаев диктуются аддитивным поведением.

75% – признались, что сами платят за свои развлечения, в то время как лишь 25% предпочитает развлекаться за чужой счет (друзей, знакомых, спонсоров). Ответ на другой вопрос – «о распределении своих расходов», верифицирует положительно данную информацию.

Хотя представленная выше картина, при психологическом анализе может показаться несколько противоречивой, в целом она хорошо согласуется с представленными выше описательными характеристиками клубной субкультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 376 с.
2. Аронсон Э. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. – М.: Прайм-Еврознак, 2002. – 558 с.
3. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях: Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1980. – 390 с.
4. Лобков Д. Как заработать в шоу-бизнесе. – Москва, 2007. – 220 с.
5. Маклаков А. Г. Общая психология. – Питер, 2006. – 560 с.
6. Маслоу А. Мотивация и личность – Спб, 1999. – 390 с.
7. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. – Питер, 2006. – 235 с.
8. Херсонский Б. Ф. Глубинная психология. – Одесса, 1998 г. – 210 с.

УДК 159.955

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Кременчуцкая М.К., кандидат психологических наук,

Доцент кафедры клинической психологии,

Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова, Одесса, Украина

Шеренговой И. А., соискатель кафедры клинической психологии,

Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова, Одесса, Украина

Показано, что современное общество является постиндустриальным или «информационным», в котором основным инструментом интеллектуальных операций становится персональный компьютер с интеллектуальным интерфейсом. Указано, что компьютерная репрезентация информации, выступая в качестве среды для интеллектуальных операций, создает условия, формы и законы, детерминирующие, в определенной мере, особенности мыслительных процессов пользователей компьютеров. Оценка последствий такого влияния зависит от его вклада в развитие мышления в направлении приобретения им черт продуктивного творческого процесса.

Ключевые слова: Информационное общество, компьютер, интеллектуальный интерфейс, творческий процесс.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF FORMATION OF THE INFORMATION SOCIETY

Kremenchutskaia M.K., PhD in Psychology,

Odessa National I. Mechnikov University, Ukraine.

Sherengovoy I.A., Post-graduate student

Odessa National I. Mechnikov University, Ukraine.

Abstract: *There are shown that modern society is a postindustrial, or "information", in which the main instrument of intellectual operations is a personal computer with a smart interface. It is indicated that the computer representation of information, acting as a medium for intelligent operations, creates the conditions, forms and laws which determine, to some extent, especially mental processes of computer users. Assessing the consequences of this effect depends on its contribution to development thinking in the direction of its acquisition of traits of the creative process.*

Key-word: *Information society, personal computer, smart interface, creative process.*

Познавательную деятельность и познавательные процессы невозможно рассматривать в отрыве от общей концепции личности и ее деятельности [4], а, стало быть, от социально-психологических процессов, которые являются одновременно и причиной, и следствием наблюдаемых явлений.

Усложнение индустриального производства, социальной, экономической и политической жизни, изменение динамики процессов во всех сферах деятельности человека привели, с одной стороны к росту потребности в

знаниях, с другой стороны, к созданию новых средств и способов удовлетворения этих потребностей. Сам факт интенсивной компьютеризации жизни говорит о том, что сформировалась вполне определенная общественная потребность в таком типе хранения и переработки информации. Недаром ряд исследователей [3,7] говорит о том, что социум перешел к принципиально новой, постиндустриальной общественной формации.

Бурное развитие компьютерной техники и информационных технологий послужило толчком к развитию общества, построенного на использовании различной информации и получившего название информационного общества, которое ставит индивида в новые условия познания и коммуникации, а значит (что особенно важно в свете нашего исследования) – активно влияющего на характер его когнитивной деятельности.

В этой связи теоретический и практический интерес представляет рассмотрение тех аспектов "информационного" общества, которые связаны с его воздействием на интеллектуальную активность личности.

Основоположник кибернетики Н. Винер определял информацию как обозначение содержания, полученного из внешнего мира, в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств.

Сформированная в его работах кибернетическая концепция подводит к необходимости оценивать информацию как некоторое знание, имеющее одну ценностную меру по отношению к внешнему миру (семантический аспект) и другую – по отношению к получателю, накопленному им знанию, познавательным целям и задачам (прагматический аспект).

Именно прагматический аспект понимания информации все больше характеризует отношение личности к знаниям в "информационном обществе", которое отражается на ее мыслительных процессах [5].

Одним из ярких представителей прагматических теорий информации является поведенческая модель коммуникации, представленная в бихевиористской модели Акоффа-Майлса [5]. Исходным в этой модели является целевая устремленность получателя информации на решение конкретной проблемы. Получатель находится в "целеустремленном состоянии", если он стремится к чему-нибудь и имеет альтернативные пути неодинаковой эффективности для достижения цели. Сообщение, переданное получателю, информативно, если оно изменяет его "целеустремленное состояние".

К числу прагматических теорий информации принадлежит та, которая презентована в работах американского логика Д. Харраха, построившего логико-прагматическую модель коммуникации. По мысли автора, именно прагматическая установка по отношению к мышлению и знанию, понимаемому как его продукт, делает особенно важным методы формализации знаний. Методы и приемы формализации, прагматически ориентированные, и привели к той компьютерной форме репрезентации информации, которая определяет характер мышления пользователя.

При поиске наиболее удобных, рациональных средств и форм информационного обмена человек чаще всего сталкивается с проблемой компактного и однозначного представления знаний.

Как известно, самым естественным, подходящим для человека способом презентации знаний являлся и является язык. До масштабного распространения компьютерных технологий идеальной формой репрезентации информации были устная и письменная речь.

Есть основание утверждать, что до вторжения компьютерных технологий мысль, которую нельзя выразить в языковой конструкции, не могла быть включена в информационный обмен. Общение людей, таким образом, осуществлялось только с помощью вербально-логического языка как формы представления знаний.

Ряд ученых отмечает [3, 7], что проблема, с которой столкнулась личность в условиях интенсивной компьютеризации, заключается в недостаточной эффективности (в прагматическом смысле) вербально-логического языка как инструмента мышления.

Компьютерные формы репрезентации все больше включают в себя символично-образную составляющую в виде графики и иконографии. Мультимедийные средства последнего десятилетия позволяют внести в этот тип репрезентации динамический аспект, что также формирует мышление и модифицирует его [2, 3, 7].

Кроме того, в современных системах программного обеспечения широко применяют графические методы представления информации. Возникшие за счет этого новые элементы в технологии программирования называют визуальным программированием, а сами среды – визуальными.

Современное компьютерное пространство, репрезентирующее информацию, как считают многие исследователи [5], основано на следующих компонентах:

1. “Мягкие” вычисления, при которых могут быть и новые задачи, и случайное нахождение того, что нужно, в отличие от “жестких” вычислений работы по алгоритмам. Таким образом, речь идет об эволюционных алгоритмах, моделировании эволюционных процессов.

2. Когнитивная графика. Это не иллюстративная графика, а графика, порождающая новые решения (познавательная графика). Когнитивная графика является визуальным изображением информации.

3. Виртуальная реальность. Средства информационной технологии и, в частности, человеко-машинного интерфейса, позволяют создать “виртуальный мир” – искусственное трехмерное пространство.

Высшей точкой развития мыслительной культуры являлась индустриальная коммуникационная система. Однако ее развитие ученые связывают с возникновением обезличенной массовой коммуникации, оппозиционной информационно-документальной деятельности, а также с распространением мифа об информационном кризисе [6].

Таким образом, появилась необходимость более совершенных технических средств для снятия информационного кризиса.

Компьютерная фаза развития информационных технологий рассматривается как новый этап в развитии социальных коммуникаций, который назван учеными безбумажным. Бумага в данном случае необходима только для воспроизводства визуально оформленных документов. Роль систематизации, хранения, переработки информации, а также передачи ее на длительные расстояния взяла на себя техника. Определяя качественно новые возможности компьютерной страницы из компьютерной книги, Е. Ковалевская [6] отмечает, что, во-первых, в условиях информатизации и наличия глобальных информационных сетей компьютерная книга становится составной частью глобального полилога и интертекста; во-вторых, невиданная мобильность и изменчивость содержания и оформления компьютерной страницы подталкивают читателя-зрителя к диалогу с ней; в-третьих, принципиально по-иному начинает действовать ее потенциальная сверхъемкость, обеспечиваемая глобальной сетью баз данных, баз знаний и экспертных систем, к которым можно подключить каждую индивидуальную экранную книгу.

По мысли ученых [2, 7], компьютерная страница расширяет социокультурный диапазон. Речь идет о непредсказуемости в смысле перехода от жестко фиксированного текста, характерного для классической письменной культуры, к “мягкому” тексту на экране компьютера с его мгновенной готовностью к трансформации.

По мнению психологов и социологов, формируя информационную культуру, информационное общество, таким образом, воздействует на личность и выдвигает ряд новых требований к ее мышлению [6].

Информационная культура рассматривается не только как новый тип общения, дающий возможность свободного выхода личности в информационное бытие и обеспечивающий доступ к информации на всех уровнях от глобального до локального, поскольку внутринациональный, внутригосударственный тип информационного бытия несостоятелен, а в первую очередь как новый тип мышления, формирующийся в результате освобождения человека от рутинной информационно-интеллектуальной работы: среди черт, определяющих его, уже сегодня ярко проявляется ориентация последнего на саморазвитие и самообучение [3].

Концепция информационной культуры личности основана на трактовке человека как субъекта, который не только воспринимает и генерирует информацию, а и создает, продуцирует ее. В связи с этим информационная культура личности рассматривается и как инструмент адаптации человека к условиям внешней среды, и как способ гармонизации внутреннего мира.

Таким образом, в условиях информатизации общество и личность испытывают воздействие как психологическое, так и социальное.

Воздействие компьютеризации на личность противоречиво. В частности, уже довольно долго психологами обсуждается проблема индивидуализации, уменьшения межличностных коммуникаций на фоне возрастающего безличного информационного обмена.

На уровне социологии речь идет о проблеме так называемой «атомизации» общества [6]. Поскольку получение информации о происходящем в стране и в мире уже не требует прямого общения между людьми, человек может все больше и больше изолироваться от общества, подвергаться иллюзии независимости от него.

Проблема «атомизации» общества, уменьшения межличностных контактов в процессе обмена информацией с компьютером, который характеризуется как безличностный, вынуждает по новому поставить вопрос об условиях, способствующих приобретению мышлением черт продуктивного, творческого процесса.

Роль общения, как фактора становления высших психических функций, была раскрыта в работах Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и др. Общение рассматривается как средство приобщения личности к знаниям, выработанным человечеством, усвоения общественного опыта, условие развития познавательных процессов. Подчеркивается, что «существование другого человека должно стать не еще одним предметом, подлежащим отражению, наряду с другими предметами материального мира, а фундаментальным принципом исследования психической деятельности» [4, 226].

Поэтому одним из основных методологических принципов в психологии стало положение, согласно которому мышление индивида прямо или косвенно опосредовано мышлением других людей. В соответствии с этим принципом большинство исследований мышления в 80-90-е гг. было ориентировано на изучение субъект-субъектных отношений как наиболее значимых в теоретической модели мыслительного акта (А.В. Брушлинский, Б.Ф. Ломов, А.М. Матюшкин, Н.Н. Обозов, Я.А. Пономарев, О.К. Тихомиров и др.). Показано, что важным фактором повышения продуктивной мыслительной деятельности в условиях общения является информационное взаимодействие его участников, в ходе которого осуществляется обмен знаниями, рассмотрение и оценка различных точек зрения.

Согласно М.М. Бахтину, диалогические отношения, выражаясь в слове, становятся проявлением позиций разных субъектов [1]. Характерной особенностью диалога «человек-человек», в отличие от диалога «человек-компьютер» является то, что в нем сходятся две разных позиции, два понимания. Присутствие же иного понимания, иной позиции изменяет речевое высказывание, отражается в том, как оно строится, как произносится [1].

Исследования демонстрируют зависимость структуры и содержания вербализованного образа (а именно он играет существенную роль в диалогическом общении человека с человеком) от коммуникативных целей

субъекта. Это позволяет рассматривать информационное взаимодействие в диалоге «человек-человек» как целесообразную мыслительную деятельность, обладающую для его участников реальным смыслом.

По мысли А.Н. Леонтьева, смысл является по отношению к познавательным процессам тем, что делает их не только направленными, но и пристрастными, «что вообще сообщает мышлению психологически содержательный характер, принципиально отличающий интеллектуальные процессы, происходящие в человеческой голове, от тех, иногда сложных, процессов вычисления, которые производятся счетными машинами» [4, 369].

Таким образом, закономерным является предположение о существовании специфических трансформаций мышления пользователей компьютером, которые связаны с изменением некоторых содержательных, смысловых характеристик общения в диалоге «человек-компьютер».

Ученые также отмечают, что современная наука и техническое творчество втягивают в орбиту человеческой деятельности принципиально новые типы объектов, освоение которых требует новых стратегий.

Речь идет об объектах, представляющих собой саморазвивающиеся системы, характеризующиеся синергетическими эффектами. Их развитие всегда сопровождается прохождением системы через особые состояния неустойчивости (точки бифуркации), и в эти моменты небольшие случайные воздействия могут привести к появлению новых структур, новых уровней организации системы, которые воздействуют на уже сложившиеся уровни и трансформируют их.

Все сказанное выше приводит к выводу о том, что новая информационная среда не может не влиять на мышление индивида, определяя характер презентации информации, стратегии его мышления, мотивацию и способы принятия решений.

Можно предположить, что одно из направлений трансформации мышления в условиях компьютеризации может быть связано с изменением формы репрезентации информации: доминированием в компьютерной информации символично-образной составляющей над вербально-логической.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 368 с.
2. Кременчуцька М.К. Проблема детермінації становлення особистості та пізнавальні концепції психолога//Проблеми загальної та педагогічної психології. Зб. наукових праць Інституту психології ім. Г.С. Костюка АПН України. - Київ, 2003. – Т. V. – Ч. 5. – С. 192-196.
3. Кременчуцька М.К. Психологічні наслідки “комп’ютерного мислення людини // Наука і освіта. – 2002. – № 2. – С. 37-39.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М., 1975. – 388 с.

5. Ньюэлл А., Шоу Дж. и др. Моделирование мышления человека с помощью ЭВМ // Сб. Психология мышления - М., 1981. – С. 122-136.
6. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. - М., 1991. -330 с.
7. Симоненко С.М. Знаково-символічна функція візуально-мисленнєвого образу: основні характеристики // Наука і освіта. Спецвипуск. – 2004. - № 3. – С. 146 – 149.

УДК 159.9:161

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТУДЕНТАМИ СТРЕССА.

Лаврова Марина Геннадьевна

аспирант Института инновационного и последипломного образования
Одесского национального университета им. „И. Мечникова”

Цель данного сообщения заключается в изложении результатов анализа теоретико-эмпирических источников, рассматривающих психологические характеристики переживания стресса студентами в период сдачи экзаменационной сессии.

В настоящее время в психологической науке и практике наблюдается значительное повышение интереса к изучению процессов общения и коммуникации, среди которых особое место занимает сфера исследования психических состояний, в том числе феномена психологического стресса.

Термин «стресс» (от англ. stress – давление, напряжение) используется для обозначения внешней силы, приложенной к физическому объекту и вызывающей его напряженность, то есть временное или постоянное изменение структуры объекта. В психологии этот термин применяется для обозначения обширного круга состояний человека, возникающих в ответ на разнообразные экстремальные воздействия.

В современной научной литературе термин «стресс» используется по крайней мере в трех значениях:

во-первых, понятие стресс может определяться как любые внешние стимулы или события, которые вызывают у человека напряжение или возбуждение;

во-вторых, стресс может относиться к субъективной реакции, т.е. отражает внутреннее психическое состояние напряжения и возбуждения; это состояние интерпретируется как эмоции, оборонительные реакции и процессы преодоления (coping processes), происходящие в самом человеке;

в-третьих, согласно В. Кеннон и Г. Селье стресс может быть физической реакцией организма на предъявляемое требование или вредное воздействие. Функцией этих физических (физиологических) реакций, вероятно, является поддержка поведенческих действий и психических процессов по преодолению этого состояния [6].

Различные аспекты стресса являются предметом исследований в области психологии, физиологии, медицины, социологии и других наук. Содержанию этого понятия уделено довольно большое внимание и в дальнейшем изложении будут приведены наиболее часто используемые его толкования. Отметим лишь, что и по сей день в литературе не всегда четко разграничиваются понятия стресса, дистресса, напряжения, напряженности, эмоционального стресса и т. д., что еще больше затрудняет изучение этой и без того довольно сложной проблемы.

Стресс как особое психическое состояние связан с зарождением и проявлением эмоций, но он не сводится только к эмоциональным феноменам, а детерминируется и отражается в мотивационных, когнитивных, волевых, характерологических и других компонентах личности. Именно поэтому феномен стресса требует специального психологического изучения.

Стресс является реакцией не столько на физические свойства ситуации, сколько на особенности взаимодействия между личностью и окружающим миром. Это в большей степени продукт наших когнитивных процессов, образа мыслей и оценки ситуации, знания собственных возможностей (ресурсов), степени обученности способом управления и стратегии поведения, их адекватному выбору. И в этом заложено понимание того, почему условия возникновения и характер проявления стресса (дистресса) у одного человека не являются обязательно теми же для другого.

Детально проведенный анализ теоретико-эмпирической литературы выявил существование незначительного количества работ исследования стресса на уровне эмоциональных, поведенческих проявлений, стрессогенных ситуаций в процессе коммуникации (Л. Китаева-Смык, В.А. Лабунская, М.А.Новиков, Э.Л. Носенко, В.М. Снетков, Л.Б.Филонов, Ю.Л. Ханин). В то же время актуализация социально-психологической проблематики стресса и существующая тенденция к дифференциации частных определений позволяет исследовать различные типы феномена, выявленные на основании доминирующих стрессоров (В.А. Бодров, В.Д. Ганзен, Л.С.Кондратьева, А.Инкельс, В.S.Dohrenwend, W.Griffit, D.S. Leigton, D.Mechanic). В работах отдельных авторов, в том числе В.Й. Кабрина, Н.И. Самоукиной представлено изучение коммуникативного стресса на уровне социальной адаптации, профессионально-делового общения, но проблема переживания стресса студентами вуза в период экзаменационной сессии рассмотрена недостаточно.

Специфика обучения в высшей школе предполагает активное включение студентов в коммуникацию, но при актуальности изучаемого феномена исследователями, как отечественными, так и зарубежными подчеркивается наличие

затруднений, фрагментарности в изучении особенностей коммуникативного процесса в условиях образовательной системы вуза (Г.В. Акопов, И.А. Зимняя, В.Я. Ляудис, И.В. Саванович, С.Л. Смирнов, В.А. Якунин). Вместе с тем, на различных этапах учебной деятельности студенты подвергаются влиянию различных факторов, в том числе и коммуникативно-направленных, со стороны участников коммуникации - преподавателя и студента (А.И. Киколов, В.Н. Колесников, А.О. Прохоров, Н.П. Фетискин, М.С. Яницкий). Теоретико-эмпирические исследования свидетельствуют о существовании тенденции доминирования переживания студентами стресса в коммуникативных ситуациях в период сдачи экзаменов (Б.А. и СБ. Бенедиктовы, А.Ю. Варес, М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбобич, А.М. Дохоян, К.О. Санторосян, Ю.Е. Сосновикова, S.Fischer и С.Л. Cooper).

Ситуация экзаменационной сессии характеризуется достаточно сложной для студента ее повышенной значимостью. Н.И. Наенко указывает, что сдача экзамена вызывает психическую напряженность, определяя последнюю как «психические состояния в сложных условиях вообще, независимо от вызываемых ими эффектов» [4, с.124]. Для большинства учащихся экзамен - это своеобразная критическая ситуация, которая определяет их положение в учебном заведении и дальнейшую судьбу. При этом данная ситуация оценивается как трудная, и может быть как эмоционально отрицательной, так и эмоционально положительной.

С точки зрения А.В. Запорожца, А.В. Махнач, Н.И. Наенко экзамен относится к стрессогенной ситуации. Согласно А. В. Снежневскому «экзаменационный стресс, нередко обуславливая так называемый экзаменационный невроз, является несомненным психотравмирующим фактором» [2, с.147]. Исследования последних десятилетий доказывают, что экзаменационный стресс оказывает негативное влияние на нервную, сердечно - сосудистую и иммунную системы студентов, может повысить вероятность возникновения онкологических заболеваний. Исследователями медицинской школы Хьюстона (США) было установлено, что во время экзаменационной сессии у студентов активизируются репарационные механизмы, которые отвечают за восстановление поврежденных участков молекулы ДНК [10]. Результаты других исследований показывают, что экзаменационный стресс, особенно в сочетании с употреблением кофеина, способствует к стойкому повышению артериального давления у студентов [9]. Немецкими учеными установлено, что экзамены негативно влияют на иммунологический статус студентов [7, 8].

Переживание стресса вызывается в большей степени отношением к ситуации, чем объективными факторами ситуации, и возникает порой задолго до начала действия стрессора. Студент реагирует на экзамены в соответствии со своей когнитивной интерпретацией внешних стимулов. Это зависит, на наш взгляд, от таких параметров, как личностные особенности, социальный статус, социально-ролевое поведение студента и преподавателя.

Подготовка и сдача экзаменов сопряжены с чрезвычайно большим напряжением, вызванным интенсивной умственной деятельностью, крайним ограничением двигательной активности, эмоциональными переживаниями.

Возрастание напряжения проявляется субъективно - в переживаниях беспокойства, тревожности, раздражительности, напряженности, угнетенном состоянии. А.И. Киколов указывает, что в период экзаменов, когда учебная деятельность несет в себе разнонаправленную эмоциональную окраску, проявляются как элементы напряжения - фрустрация и дискомфорт, так и их антиподы - комфорт и удовлетворение, т.е. эмоциональный стресс, представляет собой как отрицательное, так и положительное явление [3]. Ю.В. Щербатых отмечает, что переживание стресса во время экзамена не всегда носит вредоносный характер, приобретая свойства «дистресса» [5]. В определенных ситуациях психологическое напряжение может иметь стимулирующее значение, помогая студенту мобилизовать все свои знания и личностные» резервы для решения поставленных перед ним учебных задач.

Таким образом, психологические особенности переживания стресса сопряжены, в первую очередь, с напряжением, которые испытывает студент в период экзаменационной сессии.

Литература.

1. Громбах С.М. Школа и психическое здоровье учащегося. - М.,1988, С. 272.
2. Запорожец А.В. Избранные психологические труды в 2-х т. Т.1. -М.,1986,с. 36-154.
3. Киколов А.И. Обучение и здоровье. - М.,1985. С. 104.
4. Наенко Н.И. психическая напряженность. - М.,1976. С.1 12.
5. Щербатых Ю.В. Влияние показателей высшей нервной деятельности студентов на характер протекания экзаменационного стресса // Журнал ВНД им. И.П. Павлова, 2000, №6, с. 959-965.
6. Селье Г. Стресс без дистресса. — М.: Прогресс, 1979. — 125 с.
7. Deinzer R, Hilpert D., Bach K., et al. Effects of academic stress on oral hygiene – a potential link between stress and plaque-associated disease? // Journal of Clinical Periodontology. 2001, Volume 28, - pp 459–464.
8. Deinzer R, Kottmann W, Forster P, et al. After-effects of stress on crevicular interleukin-1beta. // Journal of Clinical Periodontology. 2000, Volume 27. – pp. 74–77.
9. Shepard JD, al'Absi M, Whitsett TL, et al. Additive pressor effects of caffeine and stress in male medical students at risk for hypertension. - Am J Hypertens. 2000;13: - pp. 475–481.
10. Cohen L, Marshall GD, Cheng L et al. DNA repair capacity in healthy medical students during and after exam stress. - J Behav Med 2000; 23: - pp. 531–544.

УДК 159.9

“FEMINIZATION OF SCHOOLING”: A GERMAN AND AN INTERNATIONAL PERSPECTIVE

Bernhard Mitterer
Universität Passau
bernhard.mitterer@uni-passau.de

***ABSTRACT:** The debate about “feminine schools” has reached Germany. This hypothesis indicates that the gender gap in school achievement is caused by the growing percentage of female teachers and a increasing feminine school culture. Recent studies on the effect of the teacher’s gender show mixed results and suggest only a small positive effect of same-sex teachers. Perhaps not the gender itself but rather the attitude towards masculine or feminine behavior is crucial. Intercultural studies could help to answer this open question.*

1. INTRODUCTION: THE ARGUMENT OF FEMININE SCHOOLS

In the last years there was a growing debate in Germany, whether schools are biased in favor of girls. The argument of “feminization of schooling” (or “feminine schools”) is rather new in the educational science in Germany but it has a long history in other countries (see Connolly, 2004).

According to Helbig (2010) the argument of feminine schools has two sides: Firstly, the number of female teachers is rising and secondly, school culture has become more “feminine” (e.g. growing importance of teaching manuals like cooperative group work).

Unfortunately, the discussion focuses nearly exclusively on the amount of female teachers in schools.

2. THE GENDER GAP IN SCHOOL ACHIEVEMENT

Looking at the participation rates in tertiary education from 1970 to 2007, the UNESCO wrote: “It was a man’s world”. The number of female students has risen sixfold in this time, these of men only quadrupled (UNESCO Institute for Statistics, 2009, p. 15).

“Today, upper secondary graduation rates for females exceed those for males in 23 of 25 OECD countries and in all the partner countries for which total upper secondary graduation rates can be compared by gender. The gap is greatest in Denmark, Finland, Hungary, Iceland, Ireland, New Zealand, Norway, Portugal and Spain and in the partner country Slovenia, where female graduation rates exceed those of males by 10 percentage points or more” (Education at a glance 2009, 2009, p. 47).

According to the UNESCO-data, gender parity for tertiary gross enrollment ratios in North America and Western Europe was reached in the early 1980s. The actual amount of gender disparity is comparable to the situation in the early 1970s – but today men are at the disadvantage. This inequality is a little lower in Central and

Eastern Europe. In 2007, nearly all global regions have reached gender balance, even the Arab States, East Asia and the Pacific. Only in South and West Asia and the Sub-Saharan Africa women are still at a disadvantage. Women in South and West Asia are comparably far from gender parity like men in North America and Europe (see UNESCO Institute for Statistics, 2009, p. 16). The situation of boys in German schools is very similar to those in most countries of the Western Civilization (see Diefenbach, 2008):

- They are underrepresented among the graduates with a higher level of education and overrepresented among the graduates with a lower level of education or without any school leaving certificate

- They get inferior grades in virtually all school years, at virtually each level of education and in virtually every school subject (and in the very few exceptions like mathematics the difference is constantly closing)

In a nutshell, in Germany nearly all measures of school achievement suggest a gender gap with a disadvantage for boys. This is not the result of a new development; this gap exists at least since the mid-1980s (Kemnade, 1989).

Looking at educational achievement in North America and Europe, you can state it was a man's world and nowadays it's a woman's world. Nearly all measures of educational achievement go beyond gender parity.

3. THE RATIO OF FEMALE TO MALE TEACHERS

In the Western civilization the percentage of female teachers in primary and secondary education rose from about 65% in 1998 to about 71% in 2008 (Eurostat, 2009: authors' own calculations). And in primary school, the percentage of female teachers kept rising (from 79,8% in 1998 to 83,6% in 2008) (Eurostat, 2009: authors' own calculations).

In 2006 the percentage of women among the teaching staff at all levels of education showed an OECD-average of 64,9%. Only in Turkey (45,9%) and in Japan (46,1%) were more male than female teachers. Some countries like Hungary, Italy and the Russian Federation (OECD partner country) have a percentage of female teachers with about 76%. With 63% female teachers, Germany lays slightly below the OECD-average. In primary education the OECD-average shows 79,5% females in the teaching staff. With 46,8% Turkey is the only country below equipartition. Again Hungary (96%) and the Russian Federation (98,5%) are at the other side of the distribution, whereas Germany has 84% females in primary education.

The situation in pre-primary education is even more extreme with an OECD-average of 96,8% quota of women and with Spain being the country with the lowest percentage of females (89,4%) (Education at a glance 2008, 2008).

In summary, the schools within the OECD and its partner countries are clearly more feminine than masculine. Especially in the early years of education, female teachers are overrepresented. In secondary education female teachers are still slightly overrepresented but clearly underrepresented in tertiary education.

4. EFFECTS OF TEACHER'S GENDER

Research on the topic whether the teacher's gender has an influence on the student's outcome produced so far mixed results: According to Helbig (2010), boys are graded inferior in mathematics, if the ratio of female teachers at a school is high. But this correlation is small and not existent for grades neither in the school subject German nor with regard to girls.

Driessen (2007) observes that there are no differences between pupils with exposure to few or many male teachers in primary school. But some of his variables showed statistically significant differences. He also only included the teachers' perceptions but not grades or graduation statistics. In my opinion, the results of Driessen (2007) offer evidence for a small positive effect of more male teachers during primary school.

A higher rate of male primary teachers correlates with a lower overrepresentation of boys without any graduation ($r = -.529$) and with a lower underrepresentation of boys reaching the matriculation standard ($r = .754$) in Germany (Diefenbach & Klein, 2002, p. 953).

In a Greek study several significant gender differences in teachers' evaluations of their students were found. The results for primary schools suggest that female teachers evaluate the boys' behavior more positively than male teachers whereas for secondary school the opposite was true (Hopf & Hatzichristou, 1999). Unfortunately the sample of this study was very small.

The research mentioned above confirm the "same-sex hypothesis", which says that students profit from same-sex teachers. In contrast, Neugebauer, Helbig and Landmann (2010) found virtually no evidence for this hypothesis. However, their study was limited to the primary stages of education. The results of Dee (2007) indicate that – at a later student age – assignment to a same-sex teacher has various positive effects for boys and girls and also on the teachers' perceptions of student performance and student engagement with the teacher's subject.

In a Swedish study on upper-secondary students, Holmlund (2008) found no evidence that gender interactions play an important role in explaining the gender gap in general. But there was a positive effect for male students by having a same-sex teacher in the subject Swedish language. (Holmlund & Sund, 2008)

All together, there seems to be some, but not overwhelming, support for the same-sex hypothesis. Intercultural studies on this subject are clearly missing. Perhaps such studies can answer the question, why the results vary widely from country to country.

5. CONCLUSION / DISCUSSION

The development within the educational systems of the Western civilization since the early 1980s show two clear analogies: an increasing amount of female teachers and an increasing gap between the boys and girls school achievement to the disadvantage of boys. Studies on the effect of teachers' gender produced somehow

mixed results, but seem to suggest a positive (but small) effect for boys having male teachers.

The “cultural mismatch hypothesis” was introduced in the discussion about the “achievement gap” across different racial and ethnic groups in the United States. This hypothesis states that there is a mismatch between the culture of ethnic minority students and the classroom culture respectively the teacher’s culture (see Gregory, Skiba, & Noguera, 2010). There might be also a discrepancy between the culture of the boys and the teacher’s culture.

A similar approach can be adapted from the temperament research: Thomas and Chess (Thomas & Chess, 1980) notice that there has to be a goodness of fit between the temperament of a child and the expectations of his parents for an optimal child development. This was adapted to the school environment (Berg, Scherer, Oakland, & Tisdale, 2006). The results of this study show that teachers expect different behavior from boys and girls and favor boys with more “feminine” behavior.

William Pollack suggests that boys hide their true personality at school and play a role, which according to them is compatible with school culture (Pollack, 1998, p. 60). There is a similarity to the research on ethnic groups, where some scientists hypothesize that African American students may “acting white” at school (Townsend, 2000, p. 385). Perhaps some boys are “acting female” at school.

Researchers should keep in mind that it is not random which kind of person chooses the profession teacher and also not who becomes a primary and a secondary teacher. With educational professions in general and especially primary education having an image as a typical “female” profession, it is highly likely that the males becoming teachers have comparatively “feminine” attitudes. Therefore not the gender itself but rather the attitudes towards masculine or feminine behavior may play an important role in school research. This could explain why some studies found only little or even no effect on students having a same-sex teacher.

There are other alternative explanations: For example, the previous discussion in Germany focused heavily on the growing percentage of female teachers but missed the point that since 1975 women were overrepresented as teachers in early educational settings. And in the years between 1960 and 1975 the ratio of male to female teachers was even nearly equal (Roisch, 2003). This development is very similar to those in other Western European countries (see Connolly, 2004). Therefore, it seems highly unlikely that the gender gap was caused solely by a change in the gender distribution of the teaching staff. Instead of that, the gap should have been caused by the interaction of multiple factors.

One might suspect that there are intercultural similar patterns for the boys’ attitude towards school. There is extensive research showing that girls are more study orientated than boys: Even in their early years of school girls like to study more and they have a more positive attitude towards school (Bos et al., 2005; van Houtte, 2004). Girls are also more self-disciplined than boys and consequently they spend almost twice the time on homework (Duckworth & Seligman, 2006). This pattern

seems to be consistent and stable in the Western Civilization (Kessels, Warner, Holle, & Hannover, 2008; Steinmayr & Spinath, 2008; Wirt, Snyder, Sable, Choy, Bae, Stennett et al., 1998, p. 262). Whether this is – at least partially – a result of a feminine school culture remains an open question.

However, we should keep the following in mind: The hypothesis of an increasing feminine school culture has high face validity – though it has not been empirically proven yet. Also it is highly unlikely that there has been a worldwide shift to more feminine school culture to the exactly same extent. Even for the Western civilization or for Europe this is very unlikely. So there should be intercultural differences, but unfortunately intercultural studies on this subject are lacking.

REFERENCES

1. Berg, D., Scherer, L., Oakland, T., & Tisdale, T. (2006). *Verhaltensauffälligkeiten und schwache Leistungen von Jungen in der Schule - die Bedeutung des Temperaments*. Retrieved July 19, 2010, from <http://www.opus-bayern.de/uni-bamberg/volltexte/2006/79/pdf/berg2006.pdf>.
2. Bos, W., Lankes, E.-M., Prenzel, M., et al. (2005). *Zusammenfassung ausgewählter Ergebnisse aus dem dritten IGLU-Band: Hand-Out zum IGLU-Pressegespräch am 07.11.2005*. Retrieved July 19, 2009, from http://www.ifs-ortmund.de/files/Projekte/IGLU/iglu_vertiefendeanalyse.pdf.
3. Connolly, P. (2004). *Boys and schooling in the early years*. London: RoutledgeFalmer.
4. Dee, T. S. (2007). Teachers and the gender gaps in student achievement. *Journal of human resources*, 42(3), 528–554.
5. Diefenbach, H. (2008). Jungen und schulische Bildung. In M. Matzner & W. Tischner (Eds.), *Pädagogik. Handbuch Jungen-Pädagogik* (pp. 92–108). Weinheim: Beltz.
6. Diefenbach, H., & Klein, M. (2002). "Bringing boys back in". Soziale Ungleichheit zwischen den Geschlechtern im Bildungssystem zuungunsten von Jungen am Beispiel der Sekundarschulabschlüsse. *Zeitschrift für Pädagogik*, 48(6), 938–958.
7. Driessen, G. (2007). The feminization of primary education. Effects of teachers' sex on pupil achievement, attitudes and behaviour. *International review of education*, 53(2), 183–203.
8. Duckworth, A. L., & Seligman, M. E. (2006). Self-discipline gives girls the edge: Gender in self-discipline, grades, and achievement test scores. *Journal of Educational Psychology*, 98, 198–208.
9. Eagly, A. H. (1995). The Science and Politics of Comparing Women and Men. *American Psychologist*, 50(3), 145–155.
10. *Education at a glance 2009. OECD indicators* (2009). Paris: OECD.
11. *Education at a glance 2008* (2008). Table D7.2 Retrieved September 15, 2010, from www.oecd.org/dataoecd/54/59/41251742.xls.

12. Eurostat (2009). *Eurostat Database: European Commission*.
13. Gregory, A., Skiba, R. J., & Noguera, P. A. (2010). The Achievement Gap and the Discipline Gap: Two Sides of the Same Coin? *Educational Researcher*, 39(1), 59–68.
14. Helbig, M. (2010). Sind Lehrerinnen für den geringeren Schulerfolg von Jungen verantwortlich? *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 63, 93–111.
15. Holmlund, H., & Sund, K. (2008). Is the gender gap in school performance affected by the sex of the teacher? *Labour economics*, 15(1), 37–53.
16. Hopf, D., & Hatzichristou, C. (1999). Teacher gender-related influences in greek schools. *British Journal of Educational Psychology*, 69, 1–18.
17. Kemnade, I. (1989). *Schullaufbahnen und Durchlässigkeit in der Sekundarstufe I: Empirische Untersuchung von Schülerkarrieren in der Stadt Bremen*. Frankfurt am Main: Lang.
18. Kessels, U., Warner, L. M., Holle, J., & Hannover, B. (2008). Identitätsbedrohung durch positives schulisches Leistungsfeedback. *Zeitschrift für Entwicklungspsychologie und pädagogische Psychologie*, 40(1), 22–31.
19. Neugebauer, M., Helbig, M., & Landmann, A. (2010). *Can the teacher's gender explain the 'boy crisis' in educational attainment?* Mannheim: Mannheimer Zentrum für Europ. Sozialforschung.
20. Pollack, W. (1998). *Richtige Jungen: Was sie vermissen, was sie brauchen - ein neues Bild von unseren Söhnen*. Bern: Scherz.
21. Roisch, H. (2003). Die horizontale und vertikale Geschlechterverteilung in der Schule. In M. Stürzer (Ed.), *Geschlechterverhältnisse in der Schule* (pp. 21–52). Opladen: Leske + Budrich.
22. Steinmayr, R., & Spinath, B. (2008). Sex differences in school achievement: What are the roles of personality and achievement motivation. *European Journal of Personality*, 22(3), 185–209.
23. Thomas, A., & Chess, S. (1980). *Temperament und Entwicklung: Über die Entstehung des Individuellen*. Stuttgart: Enke.
24. Townsend, B. L. (2000). The Disproportionate Discipline of African American Learners: Reducing School Suspensions and Expulsions. *Exceptional Children*, 66(3), 381–391.
25. UNESCO Institute for Statistics (2009). *Global Education Digest 2009: Comparing Education Statistics Across the World*.
26. van Houtte, M. (2004). Why boys achieve less at school than girls: The difference between boys' and girls' academic culture. *Educational Studies*, 30(2), 159–173.
27. Wirt, J., Snyder, T., Sable, J., Choy, S. P., Bae, Y., Stennett, J., et al. (1998). *The Condition of Education 1998*. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office.

УДК: 325.1

МИГРАЦИОННАЯ ИСТОРИЯ - ОСНОВНОЙ ФАКТОР ВЫБОРА СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ¹

Мокин Константин Сергеевич
доктор социологических наук, профессор
Директор АНО «Независимый институт
социальных исследований», Россия
socis@list.ru

Особую значимость, в сложных трансформационных процессах происходящих в стране играет фактор миграции. В условиях значительной депопуляции населения, наблюдаемой во многих регионах страны, единственным источником восполнения экономически активного населения является миграция. Однако, наряду с бесспорными плюсами (приток экономически активного населения в трудоспособном возрасте), миграция достаточно часто является и фактором дестабилизации местного социального поля.

Причинами дестабилизационной роли миграции на наш взгляд являются: низкий уровень толерантности принимающего населения, отсутствие внятной миграционной политики в субъектах Федерации, невнимание властей к миграционным процессам на мезо- и микроуровнях, сворачивание программ поддержки мигрантов и вынужденных беженцев – с одной стороны, и отсутствие четких адаптационных установок на интеграцию, проявление «прагматичной культуры»² у части мигрантов – с другой.

Вопросы о сложных взаимосвязях миграционных процессов и адаптации мигрантов к принимающей социальной среде, условий приспособления, факторов, определяющих ее ход, степени и темп приспособления в различных типах ситуаций представлены в работах В.С.Айрапетова, Ж.А.Зайончковской, Г.С.Витковской, В.А.Тишкова, Н.М.Лебедевой, Н.П.Космарской.

Понимая, что основным полем конфликта между мигрантами является поле этнокультурного взаимодействия, **предметом нашего исследования** является процесс конструирования идентичности мигрантов под воздействием их прошлого и настоящего образа жизни, их опыта как мигрантов (как выходцев с «иных» территорий), готовность к адаптационным процессам как

1 Работа выполнена в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда №10-03-00063 «Социальные границы полиэтнической организации в современном городе: формирование и трансформация»

2 Под «прагматичной культурой» нами понимается доминирование в структуре ценностно-мотивационных установок ориентаций на временное пребывание, стремление к только зарабатыванию денег, отсутствие желания (действий) на интегративное сосуществование, тяга части мигрантов к самосегрегации.

членов определенных социально-экономических групп дифференцированных по этническому признаку.

Основной **гипотезой исследования** является то, что в основе миграции лежат разные мотивы, проявляющиеся в разных типах адаптации. Именно разные типы социальной адаптации и разные уровни (ре)конструирования идентичности определяют характер взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества, и возможность сосуществования как единого сообщества (мультикультурная модель на низовом уровне самоорганизации местного сообщества).

При этом, миграционные истории³ (территория исхода, причины переезда) являются одним из доминирующих факторов определяющих степень начальной включенности в местное сообщество, а так же направление и скорость трансформации внутри- и межобщинных коммуникаций, в процессе адаптации.

Исследуя процесс адаптации мигрантов как механизм (ре)конструирования собственной идентичности, через призму причин и характера переселения, путей миграции, причин выбора данного места поселения мы можем высветить внутреннюю структуру адаптирующейся группы, основные типы взаимоотношений и взаимодействий внутри общины позволяющие адаптироваться к новым экономическим условиям и «новой» территории.

Исследование построено на изучении армянской общины г. Балаково Саратовской области.

Для постановки проблемы и ее первоначального анализа использованы результаты исследования, выполненного в качественной традиции. В ходе исследования проведены полуструктурированные интервью в семьях армян.

Использование стратегии качественной традиции вызвано несколькими причинами: во-первых, применение количественных методов, в частности построение репрезентативной выборки невозможно в силу отсутствия точных данных о генеральной совокупности исследуемых этнических рассеяний, во-вторых, основной трудностью при подобных исследованиях является преодоление «закрытости» групп.

С нашей точки зрения, этот подход позволяет вскрыть, с использованием логики повседневного языка, используемого респондентами, стратегии повседневной аргументации, являющиеся в свою очередь существенной частью повседневного дискурса, отражающего некоторое стратификационное положение в котором находится/находился исследуемый(ая), что в свою очередь позволяет оценить степень включенности в принимающее сообщество.

³ Миграционная история – накопленный миграционный опыт семьи, включающий в себя мотивы миграции, территорию исхода, пути перемещения, опыт адаптации в различных социально-экономических и территориальных условиях.

Использование методологии качественных исследований для изучения «логики повседневности», являющейся питательной средой для формирования идентичности при различных типах стратегий адаптации позволяет проникнуть в более богатые когнитивно-практические контексты социальных отношений.

Мы получаем некоторые субъективные пристрастия полов, выбор (набор) социальных ролей, уровень классового (группового) сознания, то есть те основные векторы, формирующие на наш взгляд, идентичность и процедуру ее (ре)конструирования (стратегию адаптации).

Социальная идентичность предполагает, что индивид помещен не только в систему внутригрупповых взаимодействий (первичная группа, община), но и в пространство межгрупповых отношений. Социальные группы (общины) являются не только носителями придаваемой реальности и своими действиями (поступками) смыслов [1, p.30], но и акторы, воспроизводящие в повседневной практике те типичные способы мировосприятия и поведения.

На основании повседневных практик межгруппового взаимодействия строится включение человека в социально конструируемые категории. Человек отождествляет себя с некоторой общностью, определяет кто он «на самом деле». Основой этих представлений является противопоставление «свои» и «чужие». Познание самого себя возможно только в противопоставлении с кем либо. На основании этого противопоставления индивидом выстраивается система социальных иерархий, социальная структура - как ее видит конкретный индивид.

Миграционная история армян: траектории пути

В миграционной истории приезжих армян наиболее четко представлены насколько случаев, которые объединены нами в пять вариантов. Первый вариант – мигранты, прибывшие из самой Армении; второй – мигранты прибыли из других стран СНГ в Армению, а затем в Россию; третий – в прямом перемещении армян из республик СНГ в Россию; четвертый – мигранты, прибывшие из других городов России (внутренняя миграция); пятый – связан с четвертым и первым - и состоит в перемещении мигрантов из городов России сначала в Армению, а затем оттуда вновь в Россию (возвратная миграция).

В первом и третьем вариантах доминирует *прямая миграция*. Это означает, что люди приезжают в Россию напрямую из Армении или других бывших республик СНГ. В остальных вариантах промежуточным пунктом назначения является Армения. Все эти варианты, при их различиях объединяет одно – Россия рассматривается как конечная цель миграции. Причем большинство мигрантов имеют четкое представление не только о стране (России), и городе проживания, но и о типе предстоящей экономической занятости. Последнее характерно только для прибывших в последние 5-7 лет.

Второй вариант предусматривает перемещение мигрантов из республик СНГ сначала на историческую родину (Армению), а затем – в Россию. Этот сценарий наиболее характерен для мигрантов и вынужденных беженцев конца 80-хг. – начала 90-х годов. Он, как правило, связан с возникшими

межэтническими конфликтами, в основном в республиках Закавказья, и Средней Азии. Наиболее многочисленными здесь являются мигранты, проживающие до начала 90-х годов в Азербайджане, именующие себя «бакинские армяне». После начала активных межэтнических стычек в городах и поселениях Азербайджана они выехали в Армению, но затем, как правило, по экономическим причинам, и причинам культурного характера (незнание языка, традиций, несовпадение норм и ценностей) вынужденные уехать в Россию.

Четвертый и пятый варианты, являются одним из видов «*внутренней миграции*», и характеризуются тем, что страной исхода, и в тоже время страной – реципиентом является Россия. Отличия - в наличии некоторого промежуточного звена (Армении) или его отсутствии. Как правило, основными двигающими мотивами здесь являются плохие экономические условия городов исхода, а так же в ряде случаев - высокий уровень дискриминации.

Практически во всех случаях представлена легальная миграция. Как правило, в Саратовскую область они попадали с армянским паспортом, либо с паспортом гражданина России, полученным в других городах России. Часть мигрантов прибыли в область еще по старым советским паспортам, до введения паспортов России.

Выбор места жительства – внутрисетевой выбор

Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что подавляющее большинство армян оказались в области не случайно, а имея некоторую информацию о месте будущего проживания, условиях жизни. Исключение составляет ряд армян в экстренном порядке покинувших Азербайджан (г.Баку) в 1988-1989 годах, но и они уезжали имея здесь, как правило, родственников и априори полагаясь на их помощь. Ряд респондентов указывают, что возможно и поехали бы в другие города, например в Москву, Самару, Петербург, но там нет родственников, и/или близких людей, способных оказать первоначальную поддержку.

Необходимо отметить, что существует некоторый феномен целенаправленности миграции именно в Саратовскую область. Саратовская область и ее города рассматриваются как относительно спокойный и благополучный регион, в котором не составляет большого труда открыть свое дело, и/или найти подходящую работу. В условиях набирающего разгон эффекта «расколотого рынка»⁴[2, р.583-594], при котором фактически каждая этническая группа оказалась выделенной в те или иные экономические ниши, большинству респондентов не составляет труда начать собственное дело в системе малого и среднего бизнеса, практически «легально» и «легитимно». Это особенно важно, учитывая характер миграционного процесса, - когда люди приезжают к родственникам и землякам, по некоторой «цепочке», практически

4 Под «расколотым рынком» понимается феномен, при котором представители разных этнических групп занимают разные экономические ниши.

не имея никаких иных связей, а имея в наличии лишь свой интеллектуальный и предпринимательский потенциал.

В основе переезда многих армян, особенно последней волны лежат экономические мотивы. В ряде случаев, особенно, мигрировавших в начале 90-х годов лежат причины нежелания участвовать в боевых действиях, с опасениями за свою жизнь и жизнь членов семьи.

«Мы приехали из Баку, в 1989 г. Там было страшно. Они [азербайджанцы] ворвались в наш двор, вытащили всех из дома. Стали всех избивать...» (Ж., 34 года)

Тем не менее, после бегства в Армению, встал вопрос о фактическом выживании, уже в новых условиях.

«Казалось бы мы дома... но, языка мы толком не знали. А жизнь... жить невозможно. Армения тогда в блокаде была. Света нет. Тепла нет. Воды нет. Когда давали воду, мы ее набирали во всю посуду, бочки, ванную, бутылки. Зимой дом наш, двухэтажный замерзал так, что лопались стекла.

Моешь полы, а за тряпкой ледяная корка... Спустя год поняли - так больше жить нельзя. Сын растет – а что он видел? Образования толком не получить. Еды нормальной нет. Даже муки нет, хлеб испечь... Решили ехать в Балаково, здесь родной брат мужа, он в милиции работал, договорились, он встретил, помог снять жилье... Отец и мать остались в Армении, мы им помогли, чем могли, высылали деньги, муж открыл свой бизнес, стало возможно детей в гимназию отдать...» (Ж., 38 лет).

Большинства мигрантов, у кого остались близкие родственники в Армении, регулярно отправляют им помощь, деньги. В случае необходимости, прилагают все усилия для оказания помощи к переезду в Россию.

« Мы им помогаем, сейчас пытаюсь брату помочь, он хочет уехать в Россию, или США. Из Армении трудно сразу в США уехать. Приедет сюда. Поживет. Язык выучит, может быть. Мы помогаем. А как же? Трудно будет, - они мне помогут...» (М., 42 год); «Деньги отцу в Ереван отправляю регулярно. Иначе нельзя. Нас трое братьев – все ему помогают. Он уже не может работать на заводе. Да и завод закрыли...» (М., 29 лет)

Что касается мотивов переезда из других республик, то здесь доминируют социально-политические мотивы, явные дискриминационные практики, ущемление прав и достоинств.

«Мы там [в Средней Азии] были второсортными. Мы должны были обслуживать только местных. Я до этого работал в управлении завода, инженером. Стал простым рабочим. Быть начальником там, другой национальности, – невозможно. Перспективы никакой. Никто не слушает тебя. Никакого права голоса. Только обслуживание этих...Мы, да и многие из друзей уехали сюда. Мы здесь были во время Союза, на заводах, ездили в командировки, здесь друзья, знакомые...» (М., 36 лет).

Для группы мигрантов, имеющих промежуточным пунктом Армению, характерны причины, заставившие их продолжить миграцию. Наряду с

социально-экономическими причинами, фигурировали недостаточно хорошее знание языка и традиций. Часть респондентов указывало, что они [язык и навыки] фактически были утрачены еще в период Советского Союза, когда они проживали в городах и республиках Союза. Это сформировало отношение к ним как к «чужим» среди коренного населения республики. На наш взгляд, это служило существенным «выталкивающим» фактором, стимулирующим социально-экономическую мобильность. Необходимо отметить, что категория «чужих» распространялась на всех членов прибывшей семьи.

«Казалось бы мы дома... но, языка мы толком не знали. А жизнь... жить невозможно.... У сына тоже проблемы были, он языка кроме русского не знал, учились- то мы все в одних русскоязычных школах...Трудно ему было. Друзей почти не было... Что он мог сделать...» (Ж., 38 лет).

Особой чертой, которая на наш взгляд, является наиболее выпуклой, это миграционные перемещения всей семьей. Это относится в первую очередь к группе армян прибывших в Россию в начале – середине 90-х годов. Процесс адаптации в «привычных стандартах» выглядит для них более приемлемым, чем включение в новую среду. Анализ миграционных характеристик последних волн (менее 5 лет) показывает, что в последних волнах доминируют неженатые молодые мужчины, в возрасте 17-25 лет, имеющие четкие ориентации на получение образования, трудоустройства в России.

Необходимо отметить, что практически во всех интервью Россия, Саратовская область рассматривается как конечная цель миграционного перемещения. Только в двух интервью было отмечено, что возможно дальнейшее перемещение за рубеж (в США), это относится к последней волне, прибывших три и менее года назад, непосредственно из Армении. Респонденты полагают, что перемещение из России в США более удобно, чем напрямую из Армении в США.

Наиболее актуальным вопросом для всех видится вопрос о возврате в Армению (историческую родину). И здесь община делится на две, в принципе равные группы. Одни готовы вернуться назад, но при условии что социально-экономическая обстановка там улучшится, это в основном выходцы из самой Армении. Другая группа, в основном выходцы из республик бывшего СССР не рассматривает вариантов перемещения в Армению. Это, как правило, те, кто испытал на себе «культурное несоответствие», наиболее удачно и успешно адаптированные к местным социальным условиям и инкорпорированным в социально-экономическое поле.

На текущий период четко прослеживается тенденция к тому, что большая часть армян не хотят уезжать и рассматривают Россию как наиболее оптимальную зону по сравнению с другими странами – бывшими республиками СССР, в том числе и Арменией.

Можно утверждать, что массового оттока армян из Саратовской области при сохранении текущих социально-экономических и политических условиях не произойдет. Дальнейшие миграционные перемещения возможны лишь при

значительном росте ксенофобских настроений, росте дискриминационных практик или резкого и длительного снижения экономического благосостояния.

Боле того, большинство армян, удачно интегрировавшихся в местную социально-культурную и социально-экономическую среду, заинтересованы в том, что бы пригласить родственников, или близких друзей из Армении или других городов России.

«Вот мой брат, ему сейчас 50 лет ,он после Баку прожил в Армении 10 лет, и сейчас мы помогли ему перебраться сюда. Причины? Опять-таки бытовые. Там невозможно жить...». (Ж., 37 лет).

Таим образом, подводя некоторый итог можно утверждать, что сформированная сеть социальных связей, отстроенная по родовому признаку, служит, и будет служить опорой для прибывающих вновь мигрантов, а Саратовская область выглядит привлекательным для мигрантов социально-экономическим регионом. Существующие общины, обладая некоторой базовой общностью, идентичностью достаточно четко разделены по времени прибытия в страну, местом исхода и уровнем некоторой комплиментарности по отношению к Армении. Эти исходные условия служат основными посылами для построения стратегий интеграции.

Новые правила игры –«свои чужие»

Проблема культурного несоответствия разделившего на «своих» и «своих чужих» в Армении, здесь в Саратовской области получила дальнейшее развитие. На первый взгляд моноэтничная мигрантская группа, при детальном рассмотрении оказывается разделенной на три-пять подгрупп, разделенных неким культурным антогонизирующим ингрупповым феноменом.

В настоящее время, можно говорить, как минимум о пяти группах. Причем первые четыре институцированы регионом исхода, а пятая является группой, имеющих в корне отличные от других целевые установки на адаптацию.

Первая группа - *«Армянские армяне»*. Сюда входят лица, мигрировавшие непосредственно из самой Армении. Армянские армяне четко позиционируют себя по отношению к армянам – выходцам из других регионов, территорий исхода.

Каждый из них сохраняет связь со страной исхода. В процессе проживания в новых условиях происходит постоянное сравнение с «там» и «здесь». В этой группе важную роль играет язык, традиции. Можно утверждать, что отношение к языку и традициям является основным маркером границ между ними и другими группами.

«Мы – настоящие армяне. Вот у меня есть много знакомых в Саратове, Самаре, здесь в Балаково, но они уже не языка не знают, их дети никогда (!) не были в Армении. Дома говорят на русском, не отмечают наши праздники, не чувствуют в наших организованных праздниках. Мы стараемся конечно с ними держать связь, но вряд ли из этого что то получится. Они обрусели. У

них нет гордости за то, что они армяне.» (М., 27 лет, функционер армянской общины).

Можно отметить, что не знание языка и традиций воспринимается как существенный недостаток, в худшем варианте эти люди не воспринимаются как армяне.

«У меня есть знакомые, тоже как бы армяне. Но они языка не знают, дома и с нами говорят по-русски. Дети – это уже вообще абсолютно русские люди. Они даже не интересуются своей историей. Я с ними говорил, - давайте детей в воскресную школу отдадите. Они -нет , в школе и так нагрузка большая, скоро нужно готовиться поступать в ВУЗ. Нет , это уже не армяне...». (М., 32 года).

Анализируя полученные данные, можно так же отметить, что армянские армяне всячески подчеркивают свою тесную связь с Арменией, что, по их мнению, является неким преимуществом, позволяющим построить иерархию взаимоотношений внутри общины в целом, естественно, с ним во главе.

Выходцы непосредственно из Армении создали армянскую общину, юридически оформленную (НГО), имеющую воскресную школу, и проводящую праздники с участием гостей и артистов из Армении. Используя НГО, они пытаются объединить вокруг себя других армян. «Другие армяне» как правило, избегают участия в подобных мероприятиях.

«Мы понимаем язык, но разговаривать, мы не разговариваем. Даже наше поколение 70-х, а бабушки, дедушки естественно – говорят, у них есть эти навыки. Но наши внуки уже не поймут. А то, что открыли воскресную школу... Это все для тех, кто выходцы из Армении. Они и здесь живут этими обычаями, в семьях у них только армянский язык, это те, кто оттуда... Поэтому нас так и разделили «бакинцы» и армяне. Хотя мы – тоже армяне. Ведь нет же такой нации «бакинцы» - да? У них и у нас – не тот образ жизни... Они себя вспоминают» (Ж., 34 года); «Понимаешь, нас и там и здесь как бы изначально поделили: из Азербайджана – значит бакинские. А они – ереванские; это у нас две таких категории, те - которые живут в Армении и которые там не живут, то есть мы друг от друга отличаемся корнями...даже языковым диалектом. Поэтому в Армении люди из Баку не прижились по одной только причине, что мы не знали языка. Наш армянский язык и армянский коренной – это совершенно разные языки, очень трудно было как-то влиться в это. Конечно, мы адаптировались, но образ жизни другой, совершенно другой». (М., 44 год).

Вторая группа – «азербайджанские армяне», или как они себя чаще называют – «бакинские армяне». Это группа переселенцев- армян, прибывших в Россию из Азербайджана, в основном Баку, но к этой группе причисляют себя и выходцы из Нагорного Карабаха. Сюда же относятся выходцы из других кавказских республик (например, Грузии, Дагестана). Их идентичность более размыта, благодаря тому, что процесс социализации происходил в более гетерогенной среде. Как правило, они все учились в русскоязычных школах,

имели друзей (подруг) из числа русских, и коренных жителей этих республик. Хорошо, в отличие от армянских армян владеют русским языком, армянский язык, как правило, вытеснен на периферию значимых элементов обыденной жизни. Они чаще всего ассоциируют себя не конкретно с республикой исхода, а с Кавказом в целом. В процессе интервью, разговора они чаще употребляют оборот «у нас на Кавказе...»⁵.

Сложность их идентификации заключается в том, что они с точки зрения армянских армян жили на «вражеской территории» с одной стороны и соответственно видоизменили свое отношение к традициям и культуре «настоящего» армянского народа. С другой стороны – они, как правило, пережили больший, по сравнению с остальными стресс, связанный с насильственными действиями, при которых оказалась, что ожидание взаимопомощи друг другу армян, сильно преувеличена. Если конечно они не состоят в родственных отношениях. Поэтому, они в принципе и не рассчитывают на какую то поддержку со стороны общины.

«Я армянка, но родилась и выросла в Баку. Бакинские армяне и армянские армяне – большая разница. Меня в Армении после Баку не принимали армянкой. Когда оформляла документы, меня взяли и записали русской, потому что я настоящего языка не знала. Не знала каких то там традиций...» (Ж., 38 лет); «Я родился, и вырос в Грузии, недалеко от Гудауты. После известных событий [абхазско-грузинский конфликт] переехали сюда. В этом году с родителями поехали в Армению, там живут родственники. Там я понял, что я чужой. Когда не понимаешь языка, - что написано на автобусе, куда он едет, - я спрашивал на русском - на меня смотрели как на чужого. Немного не по себе. Да и здесь тоже, я вот организовал свой автосервис, и ни разу ко мне они [армянские армяне] не обратились не за помощью, не пригласили» (М., 29 лет).

Третья группа – «среднеазиатские армяне». Это группа армян, у которых территорией исхода являются республики Средней Азии (бывшего СНГ) – в основном Казахстан, Туркменистан, реже - Таджикистан. В самоидентификации чувство принадлежности к армянской нации выражено очень слабо. Часто вообще отсутствует. В этой группе еще в большей степени, нежели у азербайджанских армян, происходит идентификация себя с многонациональным СССР.

Необходимо отметить, что среднеазиатские армяне достаточно успешно интегрировались в нынешнюю полиэтничную среду, в современные социально-экономические условия. Отсутствие четких границ и рамок ограничивающих процесс интеграции и взаимодействия с принимающим населением, позволило им без существенных затрат влиться в социально-экономическую жизнь города, области, региона.

⁵ Это обстоятельство так же нашло отражение в работе В.Попкова. Однако, он предпочитает классифицировать такую группу как «кавказские армяне», на основании этого самоопределения. См.: [3.с.147].

Анализирую данную группу, автор пришел к выводу, что понятие «армянин» здесь имеет очень размытое значение. Практически каждый информант высказывал столь разноплановые схемы интерпретации этого понятия, что их трудно как то систематизировать. Одно, с их точки зрения выглядит согласованно: «настоящие армяне» – это те, которые действительно считают себя армянами и не являются выходцами из республик Средней Азии, а вышли из Армении или близких к ней территорий.

Налицо, достаточно четкое позиционирование каждой из рассмотренных групп. При этом основным стратификационным критерием выступает значимость армянской идентичности. Наибольшую трудность для дальнейшего анализа представляет четвертая группа - «*русские армяне*». Это группа армян, прибывших в область из других городов и регионов России.

Это, как правило, глубоко интегрированные в русскую культуру люди, у которых армянская идентичность, не играла до недавнего времени сколь какую-то значимую роль. Однако, эта группа, находящаяся на периферии идентификационного поля, обладает наибольшими центроостремительными силами. Практически во всех исследуемых семьях дети под различными предложениями изучают армянский язык и армянскую культуру. Но, несмотря на это, не всегда отождествляют себя с армянской нацией. Чаще всего все члены группы «русских армян» идентифицируют себя с коренным населением городов. Появление ярко очерченных этнических границ в городском сообществе привело к актуализации вопроса собственной идентичности. Однако, в данном случае, мы имеем дело с набором равновесных идентичностей, в которых этническая идентичность находится на таком же месте как и профессиональная, гражданская, территориальная и т.д.

Данная группа не обладает четкими границами и системой взаимосвязи и взаимодействия. По ряду признаков, ее можно рассматривать как некую буферную зону общины, в которую «выталкиваются» активными членами общины все кто не обладает доминирующей армянской идентичностью, с одной стороны, и те кто «прописывает» себя в этой общине, с другой стороны, но причисляет себя, в общем то, к армянской нации.

Следует отметить, что данное расслоение общины не является особенностью Балаково, и Саратова. Так, В.Попков выделяет «местных», «кавказских», «среднеазиатских» и «армянских» армян, идентифицируемых по территории исхода [3]. Т.Полоскова в своем исследовании подчеркивает неоднородность московских армян, выделяя «тбилисских», «среднеазиатских», «бакинских» и «айтастанских» (армянских) армян[4]. Ю.Арутюнян так же исследуя армян в Москве выделяет выходцев из Армении, республик Закавказья, других регионов России, армян-уроженцев Москвы [5,с.13-21].

Пятая группа, - это группа, определяемая не территорией исхода, а мотивами и целевыми установками пребывания в России. Если первые четыре группы, так или иначе, ориентированы, в нашем понимании на интеграции в принимающее сообщество, то данная пятая группа – не имеет установок на

интеграцию, в ней доминируют ценности прагматической культуры. В дальнейшем мы будем рассматривать ее как группу «*трудовых мигрантов*».

Трудовые мигранты (по оценкам первых четырех групп) приезжают в Россию только ради заработка, не ориентированны на вживание в местное сообщество, поскольку достаточно успешно (по своим, а не местным критериям) реализуют свои цели, если и добиваются различными путями гражданства РФ, то преимущественно ради исключительно инструментальных целей, - более эффективной организации своего бизнеса. При этом, респондентами данной группы даже не допускается мысли о лояльности к России.

Трудовые мигранты образуют собственные дискретные сети по образцу традиционных, предпочитают по возможности селиться среди своих соотечественников, в том числе и первых двух, реже - третьей групп, а также (по традиционному образцу) претендуют на их поддержку и на поддержку функционеров НКО в решении своих проблем, часто безуспешно. Не ориентированы на интеграцию в местное сообщество, хотя часто живут практически на постоянной основе, или периодически выезжают в страну исхода, другие регионы России и возвращаются обратно.

Суть характерного для трудовых мигрантов сегрегированного сценария адаптации состоит в том, что их приспособительные мотивации предельно инструментальны и, направлены на эффективное решение конкретных текущих жизненных задач, таких как, например, получение регистрации, найм жилья, получение работы, учеба и т.п. В рамках приспособительного сценария мигранты взаимодействуют не столько с населением, сколько с отделными, как правило, официальными представителями принимающей территории.

Субкультура трудовых мигрантов, в которую попадают практически все вновь приезжающие, ослабляет для части мигрантов потребность интегрироваться в принимающей среде более основательно, т.е. как-то модифицирует их установки на легальную жизнь в новой среде и соответственно жизненные планы по обустройству и закреплению на новом месте в качестве законных членов московского сообщества, начиная с освоения русского языка кончая созданием семьи и дома в России. Ядром этой среды являются (состоявшиеся или потенциальные) временные трудовые мигранты.

Необходимо особо отметить, что четыре группы мигрантов рассмотренных выше всячески дистанцируются от трудовых мигрантов, считая их виновниками негативного отношения местного населения к иноязычному этническому населению, формированию негативного образа «кавказской национальности».

Здесь, необходимо отметить, что «изначальное» деление общины по группам территории исхода условно. Члены этих групп не существуют изолированно друг от друга, однако наряду с этим присутствует ощущение некоторой границы «мы-они», оказывающей существенное влияние на повседневные жизненные практики.

Можно сделать вывод, что территория исхода и миграционные устремления являются существенным маркером границ групп этнической общины. При этом, если внешние границы общины, представляются нам достаточно подвижными, то внутренние межгрупповые границы – элементы устойчивой структуры, их видоизменение представляется маловероятным, практически невозможным. Характерной чертой, фиксирующей жесткость этих границ, является отношение к бракам между представителями этих групп.

Практически все члены групп (включая членов группы «трудовых мигрантов») позитивно относятся к брачным связям с местным населением. И в тоже время, стараются по возможности избегать брачных контактов между группами.

«...у нас в семье конечно, в этом вопросе свобода выбора. Сын встречается с девушкой, она местная. Я не против. Пускай любят друг, друга, женятся. Это хорошо. У брата, сын встречался с бакинкой [бакинской армянкой] вот это был ужас. Вроде как армянка, а ведет себя ...». (М., 43 года)

На наш взгляд, главной причиной такого отношения – это в некотором смысле завышенные требования к «своим», более жесткая схема восприятия. В отношении же местных (русских) допускаются вариативные, более широкие схемы восприятия норм поведения, отличающиеся повышенной толерантностью. В отношениях с представителями своей этнической группы должны а priori соблюдаться предписанные ритуалы поведения, в то время как в отношениях с местным населением эти ритуализированные схемы не работают, и приходится подстраиваться под существующее в обществе нормы и правила игры.

Идентичность: возможности интеграции

Идентичность, и фиксирующие ее границы служат не только для отображения противоречий и выполнения функций разделения. Наряду с видимыми различиями существуют и сильные интеграционные характеристики, объединяющие эти группы, и позволяющие нам в ряде случаев рассматривать этническую общину как некоторое гомогенное сообщество.

Во-первых, численное доминирование армян на фоне других миграционных общин (таджиков, азербайджанцев). Осознание себя некоторой доминантной группой приводит к стремлению к объединению, формированию единой общинной идентичности.

Во-вторых, использование армянского языка, элементов армянской культуры в быту, так или иначе, влияет на формирование самоидентификации себя как армянина. Хотя, здесь, безусловно, не обходится и без противоречий – армянские армяне, носители «настоящего армянского языка» чувствуют себя некой доминирующей группой, однако, фактически они выступают в этом плане группой объединяющей вокруг себя другие фракции. Позиционирование других строится именно по отношению к этой группе.

В-третьих, феномен «раздельного рынка», при котором разные этнические группы вытеснены в разные экономические ниши, объединяет армян разных групп, так как им всем практически приходится довольствоваться одними и теми же рыночными нишами – авторемонт, рыночная торговля, ремонт и обслуживание дорог, кафе (система общепита). В отношении всех армян, так или иначе, действуют одни и те же «практики повседневной дискриминации» - все они лишены, фактической возможности устроиться на крупные предприятия, где высокая зарплата; существуют ограничения в секторе найма и сдачи жилья и т.д.⁶. Законы социальных систем предопределяют увеличение гомогенности и сплоченности в условиях внешнего негативного влияния на группу. Так и здесь, негативные практики общества способствуют объединению раздельных групп в единое целое.

В-четвертых, успешно работающие экономические структуры малого и среднего бизнеса. Эти структуры, их, деятельность, освещение в СМИ, - являются своего рода «флагом», объединяющим общину. В условиях нестабильного (в целом негативного) внешнего окружения, отдельные успехи членов общины носят символический характер, и воспринимаются как успехи общины в целом.

«Мы очень переживали за Манукяна, когда он решил баллотироваться в городской совет депутатов. Мне очень приятно видеть армянина, достигшего таких высот в бизнесе, а теперь еще и политике, пускай и городской....» (М., 37 лет)

В-пятых, это безусловное осознание себя как армян, живущих в условиях инокультурного окружения. Подавляющее большинство респондентов остро ощущают свое отличие от принимающего (русского) населения. Однако, на это фактор накладывается и отличие местных армян от армян живущих в других городах, регионах. Живущие здесь-и-сейчас армяне осознают свое отличие от армян живущих в Армении, других странах, других городах и регионах России. Феномен региональной идентичности (принадлежности к региону проживания) выражен в отношениях общины очень слабо, однако, он явно прослеживается в контактах с другими общинами в других городах, регионах.

«Мы ездили с женой и детьми в Самару, к родственникам. У них там очень теплые отношения во всей общине. Но, они только хорошо относятся друг к другу, помогают редко. У нас же всегда готовы прийти на помощь. И потом, их [армян] начинают оттуда вытеснять. Они едут сюда, к нам. Не в Москву или там Нижний [Новгород], а к нам. У нас здесь лучше...» (М., 37 лет).

Понимание того, что коренное русскоязычное население не делает

⁶ Анализ дискриминационных практик см. «Дискриминация в социально-экономической сфере Саратовской области». Проект выполненный исследовательским центром «Социум и молодежь», под руководством Центра этнополитических и региональных исследований (г.Москва). Исполнители Мокин К.С., Верховых С.А. www.Indem.ras.ru/Serps/

фактически никаких различий между армянином приехавшим из Армении, из Средней Азии или других регионов постсоветского пространства приводит к формированию чувства общности с другими группами, это приводит к объединению групп именно по этническому признаку.

Таким образом, подводя итог исследования, можно говорить о том, что этническая мигрантская группа армян не является гомогенной структурой. В составе общины достаточно явно выделяются подгруппы, самоопределяемые по территории исхода.

В зависимости от миграционной истории, определяется степень включенности во внутриобщинные отношения, выстраивается внутриобщинная иерархия, в том числе социально-экономических отношений и поддержки. При этом, внутриобщинные межгрупповые границы являются более прочными и явными нежели внешние границы общины.

Миграционная история играет доминирующую роль в скорости адаптационных процессов, происходящих в первичных ячейках (семьях). Так выходцы из других городов и регионов РФ наиболее успешно адаптированы, тяжелее всего дается адаптация недавним мигрантам непосредственно из Армении (не знание языка, культурных норм и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Barth F.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organizations of Culture Difference.*/ Ed.by F.Barth. Oslo. Universitetsforlaget, 1969.
2. *Bonacich E.* A Theory of Middleman Minorities. *American Sociological Review* 38, 1973.
3. *Попков В.* Феномен этнических диаспор. М., ИС РАН.
4. *Полоскова Т.* Армянская диаспора в России. 2002.
<http://www.armenia.ru/community.php3?age=poloskova>
5. *Арутюнян Ю.* Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования) // *Социологические исследования.* 2001. №11. с.13 - 21.

УДК: 304.9

ON THE CONCEPT OF CIVIL SOCIETY AND THE DIFFERENT “MODES OF INCORPORATION”

Mariya Dimitrova Pavlova
Sofia University “Sv. Kliment Ohridski”

No matter how broad the topic of civil society may seem, this article attempts to re-present it from the standpoint of sociology, namely by the conception of Jeffrey C. Alexander.

A topic of enormous discussion and dispute throughout the history of social thought, Jeffery C. Alexander defines civil society as a sphere or subsystem of society that is analytically and empirically separated from the spheres of the political, economic and religious life. What is more, civil society is a sphere of solidarity in which abstract universalism and particularistic versions of community are tensely intertwined. It is both a normative or “ideal-type” and a real concept that allows the relation between universal individual rights and particularistic restrictions on these rights to be studied empirically. As a whole, the term civil society traditionally describes a form of social organization, neither economic nor political, where democracy, liberty and widespread solidarity are essential regulatory concepts.

The position of the American sociologist is that there is a society that can be defined in moral terms, a moral community with organizations of its own: the courts, institutions of mass communication, public opinion polls. Civil society, however, is not merely an institutional realm. It is also a realm of structured, socially established consciousness, a network of understanding that operates beneath and above institutions. As Jeffrey Alexander names it, this is the subjective dimension of civil society and if we want to study it we must recognize and focus on the distinctive symbolic codes that constitute the very sense of society for those who are within and without it.

The codes supply the structured categories of pure and impure into which every member, or potential member, of civil society is made to fit. Pure and impure categories do not develop merely as generalizations or inductions from structural position or individual behavior. They are imputations that are induced from the internal logic of the symbolic code. But how can we define the symbolic code? As the author says the symbolic code is the historical residue of diverse movements in social, intellectual and religious life- of classical ideas, republicanism and Protestantism, Enlightenment and liberal thought, of the revolutionary and common law traditions. The cultural implications of these movements, however, have been drawn into a highly generalized symbolic system that divides civic virtue from civic vice in a remarkably stable and consistent way. In this respect we can speak of a

binary discourse of the symbolic code and civil society as a whole. The civil discourse conceptualizes the world into those who deserve inclusion and those who do not. When citizens make judgments about who should be included in civil society and who should not, about who is a friend and who is an enemy, they draw on that systematic, highly elaborated symbolic code.

As far as the binary discourse is concerned, it is schematically presented by the dichotomies in the discursive structures of social motives, social relationships and social institutions. Code and counter-code posit human nature in diametrically opposed ways on which basis distinctive representations of social relationships can be built that extend to the social understanding of political and legal institutions themselves:

SOCIAL MOTIVES ↔ SOCIAL RELATIONSHIPS ↔ SOCIAL INSTITUTIONS

<i>Democratic code</i>	<i>Counter-democratic code</i>
Rationality and responsibility	Irrationality and irresponsibility
Open and honorable	Secret and self-interested
Law and equality	Power and hierarchy

CIVIC VIRTUE

↑
Friends

Discourse of liberty

CIVIC VICE

↑
Enemies

Discourse of repression

Presented in this way, one can conclude that the discourse of civil society is not only binary, but also concrete and not abstract. It can be applied to every society with its specific groups and actors. The dichotomy of the civil discourse, for instance, is observed in both democratic and communist societies in periods of tension, crisis and not only.

Can this scheme be also applied to the different “modes of incorporation” in civil society? In other words, is it possible to bind assimilation, hyphenation and multiculturalism as forms of civil participation with the distinction of liberty and repression? Before we answer this question, let’s define the three “modes of incorporation:

● **ASSIMILATION**

Assimilation has been by far the most common way in which the historical expansion and revision of the civil sphere have taken place. In assimilative incorporation, members of primordially denigrated groups are allowed and often encouraged to “pass” into public life on the condition that they shed their polluted primordial identities. Because civil competences are always interlarded with particular identities, any mode of incorporation must focus on the public construction of public identities, on how the civic competences of core groups are related to the abilities of subordinate ones.

Assimilation is possible by means of socialization channels such as education, interaction or mass mediated representation. What people whose identities are polluted learn is how to express civil competence in a different kind of primordial way as whites rather than as blacks, as northwest Europeans rather than as eastern Europeans, for example.

Historically, assimilation is the first and sociologically the most “neutral” response to the contradiction between public civility and private particularity that has marked modern mass societies from their very beginning. That is because it can be achieved without appearing to challenge the established primordial definitions of civic competence. In assimilative incorporation, the qualities that define “foreign” and “different” do not change.

● HYPHENATION

Assimilation is an unstable process. In social systems that have weaker and less autonomous civil spheres, this instability can lead not to a widening but to a narrowing of primordial identities. On the contrary, in social systems with relatively stronger civil societies, the instability of assimilation can push it in a more “ethnic” direction. This has a positive aspect- outsider qualities are viewed in a less negative way and are conceived as “ethnic” rather than “foreign”. At the same time, the possibility of forming stronger and deeper cross-group bonds that bridge these particularities is viewed more positively as well. In this manner, the emergence of ethnicity can be said to “hyphenate” the primordial identities of the core group, suggesting fluidity in the interchange of primordial particularities and, at the same time, contributing to the creation of a common collective identity that may be neither core nor peripheral in itself.

● MULTICULTURALISM

“The multicultural man” of Peter Adler gives us the perspective of early 1970s. It emphasizes on a “psycho-culturally adaptive”, protean, ever-changing, integrative actor who has the desire and ability to put himself in the shoes of the other- a person who is always in the process of becoming a part of and apart from a given cultural context (= intercultural community).

Later on, in mid 1990s, multiculturalism takes on a new meaning. It is associated with difference and one can speak of separated interactional communities.

As far as the conservatives are concerned, they blame the multiculturalists for reintroducing divisions, differences in society that intensify resentment and antagonism, defining multiculturalism as a new form of particularism.

Jeffery Alexander supports none of these definitions, not even the consensual ideal of a multicultural society as a social system of insulated but equally empowered groups who, rather than experiencing some shared solidarity, would simply grant each other the right to pursue their distinctive and “different” lifestyles and goals. In fact, Jeffery Alexander proposes an alternative model of incorporation in contemporary social systems, one that refers to the concept of “fragmented civil societies” and argues that multiculturalism is a new and more democratic mode of civil integration. Multiculturalism is connected to “purification” or the reconstruction

of out-groups in terms of the discourse of liberty rather than repression. It also opens up the possibility not just for acceptance but for understanding of others. In multiculturalism, the universal is particularized while in assimilation and hyphenation, the particular is universalized. Thus noncore primordialities become publicly displayed and folded into the culture of authenticity and diversity which is one of the most distinctive achievements of modernity.

Having defined the varieties of civil incorporation, one should point out that in practice, assimilation, hyphenation and multiculturalism blend into one another. As far as the term incorporation is concerned, it is oriented towards the possibility of closing the gap between stigmatized categories of persons and the utopian promises that in principle regulate civil life, principles that imply equality, solidarity and respect among members of society. Incorporation is also a process that proceeds along extraordinarily complex paths, extending from micro interactions, such as intermarriage, to macro arenas like labor markets. Insofar as social systems contain a civil dimension, members of their core groups always face the imminent question of whether in regard to a particular category of excluded persons this gap should be closed. Should the incorporation of this particular group into civil society proceed? How?

Well, this can be achieved in three very different ways- assimilation, ethnic hyphenation and multiculturalism.

REFERENCES:

1. Alexander, Jeffrey C. "Citizens and Enemy as Symbolic Classification: On the Polarizing Discourse of Civil Society"
2. Alexander, Jeffrey C. "Theorizing the "Modes of Incorporation": Assimilation, Hyphenation, and Multiculturalism as Varieties of Civil Participation"

УДК: 159.9.316.455

ACCULTURATION GOALS AND INTERCULTURAL COMPETENCE AS PREDICTORS OF SUCCESSFUL SOCIO-CULTURAL ADAPTATION

Dr. Liudmyla Smokova
Institute of Postgraduate Education
Odessa National I. Mechnikov University, Ukraine

Abstract: *This presentation focuses on the connections between intercultural competence and specific attitudes toward acculturation of Minority in Germany to the host culture. We have sought to explain how the Intercultural Sensitivity determines acculturation expectations of the host society, hence the intercultural interaction between immigrant and members of the majority group. The success of the intercultural contact and the process of psychological adaptation of the minority though will depends largely on what is the assistance of the host society in the acculturation process. The relevant questions in this regard are: what is the notion of the dominating society on how the foreigners could be integrated (acculturation ideology) and to what extend the intercultural competence determines that the interaction with the minority group is viewed as valued and desired for the members of the majority group?*

Intercultural competence was examined with scales like Cultural Empathy, Openmindedness, Emotional Stability, Orientation to Action and Flexibility. The participants of the experiment were 306 representatives of the title nationality members of Germany and 64 Russian-speaking immigrant undergraduates and workers.

Key words: *intercultural competence, acculturation orientations, socio-cultural adaptation, cultural integration*

INTRODUCTION

During the last decades the mass mobility, international migration and other forms of intercultural encounters have become prominent in many parts of the world. Every year over half a million of people come to the EU countries using different illegal channels, and 400 000 more officially seek shelter on the European continent. Enhanced interaction between the different cultures increases the necessity of practical and theoretical knowledge of factors for successful intercultural adaptation.

Migration causes permanent processes of acculturation, involving migrants but also members of the mainstream society. Acculturation can be defined as ‘the process of cultural change and adaptation that occurs when individuals from different cultures come into contact’ (Gibson, 2001, p. 19). This definition implies that both cultural groups are influenced by their mutual intercultural contacts and transformed of their respective cultures as a way of adapting to one another (Berry, 1997; Sam, 2006).

Consequences of such contact can be either cultural dualism- coexistence of cultures without violent internal imposing of one culture over the other, or assimilation- total and systematic oppression and discrimination of one culture over the other.

Results of surveys reveal that successful socio-cultural adaptation of minority groups is accomplished through the acquisition of adequate social and behavioral skills necessary for successful interaction with members of the host culture, i.e. by choosing an integration strategy (Berry, 1997; Schmitz, 2001). However, the achievement of successful adaptation and cultural integration depends not only on the immigrants' acculturation orientations (assimilation, integration, separation and marginalization), but also on the involvement of the host majority members in the acculturation process, on what acculturation goals they have and on how they can shape the acculturation orientations of immigrant groups.

Host intercultural competence and predisposition are also major variables in the structure of cross-cultural adaptation and interaction. They facilitate or inhibit intercultural transformation (Gudykunst & Mody, 2001). IC as a type of behavior is defined by the knowledge of the native and other cultures, by the ability to accept the socio-cultural differences, by the respect for the others and by the ability to live and act successfully together with people of other cultures, languages and religions (Paelman & Verlot (2003).

If we refer to the results of socio-psychological research examining various aspects of intercultural competence, we can see that the structure of the construct consists of three main components:

- *cognitive dimension*- (knowledge of their own culture and other cultures, knowledge of techniques to prevent and resolve intercultural conflicts; methodical readiness to work in a multicultural classroom, etc.),
- *value-affective dimension*- (developed system of humanistic values and value orientations, consistent with the principles of multiculturalism, positive ethnic identity, tolerance);
- *behavioural dimension* - (the level of formation of intercultural interaction skills; ability to apply methods of pedagogical work in a multicultural team; humanistic-oriented style of pedagogical interaction, etc.) (Sercu 2004; Spitzberg & Cupach, 1984).

This study, respectively, investigates how the intercultural competence of the host society members in Germany relates to their acculturation goals and attitudes towards immigrants.

QUESTIONS AND HYPOTHESES

Research in cross-cultural psychology has shown that two interacting cultural groups have different preferences for acculturation strategies and, as a result of this conflict, the dominant host majority has problems in interaction with minority groups (Sam & Berry, 2006; G. Barrette et al., 2004). Host majority members can shape the acculturation orientations of immigrant groups.

Hypothesis 1: Acculturation goals with which the sample of the “new Germans” identifies itself will significantly differ from the acculturation strategies, adopted by the minority group. Acculturation goals of host society and acculturation strategy of migrant group are related.

In literature host intercultural competence is the major variable in the structure of cross-cultural adaptation and interacts. It facilitates or inhibits intercultural transformation (Gudykunst & Mody, 2001). This makes it an important indicator of socio-cultural adaptation and cultural adjustment.

Hypothesis 2: Intercultural Competence by host society members has effect on predicting acculturation goals.

Hypothesis 3: Intercultural competence by host society members influence on attitudes towards migrant groups.

Hypothesis 4: Intercultural competent may function as a mediator in relationship between acculturation goals and attitudes towards migrants.

SAMPLE AND METHODS

Participants in this survey were native German undergraduates and workers (N = 306; 68,3 % female and 31,7% male) as well as Russian-speaking immigrant undergraduates and workers (N = 64; 74,8% female and 25,2% male).

The age of the interviewed people lies between 18 and 55 (M = 25.53; SD=9.56 and the median is MD=23.5 years). 67,2% of the German sample are students and 32,8% work full time. 24,7 % of the participants with immigrant background are students while 75,3% are workers.

Data Collection:

The results of this study were gathered by administrating anonymous Questionnaire:

- Multicultural Personality Questionnaire (MPQ) developed by Van der Zee, K.I. and Van Oudenhoven, J.P. (2000). The questionnaire has scales for Cultural Empathy, Open-mindedness, Emotional Stability, Orientation to Action and Flexibility (Van der Zee, & Van Oudenhoven, 2000).
- Scales for acculturation strategies (acculturation goals) based on the model of Berry (1997). Variables: acculturation strategies/goals - integration, assimilation, separation/segregation, and marginalization / exclusion.
- Scale for measuring of hostility towards immigrants (Wetzels, Gabriel, Pfeiffer, 1998).
- Scale for Attitudes towards the out-group developed by Waldzus et al. (2003). Variable: sympathy, willingness for intergroup contact, favorable behavioral intentions towards the out-group and tolerance towards out-group

RESULTS AND DISCUSSION

The acculturation orientations of both studied groups were compared. Results reveal that the referred acculturation goals, endorsed by the German host majority members towards immigrant members, are integration (M: 3.71) and assimilation (M: 3.25), while segregation (M: 2.74) and exclusion (M: 2.26) are at least endorsed. By immigrant members the order of orientation preference is different. Most strongly

supported is again integration (M: 3.75). Separation is moderately endorsed (M: 3.06), whereas assimilation (M: 3.00) and marginalization (M: 2.23) are at least approved acculturation orientations.

A comparison between the preferred acculturation orientations of both cultural groups gave statistically significant results. Immigrant members prefer separation to assimilation ($t = -3.926, df = 346, p = .000$), while host majority members- assimilation to segregation ($t = 3.598, df = 345, p = .000$).

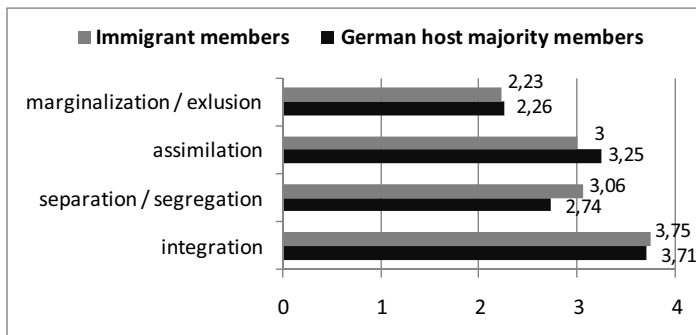

FIGURE 1. German majority members' acculturation goals towards immigrants and Russian-speaking immigrants' acculturation strategy.

Pearson product correlations revealed meaningful negative correlations between immigrant orientation- integration and host goal- exclusion ($r = -.809^{**}; p = .000$), and between host goal- assimilation and immigrant orientation- separation ($r = -.572^{**}; p = .000$).

The results indicated that host Intercultural Competence is correlated with acculturation goals (Table 1). Cultural Empathy is slightly associated with assimilation ($r = -.129^*; p < .01$), integration ($r = .152^*; p < .001$), segregation ($r = .115^*; p < .01$) and exclusion ($r = -.165^*; p < .001$). The variable openmindedness has a moderate correlation with integration ($r = .273^{**}; p < .001$), assimilation ($r = -.218^{**}; p < .001$) and exclusion ($r = -.202^{**}; p = .000$).

The correlation analysis shows that host Intercultural Competence has influence on the Attitudes towards the out-group. Cultural Empathy is highly associated with favorable behavioral intentions towards the out-group ($r = .388; p < .001$) and with willingness for intergroup contact ($r = .276; p = .000$). Openmindedness is significantly associated with sympathy ($r = .296; p = .000$), willingness for intergroup contact ($r = .416; p = .000$), favorable behavioral intentions towards the out-group ($r = .402; p = .000$) and tolerance towards the out-group ($r = .150; p = .028$). Orientation to Action is slightly related to sympathy ($r = .138; p = .042$) and favorable behavioral intentions towards the out-group ($r = .140; p = .040$). Flexibility is highly associated with tolerance ($r = .166; p = .015$), sympathy ($r =$

=0,205; p = .002) and favorable behavioral intentions towards the foreign group (r = .175; p = .01).

There is also a negative correlation between Hostility towards minority groups and Open-mindedness (r = -.232; p = .001), Flexibility (r = -.203; p = .010) and a positive correlation on a significant level with Emotional Stability (r = .113; p = .04). Simple regression analysis shows that emotional stability is a predictor for exclusion ($\beta = -.194^*$, p < .001) and integration ($\beta = .224^{**}$; p < .001; R² = .216). The hostility towards immigrant groups is predicted by flexibility ($\beta = -.206^*$; p = .000), emotional stability ($\beta = .153^*$; p < .01) and open-mindedness ($\beta = -.167^*$; p < .001; R² = .483).

TABLE 1
Correlations between Intercultural competence components and Acculturation goals and Attitudes towards the out-group

	Cultural empathy	Open-mindedness	Orientation to action	Flexibility
Integration	r= .152* p< .001	r= .273** p< .001		
Assimilation	r= -.129* p< .01	r= .274** p< .001		
Segregation	r= .115* p< .01			
Exclusion	r= -.165* p< .001	r= -.202** p= .000		
Hostility towards immigrants		r = -.232** p = .001		r = -.203** p = .010
Sympathy		r= .296** p= .000	r= .138* p< .01	r= .205** p< .001
Willingness for intergroup contact	r= .276** p= .000	r= .416** p= .000		
Favorable behavioral intentions towards the out-group	r= .188* p< .001	r= .402** p= .000	r= .140* p< .001	r= .175* p< .01
Tolerance towards out-group		r = .150* p < .01		r = .166* p < .001

When checking for a mediation effect, we have found that the contribution of intercultural competence does not make a significant effect on the relationship between acculturation goals and attitudes towards migrants.

CONCLUSIONS

We also found many strong links between the components of intercultural competence and the attitudes and behaviours towards migrants.

In conclusion, this report emphasized that IC plays a major part in intercultural interaction. Understanding the relationships between IC and acculturation strategies

can help social scientists develop and apply adequate methods and give suggestions for the development of acculturation programmes.

The results of this study support hypothesis that there is a significant difference between acculturation strategies adopted by the minority groups and acculturation goals of the host majority members. While the German host majority members expect immigrants to be assimilated into their new host society, the immigrants themselves prefer a strategy of separation. Both cultural groups choose integration as the preferred strategy for intercultural interaction. These findings are congruent with previous studies (Bourhis & Dayan, 2004).

As expected, the host majority's acculturation goals influence immigrant orientation. The highest levels of assimilation result in a stronger movement towards the separation strategy by immigrants.

The study also revealed that the IC components influence the acculturation goals of the host majority group with regard to attitudes towards the out-group. Higher indicators of emotional stability enforce the choice of integration and diminish the movement towards exclusion. A high level of cultural empathy and openmindedness helps the choice for integration and makes the choices of assimilation and exclusion less probable.

Authors' note: This research was made possible thanks to a grant from the *German Academic Exchange Service (DAAD)*. The author remain solely responsible for the views and interpretations presented in this paper.

REFERENCES

1. Barrette, G., Bourhis, R. Y., Personnaz, M., & Personnaz, B. (2004). Acculturation orientations of French and North American undergraduates in Paris. *Interruptional Journal of Intercultural Relations*, 28, 415-438.
2. Berry, J.W. (1997). Lead Article Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 46 (1), 5-68.
3. Bourhis, R. Y. & Dayan, J. (2004). Acculturation orientations towards Israeli Arabs and Jewish immigrants in Israel. *International journal of psychology*, Vol. 39 (2), 118 - 131.
4. Gibson, M. A. (2001). Immigrant adaptation and patterns of acculturation. *Human Development*, 44, 19-23.
5. Gudykunst, W. & Mody, B. (2001). *Handbook of Intercultural and International Communication*, Newbury Park, CA: Sage Publications. Review, 46, 5-34.
6. Cui, G., & Van den Berg, S. (1991). Testing the construct validity of intercultural effectiveness. *International Journal of Intercultural Relations*, 15, 227-241.
7. Sam, D. L. & Berry, J. W. (2006). *The Cambridge handbook of acculturation psychology*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 11-26.
8. Sercu, L. (2004). Assessing intercultural competence: A framework for systemic test development in foreign language education and beyond. *Intercultural Education*, 15, 73-89.
9. Strobl, R. & Kuehnel, W. (2000). *Dazugehörig und ausgegrenzt. Analysen zu Integrationschancen junger Aussiedler*. Weinheim / München.

УДК: 325.2.001.1

ОПЫТ АВСТРИИ И СЛОВАКИИ В ОБЛАСТИ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Снежана Йовева-Димитрова
Начальник политического кабинета
министра без портфеля,
Министерски съвет, Болгария
s.yoveva@government.bg
yovevad@gmail.com

В Европейском Союзе миграция и интеграция процессов являются двумя сторонами одного и того же явления, поскольку оба процесса продиктованы потребностями простых людей - в поисках лучшей жизни и развития карьеры. Часто мотивы миграции могут иметь публичный характер, такие как проблемы в области политики, экономики, социальной сфере, медицине, экологии. Таким образом, в последние годы, виды миграций становятся все более разнообразными и конкретными - такие как политическая, историческая, социальная, студенты, до миграции здравоохранения¹, охраны окружающей среды² и т.д.

Среднеевропейские процессы интеграции дают возможность сопоставления механизмов и их успеваемости, а в отдельных странах, как в Австрии и Словакии, может эти процессы и разнородны, однако, учитывая общие европейские стандарты и нормы, касающиеся миграции, безопасности и доступу к рынку труда, формируется одна общая среднеевропейская политика интеграции меньшинств.

Каждый иммигрант, независимо от своего местонахождения, считает, что его интеграция развивается в трех аспектах:

- функциональный, в области занятости, жилья, образования и знания языка;
- эмоциональный, связанный с принадлежностью и созданием социальных связей и контактов;
- аспект равенства иммигрантов - желание иметь равные права, как и все остальные в принимающем обществе.

Эти факторы определяют конструкцию данного общества.

Какова ситуация в Австрии в области интеграции?

¹ Имеется ввиду временная миграция, связанная с лечением. Например, в последние годы Израиль является таким типом государства, где медицина не только на высоком уровне, но еще и рекламируется. Таким образом, появился так называемый "Туризм здоровья", который постепенно переходит в миграцию здравоохранения.

² Имеется ввиду миграция из-за экологических катаклизмов или климатических изменений.

Последние социологические исследования показывают, что численность населения Австрии стало более разнообразным – из около 8 миллионов жителей, более 730 тысяч (или 9,1%) являются иностранцами, из них 62,8 процента являются выходцами из бывшей Югославии и Турции.³ Из-за своего геополитического положения в период холодной войны, Австрия была одним из основных участников для приема и транзита беженцев, спасающихся от коммунистических режимов в странах Восточной и Центральной Европы. В ответ на нарастающее количество лиц, ищущих убежища, правительство Австрии предпринимает ряд реформ, вводящих более строгие правила, направленных на ускорение процесса принятия решений и сокращения числа необоснованных ходатайств о предоставлении убежища. В 2000 году было осуществлено реформирование законодательства об иностранцах и иммиграционной политики. Реформы ввели новые правила в трех важных областях:

1. Трудовая миграция в основном ограничивается ключевым персоналом.

2. Наем сезонных работников облегчается значительно для областей за рамками традиционного сельского хозяйства и туризма с продолжением срока работы до одного года.

3. Все новые иммигранты из стран, не входящих в ЕС (так называемые третьи страны) должны присутствовать на "курсах интеграции", состоящие в основном из языковых курсов и введения в основные правовые, исторические и политические аспекты Австрии.

Хотя Закон об иностранцах входит в силу с 2002 года, начало интеграционных курсов запоздало, что сделало невозможным оценку их воздействия.

Одним из шагов, которые предпринимает Австрия для интеграции иммигрантов, является акт легализации в 1990 г. всех незаконно работающих иностранцев. В 1997 году в новый закон об иностранцах вводятся изменения с целью интеграции иностранцев, уже присутствующих в Австрии, вместо новых иммигрантов. Эта политика известна как "интеграция до иммиграции" и "пакет интеграции". Самым главным в этом законе является принцип "последовательной" консолидации жительства по шагам с 5, 8 и 10 лет.

Параллельно с процессом интеграции запущена и тема о сокращении механизмов защиты обществ в Европе, как угроза для суверенитета. В общественной жизни появляется и разделение на европейских и неевропейских, на христианских и нехристианских (мусульманских) иммигрантов. Такое разделение существует в Австрии, и на его основании есть конкретные и разнообразные стратегии и практики по типу мигрантов. Они реализуются через:

³ По данным переписи Австрии 2005 - <http://www.statistik.at/>

- Миграционный региональный фонд, ориентированный на мусульманскую общину. (Работа с проектами в области образования, социальной и профессиональной интеграции и адаптации.)
- Консультационный центр по вопросам интеграции и адаптации мигрантов в рискованной и маргинальной группе.
- Консультативный Фонд, новоучрежденный по вопросам интеграции мигрантов из стран Восточной и Юго-Восточной Европы.
- Информационно-консультативный центр для нововошедших в ЕС стран (болгары и румыны), Компас.

Какая была международная оценка - в соответствии с индексом интеграции Европейской Комиссии в январе 2007 года, Австрия одна из самых слабых в Европе. В отличие от Италии, которая поднялась на первые места с "ветеранами" в ведении хорошей политики в области миграции, как в скандинавских странах - Швеции, Дании, Нидерландах.

В неправительственном секторе существуют много организаций, например только в Вене, работающих с иммигрантами, насчитывается около 180. Некоторые из них финансируются полностью за счет государства, а другие лишь частично. *Солидарность и открытость* являются основными принципами большинства НПО в Австрии.

Выделяются три уровня работы с иммигрантами в Вене:

- уровень государственных органов;
- уровень муниципальное управление;
- уровень неправительственного сектора.

В целом - можно сказать, что иммиграционная политика в Австрии имеет двойственный характер: с одной стороны, проявляется в мерах, которые принимают иммигрантов радушно, с другой стороны – ограничение иммиграции. Адаптация как процесс имеет важное значение для достижения интеграции.

Кризисные ситуации в интеграционных политиках возникают из тех мест, откуда начались первоначальные волны миграции в Австрию, а именно начале 60-х, 70, 20 века, когда новоприбывшие группы для работы из средних Балкан и Турции, вместо того, чтобы быть интегрированными, они законсервированы и неприспособлены в австрийском обществе. Отсутствие хорошей схемы интеграции и реализации конкретной региональной политики (как например скопление различных этнических общин в Вене, в отличие от "чистых" районов в западной части Альп, Граце и Инсбруке!) привело к напряженности и последующей инкапсуляции меньшинств, это привело к яркому политическому резонансу - зарождается сильный национализм, который является крайним и в разрез с европейскими ценностями и демократическими идеями свободы и солидарности.

Таким образом, в последние годы, Австрия стала испытывать "кризис в интеграционной политике,, (Дресслер, 2000:23-54).

Какова ситуация в области интеграции в соседней Словакии?

Какая миграция и какая интеграционная политика там существует? Словакия является страной где, скорее всего можно сказать, что есть эмиграция, нежели иммиграция. После падения коммунистического режима и созданный новый социально-экономический порядок после 1989 года, ведет к очень динамичным изменениям в области миграционного и интеграционного облика в стране. Нелегальная иммиграция, увеличивающееся число беженцев, проявление нетерпимости, ксенофобия и дискриминация, а также и недостаточный анализ трудовой миграции, отсутствие регистрации трудовых мигрантов, проблемы интеграции иностранцев и проявляются только некоторыми из проблем, которые появляются в словацком обществе.

После вступления Словакии в ЕС и НАТО в 2004 миграционная картина также терпит изменения и динамику трудовых мигрантов и так называемая студенческая (образовательная) миграция становится все более активной и динамичной. Однако, поскольку эти процессы не создают проблем в государственной политике и в управлении, считается, что это т вопрос не является приоритетным для страны. Иностранцы в Словакии лишь 0,6% от общей численности населения. В отличии от Австрии, которая является страной с сильно разнообразными и мультикультурными меньшинствами, в Словакии говорят об общинах, которые признаются в качестве национальных меньшинств с соответствующими правами и политикой.

В действительности, Словацкая республика не испытывает потребности в значительных правовых, организационных или иных изменениях или в особом подходе к миграции, так как проблемных областей не наблюдается. Тем не менее, правительство Словакии создает в 1993 г. в министерстве внутренних дел Словацкой Республики службу „Миграция”. В начале нового тысячелетия становится явным, что все же существует необходимость в миграционной политике и то в такой, которая будет совпадать с современной ситуацией в стране, в регионе Центральной Европы и Европы в целом. В отличие от своих соседей, государство больше склонно ограничить, нежели поддержать легальную иммиграцию. Принято множество законов для защиты границ, здравоохранения и социального обеспечения, занятости, предпринимательства, собственности, дискриминации и т.д., касающихся положения мигрантов в обществе. Подготовленная концепция миграционной политики Словацкой республики была принята в январе 2005 года, что является основным стратегическим документом, отражающим процессы интеграции и предоставления убежища иммиграции в странах Европейского союза.

В словацком обществе существуют три группы мигрантов:

- Самую большую группу составляют те лица из соседних стран, которые связаны с постоянной циркулирующей рабочей или образовательной миграцией. Естественно, преобладают выходцы из Чешской Республики. Они в основном заняты или берут активное участие в различных секторах экономики, но для большинства из них воссоединение семьи является очень важной

причиной, чтобы обосноваться в Словакии. Почти то же самое можно сказать и о иммигрантах из Польши и Венгрии. С другой стороны, украинцы - в основном мужчины - используются в качестве рабочих в строительстве, промышленности и лесного хозяйства. Украинцы, поляки и венгры, обычно приезжают из районов, прилегающих к Словакии.

- Следующая группа состоит из лиц из стран с исторически сложившимися общинами иммигрантов в Словакии (Россия, Болгария, Хорватия). Они работают, учатся или создают семьи и постепенно присоединяются к национальным меньшинствам в стране. Таким же образом, выходцев из Сербии и Румынии можно частично включить в эту категорию.

Нарастает поток иммигрантов из азиатских стран, особенно вьетнамцев и китайцев. Одной из самых динамично развивающихся групп за последние годы являются иммигранты из "старых" странах ЕС.

На практике, участия иммигрантов в общественной жизни и их интеграция в общество не проявляется ярко в Словацкой республике. Есть несколько факторов, объясняющих это:

- Словакия не имеет долгую историю иммиграции. Кроме того, значимо мало число иностранцев в Словакии, особенно в сравнении с соседними странами;
- Нет никакой конкретной территориальной концентрации мигрантов (исключая венгерское меньшинство, которое сконцентрировано главным образом в Братиславской области - примечание автора);
 - В политическом и социальном плане - очень низок или даже практически равен нулю шанс на успех, если мигранты являются кандидатами на выборах в местные и региональные власти, а также - невозможность участвовать в выборах и быть избранными в словацком Парламенте.
 - Количество НПО и ассоциаций иммигрантов в Словакии является недостаточным, в отличие от Австрии. Словакия по-прежнему остается в основном транзитной страной для мигрантов.

Словацкая республика переживает период трансформации в восприятии четкого представления о миграции, в то время как в Австрии разнообразие общественных групп и меньшинств, придает мультикультурный климат в стране. Система учреждений, занимающихся проблемами мигрантов в Словакии, является неполной, фрагментарной и неконсолидированной. Для того, чтобы улучшить нормальное функционирование, запланировано их объединение в одну центральную власть в стране с 2010 г. Новое учреждения, охватывающее области иммиграции, интеграции, предоставление убежища, гражданства и репатриации мигрантов.

Интеграционная политика для мигрантов в Словакии и Австрии показали, что это две разные модели социализации граждан, но в унисон и в соответствии с европейскими требованиями. Если Австрия, которая несмотря на очевидно

богатый опыт с различными общностными группами, в последние 30 лет, потеряла лидирующие позиции по успеваемости в этом процессе, то Словакия в настоящее время входит в него. Если большая группа иммигрантов из Турции, установившаяся главным образом в Вене и в окрестностях, являются по-прежнему **инкапсулированными сообществами**, то в Словакии, подобное явление не наблюдается. Там наблюдаются специфические проблемы, связанные с венгерским национальным меньшинством, которое, насколько выглядит интегрированным, настолько и направляет на защиту своей венгерской идентичности. Более того! Венгерское государство, даже предприняло жесткие законодательные меры в июне 2010 года, приняв новый закон, для получения венгерского гражданства, что является крайне либеральным и гибким актом по отношению к венгерскому меньшинству, проживающему не только в Словакии, но и в Румынии, Сербии, Хорватии. Европейские политики поспешили раскритиковать венгерскую агрессивную политику, которая очевидно стремится изменить устойчивость национальных идентичностей в Центральной Европе.

Следуя рассуждениям исследователя миграционных процессов в Центральной Европе Дреслер,:"... когда начнется присматривание к „твердости Земли” и в пространство - это признак невысказанного страха от потерянного чувства национальной идентичности." В глобальном плане процесса европеизации, этот процесс является необратимым и вероятно даст ответ и на такие вопросы как: Кто мы такие?

Литература

1. Ager A. and A. Strang (2008). Understanding integration: a conceptual framework.- Journal for refugee studies.
2. Buzan B., Waever O. & J. De Wilde (1998). Security: A new framework for analyses. London. Lynne. Rienne Publishers.
3. Chimni, B. Globalization, *humanitarianism* and the erosion of refugee protection. Journal of Refugee Studies, 13, 2000, 243-263.
4. Jacobs D. and A. Rea (2007). The end of national models? Integration courses and citizenship trajectories in Europe.- International Journal on Multicultural Societies, vol. 9, N 2, 264 – 283.
5. Migrant integration policy index. (2007). British Council.
6. Davies, N. Europe a History. New York/Oxford: Oxford University Press. 1997.
7. Weiner, M., Global Migration Crisis, цитирано в “Сблъсъкът на цивилизацията и преобразуването на новия световен ред”, в Хънтингтън, Самюъл, С. 2000
8. Комисия за бежанците към ООН - <http://www.unhcr.bg/>

УДК 159.9.316.6

VALUE ATTITUDES IN SOCIAL CHANGE (comparative study of Bulgarian and Ukrainian students)

Dr. Velislava Chavdarova
University of Veliko Tarnovo "Kiril and Metodi", Bulgaria

Abstract: *The change of the value attitudes is conditioned by a number of determinants, some of which are socio-psychological, social, nationally-specific, personally-determined, etc. The most sensitive to dynamic social trends are students, who are the subject of this research. With the purpose to outline the nationally specific characteristics of the change in the value attitudes in the period September 2007 - March 2008, we carried out a cross-cultural survey of two groups of students – Bulgarian and Ukrainian – using the methods of Rokeach and Schwarz. In applying them we identified different cores of the value system and different category and dimensional structure of the two surveyed groups.*

The investigation of the values and the value orientations, individually as well as on a group level, is particularly a question of present interest in the situations of "collision" between the nationally specific and the global issues.

The individuals face a choice of values, which on the one hand appears in their worldview and, on the other hand determine both their individual and group behaviour. In the contemporary Bulgarian scientific practice the most comprehensive and deep applied research of the values on an individual and group level in the context of intercultural research, are carried by Kr. Baychinska (Baichinska, 1994, 1998, 1999). The comparative studies which are an object of our further scientific research, are one of the approaches, which give the opportunities for diagnosis of the national specificity of the personality's value identity and is determined by a lot of factors among which are the psychological, social, nationally-specific, social-economic, etc.

The varification of the category value puts it in relation with the terms attitude and conviction. The attitudes are defined as predispositions towards the different social objects. We stand on the opinion that the value attitudes are both an element of the social regulatory system and the subjective perceptions of the contemporary individual (Klincharski, 1989). Therefore the social attitudes of the personality are a subjective element of the objective values and accepting these values is a function of the process of socialization.

Relying on the thesis that the students are that part of society which to a great extend reflects the liberal social trends (Baychinska, 1994), we carried out a comparative study of 165 Bulgarian and 173 Ukrainian students from different majors at St.St. Cyril and Methodius University of Veliko Tarnovo and Ivan Franko National University of L'viv (Western Ukrain).

The purpose of this study is the comparison between the individual and the national value attitudes under the conditions of social change and differentiating the characteristics of the value model of Bulgarian and Ukrainian students.

We set the following *tasks*: 1. To find out the national specificity in the core value system of Bulgarian and Ukrainian students. 2. To diagnose the national peculiarities, the categorical structure of the value system in the two observed groups. 3. To set the dimensional structure of the value system of Bulgarian and Ukrainian students, using a comparative analysis of the results.

Our research *hypothesis* is based on the statement that there are significant statistic differences in the core of the value system of the researched people, which are nationally specific.

1. Among the Bulgarian students dominate the value priorities which are based on the self-approved liberalism (Baychinska, 1994), which includes a combination of value attitudes relevant to self-approval tendencies (confidence, knowledge, secured life, interesting job, public recognition) and rigidity towards changes. 2. Among the Ukrainian students dominate the value priorities which are based on the self-approved conservatism, which includes a tendency towards relations with the others (good friends, creative work) combined with rigidity towards changes. 3. Typical for both groups is the tendency towards the approval of individualistic type of value attitudes.

The methodology of the research includes: 1. Applying M. Rokeach's test for diagnostics of the terminal values. 2. Testing using Schwartz's methods for examining the categorical and dimensional structure of the value system adapted to fit the Bulgarian conditions and presented to us after a corresponding training by Kr. Baychinska. 3. Statistical methods of analysis – Stuart's test for comparing the average in independent samples, factor analysis and linear discriminant analysis.

The usage of these methods is based on the main approaches formulated by Kr. Baychinska for an applied analysis of the value attitudes.

1 Structural- power approach which is related to Rokeach's theory

The author determines the values as *preferable models of conductor end-states goals, located in the continuum of importance*. Rokeach takes the value orientations as basic conviction of the individual regarding desirability, appropriateness, having compulsory set goals and the behavioral repertoire of techniques to achieve. Therefore, *value is sustainable conviction, whose specific style of behavior or way of existence, are personally or socially preferable, unlike the opposite way of behaviour, personal or group existence.* Values are abstract ideals, positive or negative, unrelated to any object or situation, representing personal beliefs about ideal models of behaviour and ideal terminal goals. Examples of ideal models of behaviour are the search of truth and beauty, the maintenance of order and cleanliness, behaviour that is sincere, fair and compassionate, etc. (Rokeach, 1968:124).

Values form a system in terms of their importance. Therefore from a methodological point of view Rokeach assumes that the study of values should be carried out through their ranging.

This method is based on the need to reflect the phenomenology of value choices. According to it value choice and every other behavioral choice is more a result of the ranging process rather than of scaling. Ranging itself has its own criterion of the ego of personality. “Life is connected with the assessment based on the ego”. (Rokeach, 1968:124). Rokeach’s methods belong to the so called direct test methods and are built on a *vertical hierarchical structure model*.

The following table contains the average results of a comparative analysis of the characteristics of the two surveyed groups of students, implemented with the methods of Student.

Table 1
Results of the comparative analysis by the test of Student

	On the average Bulgarians	On the average Ukrainians	t(286)	p
Active and busy life	8.455	8.605	-0.286	0.775
Life wisdom	8.686	8.425	0.434	0.665
Health	3.421	8.754	-11.430	0.000
Interesting job	9.950	2.826	15.681	0.000
Beauty of nature and art	13.331	13.892	-1.072	0.285
Love	6.884	5.802	2.159	0.032
Life of independent means	9.107	8.605	0.814	0.416
Good and true friends	7.355	6.503	1.822	0.069
Public recognition	12.041	11.054	1.702	0.090
Knowledge	8.678	11.174	-4.869	0.000
Productive life	11.058	10.581	0.917	0.360
Development	7.760	10.216	-4.919	0.000
Entertainment	12.157	8.904	5.949	0.000
Freedom	8.017	7.359	1.161	0.246
Happy family life	9.256	13.246	-7.208	0.000
Happiness for the others	12.893	14.144	-2.563	0.011
Creative work	13.579	8.323	10.153	0.000
Self-confidence	7.711	12.096	-8.528	0.000

The table shows that the core value system of Bulgarian students includes health, love, good and true friends, self-confidence and development. Lowest is the importance of the values happiness for the others, beauty of nature and art and creative work.

The core value system of the Ukrainian students includes the values: interesting job, love, good and true friends, self-confidence and development. Lowest is the importance of the values happy family life, beauty of nature and art and happiness for the others.

The following table shows the results of the comparative analysis of the variances on Fisher’s test.

Table 2
Results of the comparative analysis by the test of Fisher

	On the average Bulgarians	On the average Ukrainians	F(120,166)	p
Active and busy life	4.506	4.331	1.082	0.635
Life wisdom	4.935	5.105	1.070	0.696
Health	3.554	4.146	1.361	0.074
Interesting job	3.851	3.772	1.042	0.800
Beauty of nature and art	4.172	4.539	1.184	0.328
Love	4.643	3.842	1.460	0.024
Life of independent means	5.506	4.917	1.254	0.178
Good and true friends	4.211	3.693	1.300	0.118
Public recognition	4.864	4.859	1.002	0.983
Knowledge	4.420	4.200	1.108	0.540
Productive life	4.547	4.213	1.165	0.363
Development	4.157	4.199	1.020	0.915
Entertainment	4.299	4.772	1.232	0.225
Freedom	4.539	4.881	1.156	0.399
Happy family life	5.344	4.047	1.744	0.001
Happiness for the others	4.670	3.609	1.674	0.002
Creative work	3.898	4.626	1.408	0.047
Self-confidence	4.495	4.166	1.165	0.363

To assess the competitive differential effect of different values on one of the two nationalities we apply the linear discriminant analysis. The results are listed in the following table. The factor variables are determined by selection, using the backward stepwise method.

Table 3
Results of the discriminant analysis

Wilks' Lambda = 0.299; F(6,281) = 109.45; p<0.001			
	Partial Lambda	F(1,281)-To-Remove	p-level
Health	0.843	52.340	0.000
Interesting job	0.769	84.554	0.000
Knowledge	0.949	15.065	0.000
Happy family life	0.929	21.358	0.000
Creative work	0.901	30.801	0.000
Self-confidence	0.906	29.202	0.000

The model incorporates the variables with the highest discriminant power, selected using a specific statistical criterion. All variables used have a very strong discriminant significance [$p < 0.001$]. The model has a high classification capacity of known cases, which is shown in the following table.

Table 4.

	Correct predictions percentage	Predicted Bulgarians	Predicted Ukrainians
Observed Bulgarians	88.43	107	14
Observed Ukrainians	95.21	8	159
Total	92.36	115	173

The linear discriminant model does not predict only 22 cases out of 288. After analyzing the data obtained, the following conclusion can be made:

1. This model shows that 136 (81%) of the cases from the Ukrainian sample can be classified (ID = 5) as “preferring less interesting but creative work, without priority to health”, other 23 (14%) of the cases of the Ukrainian sample can be classified (ID = 15) as “preferring less interesting but creative work but without particular concern for happy family life”
2. In the case of the Bulgarian sample 143 (85%) of the cases could be classified (ID = 19) as preferring relatively dull and non-creative work with an emphasis on health without priority to beauty”.
3. The above classifications are in their essence a linguistic values typification of the two populations.
4. There is a significant difference in the core value system for Bulgarian and Ukrainian students. The Ukrainian students’ priority is creative work, while for the Bulgarian students the focus in the core of the value system is health.
5. Neglect of values as beauty of nature and art, life wisdom, happiness for the others and creativity is typical for both the Bulgarian and the Ukrainian students
6. The situation of a long social transition leads to affirmation of material comforts, including life of independent means, social recognition, productive life and devaluation of the existential values as worldly wisdom and creativity.
7. Both groups of surveyed people put a priority to the value “good and true friends”, which in our view is conditioned by the similarity in the psychology of Bulgarians and Ukrainians.
8. The high ranking of values as “love”, “good and true friends”, “worldly wisdom”, “life of independent means” etc., is determined by the characteristic living standards in both nations.
9. The public activity demonstrated by the Ukrainian students during the last decades is consistent with the inclusion of the value “freedom” in the core of their value system.

10. It can be assumed that the inclusion of values as “self-confidence” and “development” in the core of the Bulgarian students’ value system, reflects the already established by Kr. Baychinska and M. Garvanova trend towards recognition of individualistic value orientations in modern Bulgarian culture (Baychinska, 1998, Garvanova, 2008).
11. Placing the value “happiness for the others” at the lowest positions in both groups of surveyed people is indicative of the lack of altruistic tendencies in both communities.
12. In both groups of surveyed people there is a value heterogeneity which gives reasons to assume that the national specificities do not dominate and determine the value aspect of the students, although undoubtedly they influence it.

II. The second major approach to study the value attitudes is defined by Bychinska (Baychinska, 1994) as *structural-typological* and is described and verified in the largest intercultural study, carried out by S.H. Schwartz in the 1990s. According to the obtained results the value system is relatively independent of cultural influences and on an individual level it includes 10 categories of value in whose structure there are values that come with the same motivation goal. The values *safety, harmony and stability in society, relationships and the Ego* are included in the category of **security**. The category of **conformity** implies a refrain from actions and impulses that can hurt others and violate social norms and impulses. The respect and tolerance to cultural and religious traditions are included in the category of **tradition**. **Goodwill** implies striving for safe-keeping the well-being of those people from your surroundings. The understanding and tolerance towards all people and nature form the category of **universalism**. **Self-purposefulness** reflects the aspirations to independence of thought and action. The need for diversity in life is reflected in the category of **stimulation**.

Hedonism is defined as the pursuit of pleasure. Striving for personal success through demonstrating a competence corresponding to the social standards is demonstrated in the category of **achievement**. The category of **power** includes the values social status and prestige and control over people and resources (Schwartz, 1992, 1994).

These ten categories form two bipolar dimensions. The first dimension, called by Schwartz **self-transcendence against self-approval**, characterizes the attitude towards other people. Self-transcendence combines the categories of universalism and benevolence and self-approval-achievement and power.

The second dimension – **openness to change against conservatism** characterizes the attitude of the individual towards risk. Openness to change combines the categories of self-purposefulness, hedonism and stimulation; and conservatism combines the value categories of tradition, safety and conformity.

When the data of our analysis of the two nationality groups were compared using the methods of Student (for the average of two independent samples) and Fischer (for the dispersions of two independent samples), the following results were diagnosed:

Table 5
Comparison of nationality by the method of Student.

	Bulgarians on average	Ukrainians on average	T (312)	p	SD Ukrainians on average	SD Ukrainians	F (135,177)	p
Safety	5.350	4.866	4.317	0.000	1.009	0.964	1.094	0.571
Conformity	5.461	4.886	5.083	0.000	0.978	1.005	1.055	0.747
Tradition	4.094	3.933	1.042	0.298	1.547	1.198	1.667	0.001
Benevolence	5.360	5.117	1.952	0.052	1.303	0.905	2.074	0.000
Universalism	5.136	4.519	5.468	0.000	1.050	0.941	1.244	0.173
Self-purposefulness	5.497	5.006	4.411	0.000	0.833	1.076	1.670	0.002
Stimulation	4.654	3.993	4.501	0.000	1.366	1.231	1.231	0.195
Hedonism	5.074	4.680	2.884	0.004	1.297	1.118	1.347	0.064
Achievement	5.340	4.639	6.017	0.000	0.946	1.078	1.300	0.109
Power	4.221	4.037	1.215	0.225	1.486	1.198	1.538	0.007

The following table contains the results of a comparative analysis of the average values by the test of Fischer.

Table 6
Comparison of national affiliation by the method of Fischer.

	Bulgarians on average	Ukrainians on average	t(312)	P	SD Ukrainians on average	SD Ukrainians	F (136,178)	p
Safety	5.350	4.866	4.317	0.000	1.009	0.964	1.094	0.571
Conformity	5.461	4.886	5.083	0.000	0.978	1.005	1.055	0.747
Tradition	4.094	3.933	1.042	0.298	1.547	1.198	1.667	0.001
Benevolence	5.360	5.117	1.952	0.052	1.303	0.905	2.074	0.000
Universalism	5.136	4.519	5.468	0.000	1.050	0.941	1.244	0.173
Self-purposefulness	5.497	5.006	4.411	0.000	0.833	1.076	1.670	0.002
Stimulation	4.654	3.993	4.501	0.000	1.366	1.231	1.231	0.195
Hedonism	5.074	4.680	2.884	0.004	1.297	1.118	1.347	0.064
Achievement	5.340	4.639	6.017	0.000	0.946	1.078	1.300	0.109
Power	4.221	4.037	1.215	0.225	1.486	1.198	1.538	0.007

To assess the competitive differential effect of different values on belonging to one of the nationalities we applied the linear discriminant analysis. The results are listed in the following table. The factor variables are determined through selection by the method of the direct inclusion (forward stepwise).

Table 7
Results of the linear discriminant analysis

Wilks' Lambda = 0.793; F(7,306) = 11.383; p<0.001			
	Partial Lambda	F(1,306)-To-Remove	p-level
Achievement	0.947	17.184	0.000044
Universalism	0.981	5.900	0.015719
Power	0.972	8.920	0.003049
Stimulation	0.974	8.020	0.004934
Conformity	0.971	9.008	0.002910
Tradition	0.984	4.842	0.028527
Goodwill	0.993	2.272	0.132802

The model is characterized by good classification ability of known cases, which is shown in the following table.

Table 8
Classification table of the discriminant model.

	Correct predictions percentage	Predicted Bulgarians	Predicted Ukrainians
Observed Bulgarians	64.71	88	48
Observed Ukrainians	77.53	40	138
Total	71.97	128	186

After analyzing the data we may draw the following conclusions:

1. There are statistically significant differences between the two surveyed groups in terms of importance, which the respondents attribute to the categories of conformity, benevolence, universalism, self- purposefulness, stimulation, hedonism and achievements.
2. Bulgarians attach greater importance to the category of safety.
3. The same pattern can be found with the categories of conformity, self-purposefulness and stimulation.
4. Marginally significant differences in favour of the Bulgarians can be found with the categories of benevolence and universalism.
5. Both groups of surveyed people do not attach importance to the categories of tradition and power.
6. The category of benevolence is similarly valued by both national groups.
7. Both groups neglect the categories of tradition and power.
8. Both groups are characterized by a tendency to approve individualistic value attitudes, which include self- purposefulness and hedonism. With the Bulgarian students the tendency is reflected more strongly, since these rates are higher.
9. The Bulgarian students demonstrate higher rates with the second factor too, reflecting openness to change.

10. The degree differentiation of the dimensional structure of the value system of the Bulgarian students is salient then that of the Ukrainian students.

11. The dimensional structure of the Bulgarian students' value system can be defined as *self-approved liberalism*. The data confirm the results received by Kr. Baychinska and M. Garvanova in the period 1995-2005.

12. The model of self-approved liberalism is expressed in a stronger degree compared to data from previous years (Baychinska, 1992, 1995, 2005).

13. The dimensional structure of the value structure of the Ukrainian students can be defined as *self-approved conservatism*, because their openness to change is much less expressed.

In conclusion we can summarize that the social changes, which require new behavioral strategy, are indirectly reflected on the worldview and identity of young people, which is shown in the dynamics of value change in their attitudes. The heterogeneous trends observed in the early transition period- both modernizing and conservative (Baychinska, 1994), are being developed with different intensity in both surveyed groups. While with the Bulgarian students the intensity of change is more explicit, with the Ukrainian students there is a trend to promote the individualistic type of value attitudes, but its intensity is significantly weaker, which in our opinion, largely depends on a number of national specificities.

Bibliography

1. Байчинска, Кр. Ценности. Ценностен стрес? Ценностна криза. С., 1994.
2. Байчинска, К. Ценностният преход в светлината на индивидуализма / колективизма.- Социологически проблеми, 1995, №1, 34-53.
3. Байчинска, Кр. Ценностите на съвременната българска култура в крос-културна перспектива (категориален анализ). - сб. Социалните науки и социалната промяна в България, С., 1998.
4. Клиничарски, В. Ценностни параметри на психичното поле на личността. С., 1989.
5. Rokeach, M. The Open and Closed Mind. New York, 1960.
6. Rokeach, M. Beliefs, Attitudes and Values. San Francisco, 1968.
7. Schwartz, S.H. Universals in the content structure of values: Theoretical empirical tests in 20 countries. Orlando FL: Academic Press, 1992.
8. Schwartz, S.H. Beyond individualism – collectivism: New cultural dimensions of values. Newbury Park, 1994.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**CULTURAL INTEGRATION AND
IMMIGRATION IN MODERN SOCIETY:
INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVE**

**КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ИММИГРАЦИЯ В
СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
9- 10 АВГУСТА 2010 ГОДА**

Подписано в печать 20.09.2010
Формат 60*90/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 9,25
Тираж 50 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ВМВ».
Украина, 65053, Одесса, пр-т Добровольского, 82-а.
Тел. 751-14-87.